

И. Ю. Уваров

**ГОМЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
(1918–1925 годы)**

**Гомель
ГГТУ им. П. О. Сухого
2021**

УДК 94(476.2)
ББК 63.3(4Бей-4Гом)6
У18

*Рекомендовано к изданию Советом ГГТУ им. П. О. Сухого
(протокол № 5 от 18.01.2021 г.)*

Рецензенты: проф. каф. истории Беларуси и восточных славян
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова д-р ист. наук, проф. *К. М. Бондаренко*;
доц. каф. социально-гуманитарных наук Могилевского
института МВД канд. ист. наук, доц. *А. А. Воробьёв*;
зав. каф. истории славян и специальных исторических
дисциплин Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины канд. ист. наук, доц. *Г. А. Алексейченко*

Уваров, И. Ю.

У18 Гомель в исторической ретроспективе (1918–1925 годы)
[монография] / И. Ю. Уваров. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого,
2021. – 201 с. : ил.
ISBN 978-985-535-479-7.

В монографии представлен исключительно архивный материал первоисточников, которые отражают историческое прошлое Гомеля с 1918 по 1925 годы. Обширная документальная база, на которой основано все исследование, позволяет более подробно рассмотреть деятельность организаций и учреждений города на фоне всех событий начального периода становления советской государственной системы.

Для историков, краеведов, аспирантов, магистрантов, студентов, любителей городской старины и всех тех, кто интересуется историей Гомеля.

**УДК 94(476.2)
ББК 63.3(4Бей-4Гом)6**

ISBN 978-985-535-479-7

© Уваров И. Ю., 2021
© Оформление. Учреждение образования
«Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого», 2021

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Мероприятия органов советской власти Гомеля по сохранению и популяризации культурного наследия в 1919–1921 годы	8
1.1. Советская власть и научно-культурный потенциал исторического наследия Могилевщины в 1919 году	8
1.2. Защита частных библиотек и произведений искусства сотрудниками Гомельского подотдела по охране памятников старины в 1919–1921 годы.....	13
1.3. Развитие библиотечного дела в Гомеле и организация цензуры в средствах периодической печати в 1923–1925 годы	33
1.4. Начало работы Гомельской фотокиносекции в период культурных преобразований советской власти в 1919–1923 годы	38
1.5. Становление историко-краеведческой работы в Гомеле в 1923–1925 годы.....	47
1.6. Партийная и агитационная работа представителями советской власти в Гомеле в 1919–1922 годы	50
Глава 2. Дворцово-парковая культура, работа музеев и коммунального отдела в Гомеле в 1919–1925 годы	53
2.1. Реставрационные работы дворца Паскевичей в Гомеле в 1919–1925 годы.....	53
2.2. Из истории Народного парка имени А. В. Луначарского в Гомеле в 1921–1923 годы.....	62
2.3. Организация и работа Гомельского художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского в 1921–1922 годы.....	76
2.4. Губернский педагогический музей в Гомеле в 1920–1923 годы.....	79
2.5. История Гомельского коммунального отдела в 1920–1925 годы.....	89
Глава 3. Функционирование учреждений образования в Гомеле в 1918–1924 годы	98
3.1. Гомельские курсы продовольственных работников в 1920 году	98
3.2. История Гомельского электротехнического техникума в 1918–1921 годы.....	101
3.3. Фармацевтическая школа и курсы аптечных работников в Гомеле в 1920–1924 годы.....	115

3.4. Гомельская художественная школа-студия имени М. А. Врубеля в 1919–1921 годы	123
3.5. Пролетарский университет и начало ликвидации неграмотности в Гомеле в 1919–1920 годы	128
3.6. Организация и работа Гомельского Рабочего факультета в 1923–1924 годы.....	136
3.7. Забота советской власти о детях и начало допризывной подготовки среди молодежи в 1920 году	151
Глава 4. Противоэпидемическая и санитарно-просветительская работа гомельских медработников в 1919–1924 годы	156
4.1. Эпидемическая обстановка в Гомеле в условиях гражданской войны в 1919–1921 годы	156
4.2. Деятельность Гомельского Дома санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова в 1920–1924 годы	179
Заключение	191
Литература.....	193

Предисловие

В первом десятилетии XX в. Гомель представлял собой город, в котором проживало 110 тысяч человек. Состав городского населения был представлен разными слоями общества, в него входили рабочие и служащие, учителя, врачи, представители торговли, гомельская буржуазия и аристократия.

В Гомеле работали заводы и фабричные мастерские, функционировали школы, гимназии, училища и больницы. В городе появилась широкая сеть магазинов, открывались гостиницы для проведения торжеств уютные рестораны. Это и многое другое позволяло жителям и гостям города Гомеля быть вполне довольными своей жизнью. Однако мирный уклад жизни гомельчан был нарушен начавшейся первой мировой войной 1914–1918 гг.

Революция в России 1917 г. положила начало нового периода в истории Гомеля. Эта эпоха была наполнена бурными событиями, влияющими на повседневную жизнь людей. С 30 октября по 12 ноября 1917 г. в Гомеле установилась советская власть. Но с 1 марта 1918 г. город оказался под оккупацией войск кайзеровской Германии. На протяжении десяти месяцев в Гомеле находились части 41-го резервного корпуса германской армии. В этот период Гомель продолжал оставаться уездным центром Могилевской губернии.

С 1 января 1919 г. Гомель входит в состав БССР. Однако в связи с образованием Литовско-Белорусской ССР Гомель в составе Могилевской губернии в феврале 1919 г. вошел в состав РСФСР. С 19 марта по 26 апреля 1919 г. власть в городе находилась в руках городского Ревкома. С 26 апреля 1919 г. Гомель стал новым центром Гомельской губернии. С этого времени началась напряженная работа по созданию советских губернских органов власти, подбор сотрудников и назначение комиссаров. Для административно-управленческой работы осуществлялся поиск подходящих зданий и помещений. Ситуация осложнилась с наступлением продовольственного и топливного кризиса и проявлением антисоветских настроений со стороны зажиточной верхушки горожан и представителей разных политических партий. Экономическая ситуация в Гомеле значительно ухудшилась с началом советско-польской войны, когда в апреле–мае 1919 г. многие люди не получали ни денег, ни нарядов на хлеб [82, л. 10]. Гомель постепенно превратился в военный лагерь, а затем и в прифронтный город. Все

это принесло людям нескончаемые бедствия и лишения, голод, холод, различные болезни, губительную эпидемию тифа 1919–1920 гг. и смерть многих людей.

Тема настоящей монографии стала предметом специального научного исследования, что придает ей очевидную актуальность и новизну. При подготовке рукописи автор использовал исключительно архивный материал первоисточников из собраний фондов Государственного архива Гомельской области и Государственного архива общественных объединений Гомельской области. Это позволило достаточно достоверно передать атмосферу эпохи и проанализировать деятельность реально живущих в то время людей.

В главе 1 изложены по периодам мероприятия органов советской власти по сохранению и популяризации историко-культурного наследия Гомельщины в 1918–1925 гг. В главе 2 рассмотрено и исследовано состояние парка бывших князей Паскевичей, работа музеев и коммунального отдела в Гомеле. Глава 3 рассказывает о деятельности учреждений образования: школ, электротехнического техникума, фармацевтической школы и Рабочего факультета. Глава 4 посвящена организации работы органов здравоохранения и санитарно-просветительских мероприятий гомельских врачей и среднего медицинского персонала в период эпидемий и массовых заболеваний горожан.

Актуальность темы предпринятого исследования заключается в том, чтобы на материале первоисточников дополнить историю Гомеля новыми фактами, которая на протяжении последних ста лет являлась предметом серьезных исследований ученых разных поколений. Но несмотря на значительные достижения последних десятилетий в изучении социально-экономической и культурной жизни гомельчан в период с 1918 по первую половину 20-х гг. XX в., историографы продолжают научные дискуссии по вопросам исторического прошлого Гомеля послереволюционной эпохи. К настоящему времени среди работ краеведческой тематики не имеется специальных исследований подобного рода, посвященных всестороннему изучению и анализу жизни гомельчан в 1918–1925 гг.

Научный материал, изложенный в монографии, поможет исследователям гомельской старины совершить экскурс в далекий период, когда жители Гомеля, преодолевая все трудности времени, восстанавливали и отстраивали заново величественный город. Благодаря данной книге современный читатель сможет увидеть городские достопримечательности, познать менталитет гомельчан, познакомиться

с инфраструктурой города, с деятельностью государственных организаций, учреждений культуры, образования и здравоохранения.

Монография может быть использована историками и краеведами при разработке школьных и вузовских программ учебных спецкурсов по истории Гомеля раннего советского периода. Отдельные направления темы могут быть полезными при создании новых научных концепций, музейных экспозиций, при проведении экскурсий по историческим местам, при изучении истории предприятий и организаций Гомеля.

Автор разрешает исследователям использовать архивные данные из настоящей монографии с указанием источника цитирования.

Автор благодарит сотрудников Государственного архива Гомельской области (ГАГО) и Государственного архива общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), а также работников издательско-полиграфического отдела ГГТУ им. П. О. Сухого за помощь в подготовке к изданию книги.

Глава 1. МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ГОМЕЛЯ ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В 1919–1921 ГОДЫ

1.1. Советская власть и научно-культурный потенциал исторического наследия Могилевщины в 1919 году

Как свидетельствуют архивные источники, при Могилевском Губернском отделе народного образования при его нешкольном подотделе с 1 января 1919 г. была сформирована секция по делам музеев, архивов и охране памятников искусства и старины. Личный состав этой секции был представлен двумя сотрудниками: заведующим учебным-этнографом и делопроизводителем (их фамилии в документе не указаны) [30, л. 53]. В то же время отделом народного образования г. Могилева было вынесено предложение организовать такие же секции при волостных отделах, где по строго установленному плану необходимо было наладить работу по регистрации и учету всех культурных ценностей на местах. Все это было обусловлено необходимостью спасти и сохранить культурно-историческое наследие Могилевщины в сложный период после революционных потрясений и началом гражданской войны в России.

О состоянии дел Могилевского Губернского подотдела, осуществляющего контроль и охрану памятников искусства и старины, свидетельствует отчет этой организации за 1919 г. и в содержании которого было изложено, что Октябрьская социалистическая революция в основу своей творческой работы положила создание новой пролетарской культуры. Объяснялось это тем, что создать новую эпоху в исто-

рии мировой культуры возможно только на основании великих завоеваний человеческого духа во всех областях науки и произведений искусства. Поэтому Народное Правительство с первых шагов своей созидательно-творческой работы национализировало в пределах Советской России все культурные ценности, имевшие научно-историческое или духовное значение.

Первая в Советской России регистрация и принятие на учет произведений искусства и памятников старины была осуществлена на основании особого Декрета Совета Народных Комиссаров 5 октября 1918 г. После этого постановления при всех Губернских отделах народного образования в срочном порядке были сформированы особые подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. В сферу деятельности этих подотделов входило следующее: принять все меры по охране произведений искусства и памятников старины, их регистрация и принятие на учет, а также реорганизация старых музеев и музейных фондов с целью создания новых, основанных на социалистических началах.

В январе 1919 г. сотрудники секции были заняты организационной работой, которая была осложнена последствием немецкой оккупации и налаживанием мирной жизни [30, л. 38–38 об.]. Несмотря на все трудности, в январе 1919 г. сотрудники секции составили и разослали на места инструкции, анкеты и планы, которыми следовало руководствоваться в делопроизводстве по выявлению и охране произведений искусства и памятников старины. В феврале 1919 г. секция была преобразована в самостоятельный подотдел, с выделением секции по делам архивов. Кроме имевшихся двух сотрудников (заведующего подотделом и делопроизводителя) были приняты на работу еще два специалиста: ученый архивист и агент для выполнения поручений. Таким образом, был создан работоспособный коллектив, предусмотренный статьей 1(а) на основании постановления наркомпроса об организации Губернских подотделов по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Политическим руководителем данного коллектива был назначен заведующий Губернским отделом народного образования г. Могилева И. А. Сербов.

В своей культурно-просветительной деятельности подотдел руководствовался статьей 1(г) вышеуказанного постановления. А это значило развивать свою работу по трем следующим направлениям:

1) предпринимать революционные меры к выявлению и сохранению культурных ценностей на местах;

2) собрание выявленных ценностей использовать в качестве лабораторного материала и с его помощью развивать наше трудовое просвещение в школе и вне ее;

3) показать революционному пролетариату богатство и значение наших культурных ценностей и развивать у него эстетический вкус и любовь к прекрасному.

К культурным ценностям Могилевщины в 1919 г. можно отнести также разбросанные по всему Поднепровью древние селища и городища, курганы и могильники; старинные волоки и торговые пути, корчмы и здания таможенных застав, что представляло огромный интерес для исследователей по истории и археологии. К 1919 г. на Могилевщине еще сохранилось большое количество старинных церквей и костелов, построенных из камня и дерева в XV–XVII вв. В уцелевших храмах было много церковной утвари: это иконография, шитье и предметы литейного производства, ценные с точки зрения палеографии редкие рукописные и старопечатные книги. При всей крайней пестроте населения Могилевщина была богата своей этнографией, народным фольклором и произведениями народного творчества. В богатых имениях бывших панских усадеб и в домах крупнейшей буржуазии были собраны ценные библиотеки и предметы искусства, живописи, скульптуры, дорогого шитья, резьбы по дереву, фарфора, бронзы и прочих предметов, представляющих интерес как раритеты музейного хранения [30, л. 39].

О состоянии культурных ценностей Могилевщины можно судить по отчетам и исследованиям изысканий памятников искусства и старины, проведенных представителями советской власти. По их утверждению, монументальные памятники из дерева и камня уцелели и находились в надлежащей сохранности. Однако некоторые богато обставленные помещения знати подверглись разрушению в период «вскипания народного гнева» в 1917 г. В период погромов дворянских поместий пострадали богатые библиотеки, старинные архивы, картинные галереи, художественно-исторические коллекции: дорогая мебель и прочие предметы, имеющие музейную и культурную ценность. Значительная часть всего наиболее ценного имущества была увезена их владельцами, которые превратились в беженцев; некоторые разошлись по рукам разных погромщиков и спекулянтов. В этом безумном уничтожении и расхищении культурных ценностей принимали участие не только отдельные лица, но и разные государственные организации: российские, польские и немецкие [30, л. 39]. Так, с бла-

гословления Могилевского архиепископа немецкие оккупационные власти изъяли и увезли свыше 500 лучших предметов из епархиального церковно-исторического музея. Городские власти сгрузили в сырой подвал единственный в губернии музей, в котором ранее хранились богатейшие историко-археологические и этнографические коллекции, причем большая часть самого музея была расхищена взбунтовавшимися людьми. По распоряжению Могилевской губернской чрезвычайной комиссии с целью обеспечения ее помещением была выброшена на улицу богатейшая и редчайшая в России Семинарская библиотека, причем значительная часть ее безвозвратно погибла. То же самое было сделано и со старинным семинарским и консисторским архивами. Губвоенком выбросил вон и частично уничтожил большой архив бывшей Ставки верховного главнокомандующего русскими вооруженными силами, который сформировался за годы Первой мировой войны. Как отмечалось в документах, старинные архивы в губернии «по распоряжению Могилевского Губсовнархоза были свезены на писчебумажные мельницы для выработки картона и оберточной бумаги». Были случаи, когда отдельные представители новой власти в Могилеве присвоили себе лучшие в городе произведения живописи и ткани [30, л. 39]. Так, секретарь Могилевского военкома скрыл у себя на квартире драгоценную фарфоровую вазу. А в доме № 15 по бывшей Садовой улице в Могилеве сотрудники советского учреждения топили печи дорогими книгами и картинами, свезенными туда на хранение окрестными помещиками. С другого склада расхищению подверглись старинная посуда, чайные приборы и дорогой «саксонский» фарфор. Таким образом, мы видим, что органы советской власти стремились осуществить охранные мероприятия для пресечения подобных явлений со стороны преступных элементов.

В такой ситуации работникам Подотдела по охране памятников прошлого приходилось действовать осторожно, но в то же время предпринимать самые решительные меры к охране этого достояния в губернии. Так, через местную прессу для информирования населения были опубликованы постановления и распоряжения советского правительства по охране культурного наследия прошлого. Для популяризации этой информации в центры уездов рассылались соответствующие циркуляры, инструкции, воззвания, плакаты и прочее.

Собираемое сотрудниками Подотдела культурное имущество поступало под строгий учет в здание бывшего владельца Кальнина на Малой Садовой улице в Могилеве. Уже в марте 1919 г. в этом особ-

ныке был открыт центральный музейный фонд, и оформлена при нем выставка произведений культуры и искусства Могилевщины. Для проведения научной работы при Подотделе был организован ученый совет из представителей местных работников науки и художников, которые развернули свою деятельность в специальных кабинетах и лабораториях при музейном фонде. Следует отметить, что сотрудниками могилевского центрального фонда была проделана масштабная работа, о чем свидетельствуют архивные документы. Было собрано, систематизировано и каталогизировано до 80 000 томов книг, брошюр, журналов и рукописей самого разнообразного содержания на разных языках – русском, польском, литовском, еврейском, английском, немецком, французском, итальянском, арабском, латинском и греческом. Среди этих книг находились весьма редкие экземпляры по своему научному содержанию, по времени и месту издания. Было выявлено свыше ста наименований разных палеографических текстов, среди которых имелось несколько актов, написанных на пергаменте в конце XV – начале XVI в. Среди обилия рукописей и книг была обнаружена переписка царя Николая II и членов его семьи с рядом лиц, приближенных к государю. Время их написания: с 1 августа 1915 г. по 1 марта 1917 г., всего около двух тысяч телеграмм «большого политического анализа». В первый год советской власти сотрудниками музея были собраны также памятники нумизматики, монеты оригинальной чеканки, изготовленные на древнегреческих, арабских, русских, польских, литовских и западноевропейских монетных дворах. Также историческую ценность представляли предметы геральдического искусства: медали и различные знаки отличия офицеров и солдат разных армий мира. Оборудованы три витрины по археологии, где выставлены предметы курганных раскопок. Отдельной выставкой были представлены древнеславянские орудия труда из металла, глины, миниатюры, старинные гравюры и прочие предметы художественного искусства. Среди картин имелись «три произведения кисти великого художника Боровиковского и две картины художника Лампи». Все эти произведения искусств были обнаружены на чердаке бывшей городской ратуши в Могилеве. Достоянием музейного хранения стали несколько предметов стильной мебели из гарнитуров домашней обстановки, имеющих отношение к разным историческим эпохам. Кроме всех этих находок представители новой власти выявили и взяли на учет все архивы бывших государственных и общественных учреждений и частных лиц [30, л. 40 об.].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что органы советской власти стремились популяризировать культурные ценности с целью развития у народа любви к своей истории и культуре. Подотдел принял на себя роль распределения этих ценностей между культурно-просветительскими учреждениями. Поэтому все предметы, поступающие в музейный фонд на основании проведенной экспертизы и не имеющие научно-исторического и художественного значения, направлялись в детские сады, колонии, школы, театры, клубы, студии, народные дома и другие культурно-просветительские учреждения. Таким образом, было распределено много мебели и предметов домашней обстановки из бронзы, фарфора, стекла, ткани, а также картины, книги и разные учебные пособия. Положительные результаты этих действий сказались очень быстро: красноармейцы, рабочие и крестьяне с первых дней революции в России с большой ненавистью уничтожали многие культурные ценности, к которым они испытывали классовую неприязнь, но с началом популяризации предметов истории и культуры они стали относиться к ним весьма бережно. Даже были отмечены случаи, когда красноармейцы и рабочие принимали меры по охране произведений искусства и памятников старины.

1.2. Защита частных библиотек и произведений искусства сотрудниками Гомельского подотдела по охране памятников старины в 1919–1921 годы

Политика органов советской власти в деле сбережения историко-культурного наследия была утверждена положением о работе библиотечного отдела Коллегией Народного Комиссариата по просвещению НКП от 5 декабря 1918 г.

24 марта 1919 г. Могилевский Уездный Исполнительный Комитет совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов отдела народного образования г. Могилева выдал удостоверение за № 1031 следующего содержания: товарищ И. А. Сербов направляется в г. Гомель для сопровождения посылаемых в Губотнаробраз по железной дороге до станции Гомель музейных предметов. Данный документ заверен подписями заведующего отделом, секретаря и скреплен круглой печатью [21, л. 5].

Согласно временной инструкции о деятельности библиотечных отделов его внутренняя организация представляла собой следующее: в состав каждого Комитета входили: заведующий, утверждаемый на-

учной секцией НКП, секретарь Комитета, кассир и делопроизводитель. В компетенцию деятельности Районных Библиотечных Комитетов входило наблюдение за государственными и академическими библиотеками, которые были в районе, регистрация и охрана частных библиотек в каждом районе, собрание и оформление книжных фондов [20, л. 5]. Как отмечено в документе, собрания книжного фонда нуждаются в национализации тех частных библиотек, которые на основании декретов не могут быть оставлены в частном пользовании их владельцев. Такие библиотеки поступали в распоряжение Библиотечных Комитетов, о чем сообщалось также Библиотечному Отделу [20, л. 5 об.]. Особо редкие и ценные в библиографическом отношении издания отправлялись в Центральную государственную библиотеку Румянцевского и Исторического музеев и поступали в их книгохранилища. При распределении остальных книг учитывались интересы местных библиотек, государственной библиотечной сети и библиотек высших учебных заведений. Местные библиотеки должны были предоставлять литературу для широкого пользования всему населению.

С перенесением губернского центра в Гомель (26 апреля 1919 г.) в конце первой половины отчетного 1919 г. состоялся переезд научного центра из Могилева в Гомель, куда был перемещен и Подотдел со всем своим управленческим штатом за исключением всего делопроизводства по архивам, которое перешло в подчинение особому эmissару, который остался на месте в Могилеве. Штат служащих в Подотделе по-прежнему был небольшим и состоял из 3–4 сотрудников, которые справлялись с текущей работой. Пополнить личный состав Подотдела новыми сотрудниками не было никакой возможности, так как специалистов по музееведению на местной бирже труда не имелось. Москва тоже не имела возможности командировать в Гомель в распоряжение подотдела своих инструкторов или сотрудников в области музейного дела. Поэтому всю работу Подотдела в Гомеле во второй половине 1919 г. его сотрудникам пришлось проводить по определенному плану, испытанными методами, принимая революционные меры к выявлению и собранию культурных ценностей, ведя пропаганду среди населения о необходимости охраны произведений искусства и памятников старины [30, л. 41 об.].

Гомельщина одновременно с присоединенными к ней уездами Минской и Черниговской губерний представляла для ученых и музееведов-практиков широкое поле деятельности. В бывших барских домах и на территориях помещичьих усадеб, несмотря на прокатившие-

ся погромы революционно настроенных масс, уцелело много культурных ценностей: библиотеки, собрания старинных рукописей, картины, изделия из бронзы, фарфор, стекло, разные скульптуры, стильная мебель, дорогие ткани, коллекции и прочие предметы научно-исторического или художественного содержания [30, л. 42].

В постановлении Гомельского Губотдела народного образования от 24 мая 1919 г. было сказано, что на основании декрета советского правительства все произведения искусств и памятники старины являются достоянием народа. «Все эти культурные ценности созданы трудовым мозолем всего пролетариата и потому должны поступать в общий фонд по оборудованию Изб, Домов и Дворцов Пролетарской культуры». Эти учреждения стали создаваться Губернским отделом по делам музеев, архивов и охраны произведений искусств и памятников старины, куда направлялись все имеющиеся сведения о выше-названных ценностях. В Гомеле собранные материалы направлялись по адресу: ул. Советская, бывшая гостиница «Пассаж» [23, л. 1].

Во второй половине 1919 г. в качестве очередных мероприятий Гомельский Губернский отдел народного образования постановил установить в Гомеле четыре памятника в честь «деятелей революции в России» и четыре монументальные доски. В документе не сказано, в честь кого нужно было установить и кому эти памятники должны быть посвящены..., но имелась инструкция по технологии их изготовления. «Все изготавливаемые фигуры были вылеплены из глины в полтора раза выше натуральной величины, а затем отформованы и отлиты из гипса, и только потом отлиты из бронзы». Пьедестал каждого памятника был высотой в три аршина в виде четырехгранной колонны [30, л. 10–11].

Определенный интерес по истории библиотековедения представляет информация, датированная 15–18 июля 1919 г. В Еврейский отдел при Гомельском Губернском отделе народного образования поступило сообщение о том, что во время проезда через Гомель в Сновск беженца Виленской губернии из местечка Радуни И. М. Кагана им были оставлены в амбаре Слезингера древние книги еврейского Талмуда и его собственные сочинения, а именно: 1) «Счастье Мишно Бруро»; 2) «Хофец Хаим»; 3) «А гавась Хесед»; 4) «Шмирась Галощень»; 5) «Шем Эйлом»; 6) «Тейрас Келаним»; 7) «Асифаль Зкеним»; 8) «Ликуте Гелохесь»; 9) «Нидхе Исроэль»; 10) «Тейрась Габаись»; 11) «Тагарась Исроэль»; 12) «Довор Бэйтэ»; 13) «Гедер Эйлом» (все названия приведены на языке первоисточника).

Общий груз этой библиотеки, включая собственные сочинения ее владельца, книги и рукописи оригинала, был упакован в ящики и составил 25 пудов. Книги Талмуда составили еще 20 пудов. Очевидно, что господин И. М. Каган имел помощников при транспортировке своего груза. Об этом свидетельствует текст документа: «Мы нижеподписавшиеся уполномоченные И. М. Кагана просим Гомельский Губернский отдел народного образования разрешить выдачу нам всех выше перечисленных книг и матриц для вывоза их из Гомеля в Сновск». О достоверности вышеизложенного И. М. Каган предоставляет удостоверение Сновского исполкома от 1 июля 1919 г., где указано имя Шая Тамарина и разборчиво читаемая подпись «Г. Гинзбург». В конце текста в нижнем углу приводится новая запись, сделанная другим цветом чернил. Ее текст гласит: «Еврейская Секция при губернском наробразовании не встречает препятствий к вывозу вышеназванных книг и матриц чисто религиозного содержания зав. Подотделом Ная Менаш» и имеется подпись [20, л. 12–12 об.].

Стремление к сохранению книг проявил политический отдел Гомельского Губернского батальона тылового обеспечения. Политком этого батальона от 3 июля 1919 г. направил запрос в Губернский отдел народного образования с просьбой выдать ордер на право реквизиции шкафа с книгами для библиотеки батальона, которая размещена в доме № 60 по улице Могилевской в Гомеле. Примечательной деталью этого документа является круглая печать, на которой по центру изображена пятиконечная звезда, очень похожая на звезду Давида [20, л. 10].

Мероприятия по защите и сбережению книжно-культурного наследия проводились представителями советской власти и в отдаленных от Гомеля местах. Так, в Оршанский отдел народного образования 8 июля 1919 г. поступила информация, что на территории бывшего имения в Визрицах Оршанского уезда на химическом заводе хранится собрание старинных рукописей, принадлежащих ранее польской знати. Ввиду этого и на основании декрета об охране памятников старины Губотдел народного образования просит Оршанский наробраз безотлагательно командировать ответственного работника для принятия срочных мер по учету и охране этих книг и дальнейшего перевоза их в город Оршу [20, л. 7].

Для надежной сохранности книг Губотдел народного образования 22 октября 1919 г. принял решение об организации комитета научных библиотек. Постановили назначить И. А. Сербова председателем этого комитета, секретарем И. П. Брихничева, а Парибока и

Горфункеля – постоянными членами комиссии [20, л. 2]. О личности этих граждан свидетельствует краткая информация биографического характера. Председатель Брихничев Иона Пантелеимонович: коммунист, образование среднее, профессия политический работник, литератор, служит в настоящее время Заведующим Губернским Отделом Народного Образования; секретарь Сербов Исаакий Авраамович: беспартийный, образование высшее, профессия педагог, археолог-этнограф, «служит Членом Коллегии Губотнаробраза, заведует Губернским подотделом по делам музеев и охране памятников». Парибок Петр Михайлович: коммунист, образование высшее, педагог, «служит в Губернском Школьном подотделе»; Горфункель Хаим Донович: беспартийный, образование домашнее, профессия – литератор, «служит заведующим библиотечной Секции Губотнаробраза».

Местом нахождения Гомельского Губернского комитета научных библиотек в декабре 1919 г. было здание по улице Замковой, д. 37. Именно сюда стекалась вся информация об обследовании в пределах всей губернии библиотек и выявлении редких и старинных книг в частных собраниях дворян и буржуазии [20, л. 19].

В Гомельский губернский подотдел по делам музеев г. Гомеля 5 августа 1919 г. поступил документ, составленный на бланке Народного Комиссариата по просвещению, от 24 июля 1919 г. за № 61995 в отдел по делам охраны памятников искусства и старины, с указанием адреса: «г. Москва, Остроженка, Крымский проезд, 53» (этот адрес зачеркнут и указан новый адрес машинописным шрифтом: «Мертвый переулок, 9»). Из текста этого документа следует, что Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению «организует курсы» для музейных работников по изучению основ музейного дела, этнографии и археологии. Начало занятий: 15 августа 1919 г., продолжительность курса полтора месяца; все курсанты обеспечиваются бесплатным проживанием и суточными в размере 45 руб. От Гомельской губернии на такие курсы мог быть командирован только один сотрудник [20, л. 4].

В очередном документе из Народного комиссариата по просвещению в отделы научных библиотек от 15 сентября 1919 г. на круглой печати указана надпись «отдел государственных библиотек». Из текста этого мандата мы видим, что Отдел Научных Библиотек НКП поручает члену Коллегии Гомельского Губернского отдела народного образования И. А. Сербову собрать сведения относительно местных библиотек в Гомеле и Гомельской губернии, и принять соответст-

вующие меры по их охране и сбережению от расхищения. Контроль над библиотеками И. А. Сербов обязан осуществлять, руководствуясь декретами Совнаркома, а также распоряжениями и инструкциями Отдела Научных Библиотек. Документ подписан заместителем заведующего отдела государственных библиотек (Ф. И. О. не указаны) и секретарем Т. Панфиловой [20, л. 13].

В Гомельский Губернский комитет научных библиотек поступил входящий документ за № 22 от 20 декабря 1919 г. из Отдела народного образования Оршанского исполкома от 11 декабря 1919 г. за № 11292. Текст этого документа был составлен ответственным лицом оршанской уездной администрации о том, что академических и научных библиотек в Оршанском уезде не имеется. Отдельные книги, которые собраны в бывших помещичьих имениях и представляют историческую, художественную и научную ценность, переданы в Центральную Пушкинскую библиотеку (в документе не указан адрес этой библиотеки). Однако сказано, что все книги хранятся в целости, насколько это возможно, но часть книг не занесена в каталог, поскольку отсутствуют специальные стеллажи и свободные помещения. В завершение отмечено, что денежных средств для обеспечения должного хранения книг не имеется.

В Оршанскую центральную библиотеку поступили также остатки бывшей библиотеки графа Мавроса. Эта библиотека в период эвакуации 1915 г. была привезена из Виленской губернии и значительно пострадала в период событий 1917–1918 гг. Библиотека насчитывала книг около 80 пудов весу, включая инкунабулы, книги XVII в. «и ценные издания XVIII и XIX вв.». Вагоном под № 106995 весь этот груз был отправлен в Московский Библиотечный Отдел 24 августа 1919 г.

Как свидетельствуют факты, до революции 1917 г. были большие частновладельческие библиотеки в имениях Смоляны, Заболотье и Дымково Оршанского уезда. Первые две библиотеки были эвакуированы из уезда во время наступления немцев в 1918 г., а библиотека из имения Дымково, бывшее владение Н. Турбина, осталась в уезде. Все попытки сотрудников отдела народного образования найти ее не увенчались успехом [20, л. 14].

На совещании Гомельского Губотдела народного образования, которое состоялось 15–16 ноября 1919 г., было принято решение открыть в Гомеле ряд культурно-просветительных учреждений, школ, клубов и т. д. [23, л. 2]. На этом совещании выступил председатель Губотнаробраза И. А. Сербов, который заявил, что Губотнаробразу предстоит открыть ряд крестьянских домов, клубов, театров, музеев,

библиотек, школ и студий. Для осуществления этой цели необходимо было произвести полный учет всех предметов домашней обстановки, утвари и культурных ценностей, которые сохранились в помещениях и усадьбах буржуазии, домах государственных учреждений и частных граждан. Работа по выявлению и учету запасов культурных ценностей и предметов старины проходила под непосредственным руководством Губотнаробраза, а также при участии представителей учреждений советской власти и пролетарских органов управления как в губернском центре, так и в уездах [23, л. 3].

О случаях бессмысленного уничтожения предметов культуры и быта в покинутых домах буржуазии ответственные работники из губернского аппарата советской власти приняли решение при проявлении подобных актов вандализма освещать эти события в средствах гомельской периодической печати. В отношении предметов культуры необходимо осуществлять их учет в пределах всей губернии. Нужно было действовать на основании декрета и распоряжений народного правительства в отношении имущества бывших помещиков и буржуазии. Было решено издать для губернии постановление о немедленном выявлении и полном учете всех запасов культурных ценностей и культовых предметов обстановки, сохранившихся в бывших помещичьих усадьбах, барских домах и домах буржуазии. Также должны были подлежать учету государственные учреждения, где сохранилась мебель и канцелярские приборы, свидетельствующие о их имущественной ценности. Кроме того, нужно было проверить частные квартиры, владельцами которых были представители имущих классов [23, л. 3]. Излишки предметов материальной культуры должны были быть переданы в распоряжение Губотнаробраза в Гомеле и в Уотнаробраз. Для проведения этой масштабной работы при Губотнаробразе и во всех Отнаробразах нужно было создать секции по учету и распределению культурных ценностей и культовых предметов обстановки. Данный документ был подписан председателями – от Губотнаробраза И. А. Сербовым, от Губфинотдела К. Горбачевым, от Губчека Лившицом, от Губсовнархоза Соколовым (И. О. не указаны) [23, л. 3 об.].

По итогам данного совещания заведующий Губотнаробраза и Губподотдела по делам музеев и охране памятников И. А. Сербов, опираясь на постановление народного Правительства о национализации культурных ценностей в Советской России, согласно которому все памятники старины становятся достоянием народа и переходят в ведение Народного Комиссариата по Просвещению, издал обраще-

ние ко всем руководителям губернских органов советской власти. Согласно данному документу, губернские работники образования обязанностью которых был учет и охрана произведений искусства и памятников старины, должны были со всей ответственностью выполнять свои обязанности в пределах Гомельской губернии. В обращении было указано, что никто из комиссаров или простых горожан не имеет права держать лично у себя или в своем учреждении; как целые коллекции, так и отдельные предметы, имеющие научно-историческую или художественную значимость. Все они подлежат национализации и государственному учету. Далее приведен перечень предметов искусства и старины, которые подлежали строгой регистрации как научно-исторические и художественные ценности:

«1. Старинные и редкие произведения, рукописные и печатные книги, акты, грамоты, записки и дневники.

2. Предметы живописи, сделанные красками, мелом, углем, карандашом, гравюры, олеографии и художественные фотографии.

3. Старинная и стильная одежда, мебель, посуда, утварь и прочие предметы домашней обстановки.

4. Старинная стильная бронза, фаянс, фарфор, стекло и хрусталь, а также произведения из металла, дерева, кости, камня, мрамора, глины и гипса.

5. Древнее оружие и орудия производства; меры времени, весов, монеты и разные денежные знаки; геральдические и прочие знаки отличия и предметы украшения.

6. Предметы художественного ткачества, шитья и литья.

А также все предметы, имеющие отношение к истории или этнографии местного края».

На основании вышеизложенного Гомельский Губернский отдел народного образования обратился ко всем руководителям советских учреждений, а также ко всем гражданам с просьбой: 1) тщательно осмотреть все помещения в подведомственных им учреждениях; кабинеты, канцелярии, подвалы и чердаки, кладовые и сараи; 2) немедленно изъять оттуда все предметы музейного характера и составить их подробную опись; 3) препроводить все обнаруженные предметы старины и списки их в соответствующие музейные фонды в Гомеле по адресу ул. Замковая, д. 37, а на местах – в отделы народного образования. Данный документ заверен двумя подписями: заведующим Губотделом народного образования (подпись неразборчива, фамилия не указана); заведующим Губотделом по делам музеев и охра-

не памятников, в подписи можно прочесть фамилию «И. Сербов» [23, л. 5].

Однако события гражданской войны мешали полномасштабной работе по сбору, систематизации и хранению предметов культуры и старины. В следующей копии документа (без числа), направленного в Гомельский Уездный отдел народного образования, приводится Постановление народного комиссара по просвещению, в котором шла речь о возможной эвакуации культурных ценностей, если в связи с военной обстановкой какой-либо район вблизи Гомеля будет признан опасным для проживания по причине приближения линии фронта. В такой ситуации все художественные, научные и исторические ценности подлежали эвакуации с разрешения Всероссийской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины народного Комиссариата Просвещения. Власти обязаны заниматься вопросами эвакуации и подготовки к ней, при приближении войск неприятеля эвакуировать район и сообщить об этом во Всероссийскую Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в Москву по адресу: Пречистенка, Мертвый переулок, д. 9. А если из Москвы не поступит соответствующее распоряжение, то ответственные работники советских учреждений на местах «под страхом строжайшей ответственности не могут заниматься решением этого вопроса» [23, л. 5]. Установить, поступали ли соответствующие распоряжения из Москвы или нет, в исследуемых документах не удалось. Но можно предположить, что в условиях революционной дисциплины и авторитарно приказных методов управления гомельские чиновники советских учреждений действовали в соответствии с указами сверху, строго соблюдая установившийся порядок.

В конце 1919 г. руководство Гомельского Губсовхоза выдало мандат Штерну Владимиру Яковлевичу от 1 декабря 1919 г. за № 6920, дающий ему право на осмотр советских хозяйств преимущественно Дятловичской волости с целью выявления сохранившихся там культурных ценностей: библиотек, предметов искусства и прочего музейного имущества. Если выявленные предметы товарищ В. Я. Штерн признает необходимыми для оборудования рабочих библиотек, клубов и других культурно-просветительных учреждений, то они должны были быть немедленно изъяты. При этом заведующим совхозам предписывалось допускать товарища В. Я. Штерна к осмотру всех помещений и хранилищ. В случае изъятия предметов, имеющих культурную и научную ценность, должен быть составлен соответствующий акт с

подробным описанием всех предметов и их оценкой. Затем эти предметы сдавались в государственные учреждения за подписью ответственного лица. Настоящий документ был подписан председателем Коллегии Губсовхоза главноуправляющим делами и делопроизводителем (Ф. И. О. не указаны) [21, л. 8–8 об.]. Вместе с В. Я. Штерном на право осмотра хозяйств Дятловской волости мандат получил также И. А. Сербов. Цель командировки – выявление сохранившихся там культурных ценностей: библиотек, предметов искусства и прочего имущества, имеющего музейную ценность [21, л. 10]. Для проведения подобного рода мероприятий Гомельский Комитет РКП обратился в Губотнаробраз с просьбой оказать содействие товарищу Елене Иодка на право ревизии польских книг в имении Прокоповка у бывшего помещика Лисовского [21, л. 9].

Существенную информацию в деле выявления памятников старины и прочих исторических ценностей дает текст доклада, составленного инструктором Гомельского Губнаробраза от 16 декабря 1919 г. товарищем Баборыкиным (И. О. не указаны). Автор доклада информирует Губотдел о выявленных им памятниках искусства и старины в г. Мозыре. Этим чиновником по поручению коллегии Мозырского Уотнаробраза было поручено доставить в Гомель для передачи в музей имени А. В. Луначарского много разных ценностей (книг, архивных и других материалов), которые находились в одном из имений Мозырского уезда и принадлежали ранее некому Юрию Толстову, бывшему в 70-х гг. XIX в. оберпрокурором синода [21, л. 13]. Среди этих материалов сохранилась часть писем (манускриптов) поэта И. А. Жуковского; две тетради со стихами графини Е. Растопчиной; стихотворения неизвестного автора 1847 г. в духе революционных тенденций; приказ екатерининского генерал-губернатора и много других документов. Баборыкин в своем докладе сообщает, что наиболее ценные по его усмотрению документы были описаны и вложены в особый пакет, запечатанный сургучными печатями. На все остальные документы были составлены описания, они были тщательно упакованы и переданы в Гомельский музей имени А. В. Луначарского, откуда самые уникальные экземпляры должны были быть отправлены в Москву [21, л. 13 об. – 14]. Для окончательного разбора всех привезенных из Мозыря документов автор доклада считает, что из Москвы необходимо пригласить специалистов для установления их подлинной ценности. В докладе было сказано, что если в ближайшее время в Мозыре будет открыт собственный музей, то часть привезенных в Гомель

документов должна быть возвращена обратно. В завершение следует добавить, что Баборыкин просит заведующего Гомельским Губнаробразом разрешения оказать помощь работникам гомельского музея по составлению описи на доставленные документы.

Согласно предписанию Губнаробраза г. Гомеля от 12 декабря 1919 г. был составлен еще один отчетный доклад от 5 января 1920 г., автором которого являлся товарищ Понемецкий (И. О. не указаны). Находясь в командировке в Речицком уезде, он осуществлял деятельность по выявлению и сохранению культурно-исторических ценностей. В Речице Понемецкий с ведома местных властей посетил 15 декабря 1919 г. совхоз «Глинище». Однако никаких ценностей художественного искусства и литературы выявлено не было. Заведующий совхозом Карл Миллер сообщал, что ранее приезжали контролер Губпродкома товарищ Солонец и контролер Упродкома товарищ Пивоварчиков (И. О. не указаны) и забрали с собой некоторые предметы старины, вещи, имеющие по их мнению научную ценность. Остальные предметы, в том числе много ценных книг и других вещей, разбирали красноармейцы, стоящие на квартирах в совхозе, много книг ими было просто сожжено в печах [21, л. 16]. Из Больших Водовичей уполномоченный Губнаробраза уехал в Малые Водовичи, где также ничего не было выявлено. Из слов заведующего совхозом следовало, что все вещи, имеющие какую-либо ценность, были ранее вывезены в Юрьевичи для организации там Народного дома. Далее уполномоченный выехал в «Борисовщину», где было выявлено много книг на русском, польском и иностранных языках. Тут был открыт Народный дом. Все книги в комнатах этого дома лежали на полу грудами, в полном беспорядке, много книг имелось в шкафах и на полках [21, л. 16]. Уполномоченный предложил заведующему совхозом товарищу Голдецкому (И. О. не указаны) свои услуги по наведению порядка в библиотеке, где насчитывалось свыше трех тысяч книг. Он указывал на то, что эти издания представляют большую культурную ценность и их необходимо сберечь для просвещения народа.

Однако Голдецкий отказался поддержать идею Понемецкого, не дал запрашиваемых ему в помощь людей и запретил брать с собой отдельные экземпляры книг на польском и русском языках, несмотря на то, что ему был предъявлен мандат уполномоченного. Из совхоза «Борисовщина» Понемецкий переехал в совхоз «Судково» Хойницкой волости. Но там ничего не оказалось, так как оттуда культурные достояния, имеющие какую-либо ценность, были вывезены в другие

совхозы: «Борисовщину», а также в «Гульговичи» и другие места. Из «Судкова» 24 декабря 1919 г. Понемецкий вернулся в Гомель.

Среди отчетных докладов советских чиновников о сохранении ценных предметов наше внимание привлек один документ без дат и всяких выходных данных, написанный неразборчиво карандашом. Приведем отрывок из рукописи, сохранив орфографию оригинала:

«1. Каминные часы яркой бронзы стильные «рококо» с рукою поддерживающего ребенка на бочке... 2. Такие же часы с фигурой сидящего паяца, держащего в левой руке тетрадь, а в правой карандаш. 3. Такие же часы с изображением группы пахарей, возвращающихся с поля верхом на лошадях, которых встречает собака. 4. Такие же часы из светлой бронзы в стиле... с фигуркой ученого географа, держащего в правой руке географическую карту, а в левой шар. 5. Такие же часы, но темной бронзы с фигуркой римской матроны, сидящей за раскрытой книгой. 6. Каминные часы из светлой бронзы, с расписанным... и цветами и вазою наверху. На задней стенке внизу выгравирована надпись: «На память за «Езера–Утаки» от благодарной кн. Е. Оболенской. 7. Такие же подсвечники-канделябры к настольным часам...» [21, л. 24].

Из совхоза «Липово» согласно распоряжению Губсовхоза и Губотнаробраза от 9 декабря 1919 г. были взяты некоторые книги для Польской Губернской секции (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Опись книг, изъятых в совхозе «Липово» [21, л. 25]

Название книги	Число томов
1. «Энциклопедия общая»	8
2. «Студии истории и литературы»	1
3. «Капитал» Маркса	1
4. «Божественная комедия» Данте	1
5. «Гений и сумасшедший» Летброе	1
6. «Шкице философия» (название, как в документе)	1
7. «Дитя леса»	1
8. «Огнем и мечом» Сенкевич	3
9. «Поэзия» Эль	2
10. «Пьесы»	1

Подписан перечень книг школьным работником, в должности заведующего совхозом. Из совхоза «Дашкевичи» согласно распоря-

жению Губсовхоза и Губотнаробраза от 9 декабря 1919 г. за № 1745 уже 25 декабря были взяты на учет следующие культурные ценности: один рояль, картины ручной работы, пять гравюр и три статуэтки. Подпись под этим документом оставил заведующий совхозом «школьный работник», по всей видимости, бывший сельский учитель [21, л. 27]. В совхозе «Наровля» Наровлянской волости Речицкого уезда согласно распоряжению Губсовхоза и Губотнаробраза от 9 декабря 1919 г. за № 7145 уже 5 января 1920 г. была взята для Польской Губернской секции литература по истории, философии и различная беллетристика общим количеством сто семьдесят девять экземпляров на польском языке. Данный документ заверен подписью «школьного работника В. Нецецкой, заведующей имением Наровля» на документе имеется продолговатый штамп. Таким образом, изъятие всего этого имущества осуществлялось по всем правилам с соблюдением революционной законности [21, л. 28].

Однако дальнейшая работа по сбору памятников искусства и старины была осложнена отсутствием денежных средств, необходимых для длительных командировок. В связи с этим 25 марта 1920 г. Гомельский Губернский отдел народного образования отправил в Наркомпрос по делам музеев охраны памятников искусства и старины депешу следующего содержания: «Отсутствие соответствующих кредитов на содержание Гомельского Губернского подотдела и его уездных органов, а также на содержание существующих в губернии музеев и необходимых для сбора культурных ценностей ставит работу подотдела в весьма затруднительное положение». Об этом докладывал в Москву И. А. Сербов в середине февраля 1920 г. В ответ ему было дано обещание, что необходимые средства будут перечислены на содержание подотдела, музеев и финансирование командировок в пределах губернии. Также И. А. Сербов просил аванс на сумму от 600 000 до 800 000 руб. или открыть Гомельскому подотделу кредит на эту сумму. Заведующий подотделом опасался, что Гомельская губерния оказалась в прифронтовой полосе и культурные ценности могут подвергнуться опасности со стороны злоумышленников или просто быть уничтоженными. Поэтому были необходимы достаточные средства для охраны и транспортировки выявленных ценностей в безопасное место [21, л. 24].

На основании специального мандата Губернского отдела народного образования от 9 марта 1920 г. видно, что товарищ В. Нецецкая направлялась в командировку по деревням Речицкого уезда для про-

изводства описи всех культурных ценностей и книг, которые стали совхозным имуществом после национализации всего, что находилось в бывших панских усадьбах. Уполномоченной В. Нецецкой было предоставлено право «вывезти часть ценных книг и других культурных ценностей (по ее усмотрению) из пределов совхозов» [21, л. 30].

В конце марта 1920 г. состоянием архивных книг торговых правительственных фирм был озабочен подотдел утилизации Гомельского Губвоенведа. Требовалось уточнить их место нахождения и общее количество для дальнейшей утилизации. Данный документ был подписан «Предгубвоензаком, завутилом, управделом». Однако И. А. Сербов воспротивился этому требованию. Сделанная им запись красным карандашом гласила «Срочно в Губво... не может быть утилизировано без осмотра отделом охраны памятников» [21, л. 35]. Такие фрагментарные сведения позволяют сделать вывод, что в сложной военно-политической обстановке ответственные за свое дело люди стремились сохранить огромный документальный массив первоисточников.

Среди документов по делам музеев и охраны памятников старины было обнаружено заявление в Гомельский Губернский отдел народного образования от 23 апреля 1920 г. Его автором был Глазов Леонид Николаевич, проживавший в Гомеле по ул. Вокзальной, д. 1. Судя по почерку, человек, который его составлял, явно был немолодым и получал образование во второй половине XIX в. В тексте встречается много слов и оборотов речи, характерных для людей, живших в позапрошлом веке. Часто употребляется буква «*i*». Из текста представляется возможным выделить главное его содержание. Л. Н. Глазов за последние 14 лет собрал уникальную коллекцию бабочек и других экспонатов фауны количеством до 20 тысяч. Он сам пишет, что (в прошлом 1919 г.) он передал все это в отдел народного образования. Вся коллекция состояла из двух отделов: 1) фауна Пинска и его окрестностей; 2) фауна из бывших азиатских владений России. Коллекция содержала, по утверждению его владельца, уникальные экземпляры. Бывший владелец просит провести переоценку этого материала, поскольку «в мирное время ее стоимость можно было определить в 8–12 тысяч рублей» по ценам 1919 г., а по ценам 1920 г. ее стоимость может составить до 50 тысяч рублей. Проситель хотел знать, возможна ли переоценка и увеличение суммы вознаграждения, положенного ему [21, л. 36–36 об.]. Характер подобного документа лишней раз позволяет понять, в какой непонятной экономической и политической ситуации оказались люди того времени.

И даже в этих крайне сложных условиях сотрудники отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по делам просвещения Российской Федеративной Советской Республики проявляли заботу о сохранении памятников прошлого. Подтверждением этому стал документ, отправленный из вышеназванного учреждения «марта 10 дня 1920 за № 1791», который поступил в Гомельский Губнаробраз 12 апреля 1920 г. Из текста этого документа явствует следующее: «В виду многочисленных разрушений деревянных построек в провинции Всероссийская Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса предлагает Вам принять меры к тому, чтобы ни одна постройка историко-художественного значения не была уничтожена». В поступившей инструкции сотрудникам Гомельского Губнаробраза предписывалось создать комиссию из сведущих в истории архитектуры лиц для осуществления регистрации интересных с точки зрения архитектуры деревянных зданий. Необходимо составить краткое описание и произвести фотографирование или художественные зарисовки архитектурных ансамблей и их деталей. Вся ответственность за погибшие памятники архитектуры возлагается на местные отделы [21, л. 39].
Всю эту информацию сообщить в уезды.

Выявлением и поиском предметов старины и произведений художественного искусства активно занимались представители местных органов власти в Гомеле. Это видно из заявления, написанного на имя заведующего Губотделом народного образования от заведующего художественной секцией товарища Бочховского от 21 февраля 1920 г. В заявлении сказано, что 21.02.20 в присутствии товарищей Ковровского, Розина и инструктора политпросвета Горбачева (И. О. не указаны) были обнаружены картины, хранящиеся на складе при госпитальном клубе по Волотовской улице в Гомеле. Все картины являлись высокохудожественными произведениями искусства, выполненными маслом на холсте. В составленном списке этих произведений живописи упоминались работы, представленные в табл. 1.2.

Таблица 1.2

Опись картин со склада при госпитальном клубе [21, л. 43]

Название картины	Подлинник или копия	Представителями какой школы мастеров живописи была написана работа
«Умиравший»	Подлинник	Написана художником старой школы
«Портрет женщины»	Подлинник	Написана художником современной школы

Название картины	Подлинник или копия	Представителями какой школы мастеров живописи была написана работа
«Мужчина»	Подлинник	Написана художником современной школы
Пейзаж	Подлинник	Написана художником старинной школы
Пейзаж	Копия	Написана художником старинной школных

Люди, которые были причастны к выявлению этих картин, передали их в музей при художественной студии в Гомеле [21, л. 43].

Среди документов Гомельского Губотдела по делам музеев и охраны памятников за первую половину 1919 г. упомянут гомельский художник Энштейн, который выполнял работы, связанные с определением и описанием художественных произведений. За проделанную им работу художник получил от Губподотдела 600 руб.

Из документов о выявлении предметов старины видно, что из деревни Малые Водовичи, со слов заведующего совхозом, «все ценности до приезда эмиссара вывезены в Юрьевичи для организации Народного дома». В Борисовщине оказалась довольно значительная библиотека на русском, французском и немецком языках (около 3000 томов). Но как свидетельствует источник, «в хаотическом порядке», составить опись и привести ее в порядок было невозможно из-за отсутствия компетентных в этих вопросах людей. В связи с открытием в Борисовщине Народного дома эта библиотека была поставлена туда на хранение. Всего эмиссаром было вывезено 200 книг на французском и немецком языках. Равинская за период с 12 по 21 декабря 1919 г. успела посетить: Солтаново, Горивод и Пересвятное. В Солтанове и Гориводе не оказалось никаких книг. Из Пересвятного ею было вывезено 132 экземпляра книг на польском языке [21, л. 46 об.]. Далее, как сообщает Равинская, в Дудичах никаких ценностей и книг не оказалось. В Домановичах оставшиеся книги, которые уцелели после грабежа и погрома, были забраны местным исполкомом для создания библиотеки. В этой местности были взяты на учет рояль, четыре картины ручной работы, пять гравюр, семь мелких картин, три статуэтки. В Липово находилась громадная библиотека, размещенная в 15 шкафах, книги были преимущественно на иностранных языках. Книги на польском и русском языках были частично подвергнуты расхищению.

В Липово были взяты на учет рояль, три картины, написанные масляными красками, четырнадцать портретов, шесть старых картин, написанных маслом, четыре картины времен Наполеона, одна каменная ваза, две фарфоровые статуэтки, три алебастровые статуэтки, одна гипсовая статуэтка, один мраморный пресс [21, л. 46 об.].

В совхозе «Наровля» оказалось много книг на иностранных и русском языках, было выявлено много предметов культуры и быта западно-русских помещиков. Все это было взято на учет сотрудниками Унаробраза [21, л. 46 об.]. С 28 декабря Елена Иодко посетила совхоз деревни Заспа, откуда было вывезено 600 экземпляров книг разного содержания. В Свиридовичах культурных ценностей не оказалось. Из Яновки вывезено 375 книг на польском языке беллетристического содержания, культурных ценностей там не оказалось. В совхозах «Березовка», «Малодуша», «Микуличи» и «Острогляды» культурных ценностей не выявлено. В Омельковщине был клуб-читальня, куда были доставлены все имеющиеся книги. В Руданово имелось в наличии очень много книг, часть из них в количестве 859 экземпляров была вывезена, остальные остались на чердаке сваленными в кучу. Взяты на учет 300 пар рогов разных размеров, пять голов диких зверей, одно чучело медведя, одно пианино, пять бронзовых статуэток, изображающих польскую шляхту, старинная мебель и многое другое.

В Хойниках при Народном доме имени Володковича было организовано две библиотеки: русская и польская. Также в Хойниках открыли картинную галерею, холсты в рамках были собраны из поместий сбежавших помещиков. Все вывезенные книги были доставлены в Гомель за исключением 400 экземпляров, оставленных в Речицком райсовхозе. Часть книг распределена, а не распределенные были направлены в польскую секцию для приведения в порядок. Как сообщали лица, ответственные за сбор книг и культурных ценностей, «о неправильных действиях наших эмиссаров ничего неизвестно» [21, л. 47].

Представители советских органов власти, осуществляя розыск предметов жизни и быта вчерашних дворян, обнаружили в самом Гомеле на складах разных транспортных обществ «много предметов музейного характера»: это были произведения искусств и памятники старины высокой научно-исторической и художественной ценности. Большинство этих сокровищ были привезены в Гомель представителями аристократии и буржуазии, которые, убегая от военных действий из прифронтовой полосы, рассчитывали спасти ценные вещи.

В Гомеле эти предметы поступали на учет Подотдела, где была проведена научно-художественная экспертиза и паспортизация этих предметов.

Для сбора и хранения культурных ценностей в Гомеле был основан центральный музейный фонд, под который отвели отдельный каменный дом, как было указано выше, на ул. Запсковой, д. 37. В этой научно-художественной лаборатории во второй половине 1919 г. была проделана огромная работа. Разобрано и описано свыше 80 000 томов книг, брошюр и журналов, а также рукописей разного содержания, составленных на разных языках. Самые редкие издания и рукописи отправлялись в Москву и помещались на хранение в Румянцевский музей [30, л. 42 об.]. В московский Главархив были отправлены старинные семейные родовые архивы и хроники западно-русской аристократии. Собрана богатая картинная галерея, лучшая часть которой вывезена в Москву и сдана на хранение в государственный музейный фонд, расположенный тогда на Никитском бульваре, д. 7. Сотрудниками лаборатории было собрано до 100 предметов старинных художественных тканей, среди которых имелись «западно-русские, украинские и польские ковры, слуцкие пояса и древние шелка». Большая их часть тоже была сдана на хранение в Государственный музейный фонд. Собранные коллекции по нумизматике и геральдике также были отданы на хранение в Румянцевский музей. Была составлена коллекция старинного оружия и предметов вооружения, наиболее ценные экземпляры которой были характерны для прошлой эпохи: шлемы, кольчуги, щиты, секиры и пищали. Собрано свыше 100 предметов статуарного искусства, среди которых особого внимания заслуживают мраморные статуи Венеры Милосской и Медицейской, выполненные первоклассными мастерами. Огромный интерес для исследователей представляли богатейшие коллекции художественного стекла, хрусталя, фарфора, фаянса, майолика и глины, а также 150 иных предметов: бронзовые статуи, медальоны, часы и канделябры. Кроме всего этого в помещичьих усадьбах собрали около 100 предметов стильной мебели и предметов домашней обстановки из карельской березы, черного дуба и красного дерева. Все изделия были украшены различными фигурками, вырезанными из дерева. Из того, что уцелело от народных погромов, удалось составить полные коллекции штампов и чеканок по металлу, резьбе и выжиганию по дереву и кости. Собрано много предметов художественной керамики, преимущественно местного производства [30, л. 42 об.].

Все эти достопримечательности были представлены для просмотра широкой публике в Центральном художественно-историческом музее имени Н. И. Троицкой, которая посетила Гомель 20 июля 1919 г. в День советской пропаганды. Этот музей вызвал у трудового населения огромный интерес к произведениям искусства и памятникам старины. В первый день открытия музея его посетило около 8 000 человек (как указано в документе), преимущественно из числа «трудо­вого пролетариата». Однако тревожное положение на польском фронте и частичная эвакуация Центрального музея в Москву поставили перед подотделом задачу о необходимости временно закрыть музей для реорганизации его на новом месте [30, л. 43].

Вместе с тем 7 ноября 1919 г. в Гомельском народном замке был организован художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского, исключительно из культурных ценностей, собранных в свое время Румянцевым и Паскевичем. Для сбережения раритетных коллекционных вещей от попадания их в руки любителей старины или продажи на международных аукционах в Горках, Климовичах, Могилеве, Мозыре, Орше, Речице, Рогачеве, Стародубле и Чечерске были открыты художественно-исторические музеи [30, л. 43]. В некоторых из них были сосредоточены целые коллекции произведений искусств. В Гомеле – кроме Народного замка бывшего Дворца Паскевичей – в 1919 г. было открыто несколько культурно-просветительских учреждений: библиотеки, музеи, лаборатории и студии, которые после реставрации замка могли объединиться в нем.

В отношении распределения культурных ценностей, не имеющих строго определенного музейного значения, подотдел во второй половине 1919 г. пропустил через свои приходно-расходные ведомости десятки тысяч предметов для снаряжения и оборудования разных культурно-просветительских учреждений: детских садов и студий, школ и курсов, мастерских и студий народных домов, клубов и театров. Предметы немuseumного характера для популяризации культурной политики советской власти в Гомеле получили: детский сад; детская библиотека; детская читальня; Центральная библиотека; клубы «а) Детский; б) подростков; в) коммунистов», а также штабы Днепровской флотилии, работников просвещения, работников искусства, работников общественного питания, фабрики «Везувий», партии Бунда, Агитпункт, Дом трудового крестьянства, Дом им. Свердлова, театр им. Калинина, Губотнаробраз, Губком, Горком, Губфинотдел, Губздрав, Усовбез и прочие учреждения органов советской власти.

На содержание подотдела со всеми его учреждениями и на охрану произведений искусства и памятников старины требовались значительные финансовые средства, которые могли быть отпущены в виде кредитов на первую и вторую половины 1919 г. «Но по какой-то непонятной причине означенные сметы своевременного представления в соответствующих учреждениях не получили одобрения» [30, л. 44]. Подотдел получил аванс в сумме 135 000 руб., «поэтому Подотдел жил и работал на средства, отпущенные Губернским Отделом Народного Образования». Всего за 1919 г. подотдел получил 345 949 руб., из них было потрачено на содержание подотдела 84 000 руб., 100 000 руб. на содержание музея и 161 949 руб. на вывоз и охрану произведений искусства и памятников старины. Настоящий отчет составлен 31 декабря 1919 г. в Гомеле, подписан заведующим Губподотделом по делам музеев и охраны памятников старины и искусства И. А. Сербовым. Кроме пристрастия к сохранению предметов искусства и памятников старины, И. А. Сербов не имел стабильных политических взглядов. Из выписки протокола заседания президиума Гомельского уездно-городского комитета РКП(б) от 12 февраля 1920 г. в присутствии товарищей Гублера, Перно и Шентерова (И. О. не указаны) было заслушано дело И. А. Сербова, которому товарищи Хатаевич и Неханкин предъявили обвинение в принадлежности к «Союзу русского народа» (СРН). Данная организация существовала в России с 1905 по 1917 г. Ее представители исповедовали монархический национализм и православный радикализм, отрицали революцию и парламентаризм. Соответственно гомельские партийные работники противились проникновению в свои ряды человека, который мог косвенно иметь отношение к СРН [70, л. 9].

С наступлением весны 1920 г. возобновилась выездная работа сотрудников Губотнаробраза по выявлению памятников искусства и старины. На основании выданного 25.03.1920 г. мандата эмиссарами для производства учета книг и культурных ценностей были назначены Понемецкий, Равинская, Нецецкая и Иодко. До этого Понемецкий посетил совхоз «Глинище», о чем составил письменный отчет, согласно которому следует, что «до его приезда вещи, имеющие какую-либо ценность, были вывезены товарищем Пивоварчиком, контролером губпродкома, и товарищем Солонец, контролером упродкома. Кроме того, как сообщил заведующий совхозом товарищ Миллер, много ценных (с его точки зрения) книг и других культурных ценностей красноармейцы, стоявшие на постое в совхозе, сжигали в печах.

В Глинищах были взяты на учет: рояль, две барские спальные кровати, три письменных стола, десять кресел, три дивана, комод, карточный столик; вывезено около 40 экземпляров книг на польском языке. В деревне Большие Водовичи взяли на учет: пианино и несколько чучел: лисицы, дикого кабана и филина [21, л. 46].

В целом следует признать, что благодаря активным и своевременным действиям представителей органов советской власти были спасены от уничтожения многие ценные предметы, которые впоследствии стали основой многих музейных фондов Беларуси и России.

1.3. Развитие библиотечного дела в Гомеле и организация цензуры в средствах периодической печати в 1923–1925 годы

Становление библиотечного дела в первые годы советской власти способствовало развитию грамотности и образованности трудящихся. Была создана сеть передвижных библиотек, когда книги на повозках перевозили из одного населенного пункта в другой на срок от одного до трех месяцев. Этим достигалось максимальное использование ценного на тот период книжного фонда читателями тех мест, куда книги ранее никогда не завозились. Всего в пределах Гомельской губернии было сформировано 75 библиотек-передвижек, которые насчитывали 15 278 экземпляров книг.

В библиотеках до 58 % библиотекарями работали люди, окончившие сельские школы или начальные училища, 11 % – окончившие народные училища и 31 % библиотекарей имели среднее образование.

Из числа взятых читателями книг 60 % книг составляла беллетристика, 26 % – общественные науки и 14 % приходилось на литературу из остальных отделов [69, л. 27–27 об.].

В 1923 г. в Гомеле работала библиотека Губсоюза и Профсоюза имени Чернышевского. Местом нахождения ее было здание на углу улиц Крестьянской и Могилевской. В библиотеке работал один сотрудник А. Е. Сикирин, 1903 г. р., со средним специальным образованием. Литература в библиотеку поступала по линии Госиздательства из Москвы от местных органов печати и кооперативных издательств. Тематическое содержание книг носило преимущественно научный характер. Средства для закупки книг отпускались госбюджетом. Большим спросом у читателей пользовалась литература художественного характера и книги по социальным наукам [27, л. 32].

По улице Билецкого в 1923 г. работала еще одна библиотека, которая находилась в ведении Гомельской конвойной команды войск ГПУ. Единственным библиотекарем в ней работал М. А. Заков, 1901 г., имевший домашнее образование, по социальному происхождению – из служащих. На данную работу пришел с завода по назначению и проживал при библиотеке. Литература в этой библиотеке была преимущественно на политические темы, поступала она из политотдела. Читатели этой библиотеки интересовались книгами о политике, спросом пользовались беллетристика и книги по социальным наукам [27, л. 27–27 об., 28].

Положение библиотек в Гомеле и всей губернии оставалось крайне тяжелым. Отсутствовали квалифицированные кадры, не хватало бюджетных средств на закупку новой литературы, газет и журналов. Среди документов, отражавших деятельность городских библиотек, был выявлен документ, описывающий работу Гомельской Центральной библиотеки имени Герцена в июне 1925 г. Социальный и количественный состав постоянных читателей библиотеки следующий: рабочих было 228 человек, служащих – 447, кустарей – 4, людей свободной профессии – 124, учащихся детских домов – 158, учащихся школы II ступени – 169, учащихся школ I ступени – 189, людей с высшим образованием – 46, представителей из профшколы – 219, торговцев – 14, домохозяек – 235, лиц неопределенного вида деятельности – 451. В библиотеке хранились книги на русском, польском, французском, немецком и английском языках. Общее количество пользователей книг на иностранных языках составило 48 человек. По тематической направленности читатели подразделялись на тех, кто читал беллетристику – 3805 человек, периодические издания – 124, философские науки – 18, религиозные – 8, социальные науки – 240, педагогические – 2, книги по филологии – 4, книги по природоведению – 68, книги по сельскому хозяйству – 2, книги по истории – 95, книги по географии – 7 [26, л. 60–61]. Настоящий отчет был подписан заведующим Центральной библиотекой имени А. И. Герцена Н. Соколовой 18 августа 1925 г. для представления в Гомельский Губернский отдел народного образования.

Для решения ряда вопросов по налаживанию работы библиотек руководство ГубОНО назначило I съезд библиотекарей Гомельской губернии на 25 сентября 1925 г. Для проведения съезда было подготовлено помещение ГубОНО, начало открытия съезда в семь часов вечера, по продолжительности занял четыре дня. На съезд прибыли

работники центральных библиотек, партийных, фабричных, заводских, а также всех волостных библиотек, количество всех участников составило 60 человек [26, л. 43]. I съезд библиотекарей начался с обсуждения самых важных вопросов – очередные задачи партии и советской власти по увеличению числа грамотных людей в городе и деревне; комплектование библиотек новой литературой, изучение интересов читателей; какой литературой интересовались читатели города и деревни; увеличение количества передвижных библиотек в сельской местности. Обсуждались вопросы о видах политпросветработы, методы и формы работы библиотек на крупных фабриках и заводах; помощь сотрудникам библиотеки, которые нуждаются в самообразовании, новые подходы к работе в детских библиотеках, распространение литературы для детей младших классов. С тематическими докладами на съезде выступили Горфункель, Н. Соколова, Какузин, Певзнер, Гольмшток и Раппопорт (И. О. не указаны). Среди вопросов по текущим делам были обсуждены также и план работы библиотек города и губернии на осенне-зимний период, и проведение «Дня книги». В завершении работы I съезда было принято решение дать сведения по количеству устаревшей литературы, указать процент взрослого читателя старше 18 лет; перечислить, какие в волостных центрах кроме библиотек имелись культурные центры, школы, ликпункты, клубы и т. д.; указать общее количество обучающихся, оканчивающих ликпункты в уездных и волостных центрах, какая методическая литература имела в каждой из волостных библиотек и какие волостные библиотеки имели контакты с избами-читальнями. Протокол заседаний этого съезда был подписан завгубоно товарищем Закиным и завгубпросветом товарищем Черновым (И. О. не указаны) [26, л. 48 об.].

Кроме библиотечной литературы гомельчане в начале 20-х гг. прошлого столетия имели возможность регулярно читать издаваемые в Гомеле газеты и журналы. Подтверждением этому является информация о том, что заведующий производственным отделом и член правления «Полеспечати» Блюдин (И. О. не указаны) 21 мая 1923 г. пишет обращение в Гублит с просьбой выдать разрешение сроком на три месяца для издания городской периодической печати. После революции в Гомеле печатались газеты «Полесская правда» (выпускалась с 1 мая 1920 г. по 15 ноября 1938 г.), «Новая деревня», «Наш понедельник» и журнал «Известия Губкома» [27, л. 47]. В целом с 1917 по 1926 г. в Гомеле были опубликованы следующие издания:

- с апреля 1917 по январь 1918 г. – газета «Голос народа»;
- с октября 1917 по январь-март 1918 г. издавались «Известия Гомельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»;
- с октября 1917 по 17 января 1919 г. – газета «Гомельская жизнь»;
- с мая 1919 по апрель 1920 г. выходила газета «Путь Советов»;
- с 14 апреля 1919 по 1926 г. издавался журнал «Известия Гомельского губернского комитета РКП», с 1925 г. он назывался «Полесский коммунар»;
- с 1919 по 1920 г. издавался журнал «Печатник»;
- с 1920 по 1921 г. выходил журнал «Коммунистическое просвещение», с 1921 г. под другим названием – «Набат молодежи»;
- в 1922–1926 г. работало кооперативное издательство «Гомельский рабочий»;
- в 1922–1923 г. издавался журнал «Агитатор» и «Профессиональная мысль»;
- в 1923 г. в Гомеле издался журнал «Вестник коммунального хозяйства»;
- в 1925–1926 г. издавался журнал «Рабочий досуг» как приложение к газете «Полесская правда».

Перед изданием газет и журналов проводилась их цензура сотрудниками партийно-советской печати и государственной типографии. Подтверждением тому является обращение заведующего Губернского управления коммунального хозяйства от 17 февраля 1923 г. в «Губернский Отдел Народного Образования подотдел Цензорский» с просьбой не препятствовать изданию журнала «Вестник коммунального хозяйства» [27, л. 82].

О практике применения цензуры в области книжно-издательского дела свидетельствуют и другие документы. Так например 8 марта 1923 г. за № 2117 губернский цензор из Губернского отдела народного образования пишет обращение к заведующим книжных магазинов Губсоюза от имени Губернского отдела по делам литературы и издательств (Гублит) с предложением в двухдневный срок представить списки книг, изданных за границей в послереволюционные годы с 1917 по 1923 г., с точным и подробным указанием названия книг, фамилии автора, наименования издания и количества экземпляров. Документ подписан без указания фамилий «Губцензор и секретарь». Примечательна подпись секретаря на этом документе очень выразительная, с несколькими завитушками, размером пять с полови-

ной на полтора сантиметра. Оригинальность такой подписи позволяет предполагать, что она принадлежит хорошо образованному человеку [27, л. 49].

О необходимости регистрации всех, кто осуществлял торговлю книгами, видно из объявления, составленного заведующим Гублитом Шапиро (И. О. не указаны) в редакцию газеты «Полесская правда» от 20 сентября 1923 г. В этом документе читаем: «Настоящим Гублит предлагает всем заведующим или владельцам книжных предприятий и хранилищ, магазинов, библиотек, агентств и киосков как государственных, так и частных в трехдневный срок явиться в Гублит ул. Замковая, 24 для регистрации своих предприятий или книжных хранилищ». В отношении лиц, не явившихся для регистрации или явившихся несвоевременно, предусматривались соответствующие меры наказания [27, л. 41]. В отношении лиц, которые собирались уезжать за границу и увозить с собой печатные издания, Гублит также выдавал соответствующие разрешения. Это видно из заявления гражданки Блынзейн от 9 ноября 1923 г., в котором она излагает просьбу разрешить ей вывезти с собой за границу 60 фотографических карточек, открыток шесть штук с видами местности и восемь книг на еврейском, русском и польском языках и один атлас. Все книги перечислены под своим названием, но из-за трудно читаемой рукописи, избегая искажения, данный перечень не указан. В резолюции Гублита с пометкой в верхнем углу заявления стоит подпись «Выдано разрешение от 10.XI.1923 г.» [27, л. 33]. Разрешение на вывоз книг получил гражданин З. Наровлянский, который обратился в Гублит 16 августа 1923 г., за подписью Шапиро. Ему дано одобрение на вывоз за границу пяти выпусков библии «Хумосиим», шести выпусков «Мишнаж» и еще одной книги, название которой в документе было написано неразборчиво [27, л. 37].

Таким образом мы видим, что представители новой власти проявили заботу о повышении уровня просвещенности советских людей. При этом печатная информация подлежала цензорному контролю со стороны соответствующих инстанций.

1.4. Начало работы Гомельской фотокиносекции в период культурных преобразований советской власти в 1919–1923 годы

История белорусского кинематографа берет свое начало с 1900 г., когда в Минске началась демонстрация кинофильмов западно-европейского производства. До 1917 г. в белорусских городах было уже 56 частных кинотеатров или, как тогда говорили, «иллюзионов». Сколько функционировало кинотеатров и где они находились в дореволюционной Гомеле, пока таких сведений не имеется. Однако нам известно, что после национализации частных кинотеатров в 1918 г. в Гомеле работала фотокиносекция. При этой организации впоследствии был открыт специальный отдел, который предназначался для обслуживания советских учреждений с целью фиксировать на пленку все культурные, партийные и агитационные мероприятия, которые должны были проходить в Гомеле.

2 октября 1919 г. было принято положение о деятельности гомельской губернской фотокиносекции. На основании положения о губернских фотокиносекциях всероссийского фотокиноотдела наркомпроса, опубликованного в газете «Известия» ЦНК от 2 октября 1919 г., было принято решение при отделе народного образования Гомельского Губернского совета учредить автономную фотокиносекцию. Эта секция управлялась коллегией из трех лиц, в состав ее входили заведующий секции, его заместитель и секретарь; заведующий назначался из числа членов этой организации. С целью успешной научно-учебной, культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской деятельности фотокиносекция должна была работать при непосредственном руководстве окружных фотокинокомитетов, а где таких не было, то под руководством Всероссийского фотокиноотдела. Фотокиносекция существовала на средства, отпускаемые по финансовой смете Всероссийского фотокиноотдела [18, л. 9].

При внимательном изучении документов Государственного архива Гомельской области был выявлен достаточно интересный источник, свидетельствующий о том, что Гомельская Губернская фотокиносекция начала полноценно свою работу с 10 октября 1919 г., что видно из доклада заведующего К. Наймарка, назначенного на эту должность 01.10.1919 г., в дальнейшем им был составлен следующий план работы:

– построить сеть постоянных кинотеатров в губернии и оборудовать 15 передвижных кинематографов для обслуживания сельской ме-

стности. Организовать отдел проката картин при секции и снабжать кинотеатры новыми картинами; кроме этого требовалось приобрести большое количество научных картин и составить к ним описание в виде лекции, организовать научные сеансы. Приобрести специальные детские картины и проводить детские сеансы. Установить в каждом кинотеатре конус для волшебной проекции и в каждом удобном случае, между частями картины, демонстрировать лозунги (очевидно политической пропаганды новой власти);

– приобрести технические принадлежности и прочее снаряжение для кинематографа, оборудовать при складе мастерскую для ремонта киноаппаратуры. Купить на рынке нужное количество волшебных фонарей и диапозитивов и проводить лекции с волшебной проекцией в школах, клубах и народных домах;

– организовать работу бухгалтерии для отчетности секции, отдела проката фильмотеки и фотографии, а также наладить отчетность уездных фотокиносекций и театров. Примечательно то, что в период экономической и социальной разрухи в Гомеле руководство фотокиносекции осуществляет фотографирование и проводит кино съемки разных событий, торжеств и прочих мероприятий в городе. Современным историкам и краеведам остается задаться целью выявить в соответствующих архивохранилищах эти фотокинодокументы.

Что касается демонстрации кинематографических картин, то изначально дело обстояло крайне плохо. В декабре 1919 г. товарищ К. Наймарк обратился в Москву за разрешением открыть отдел проката картин и просил наркомпрос отпустить нужные для этого кино материалы. После чего было дано разрешение открыть фильмотеку, однако ввиду того, что в московском центре был недостаток картин, К. Наймарк получил право приобретать картины на «вольном» рынке [8, л. 6].

В 1920 г. в Гомеле были организованы курсы киномехаников и составлена смета на текущий год в размере расходов для проведения в жизнь намеченного плана [8, л. 5]. Из протокола заседания Губернского фотокино Гомеля от 30 июля 1920 г. видно, что во главе этой организации в должности заведующего продолжал оставаться К. Наймарк, а за-мом у него был товарищ Ципорин (И. О. не указаны). На тот период времени в секции Губернского фотокино резко не хватало сотрудников. К. Наймарк пытался подобрать новых работников, перечень специалистов был определен следующий: машинистка, курьер, сторож, бухгалтер, счетовод, механик, конторщик, экспедитор. Как стало известно,

организация фотокиносекции в Гомеле на тот период не имела собственного помещения и заведующий поручает своему заму подыскать помещения через земельно-жилищный отдел. Одновременно для дальнейшего осуществления работы фотокиносекции К. Наймарк командировует Ципорина в Киев за новыми картинами, так как старый репертуар уже был заезжен [8, л. 50].

В очередном протоколе заседания коллегии губернской фотокиносекции от 10 августа 1920 г. описано деликатное обстоятельство дела по поводу попытки национализации картины под названием «В омуте Парижа». Очевидно, эта кинолента могла шокировать зрителей своим содержанием и принести большой денежный сбор. Поэтому вокруг ее приобретения шел большой ажиотаж. Так как кинолента принадлежала Киевской прокатной конторе объединенного кинематографического предприятия торгового дома «Кери и Сатурн», то для просмотра этой картины гомельскими зрителями было заключено соглашение с представителем киевского товарищества Горбачевской. Этот договор гарантировал возврат киноленты после ее просмотра гомельскими зрителями киевским владельцам [8, л. 52–52 об.].

Из документов от 11 августа 1920 г., состоялось очередное заседание коллегии фотокиносекции г. Гомеля, где слушался доклад товарища Золотовского (И. О. не указаны). Постановили: ввиду того, что привезенные и просмотренные им кинокартины оказались стоящими, было принято решение взять в прокатное пользование на 2 месяца следующие картины: «Братья», драма в четырех частях с участием «кинозвезды» тех лет Мозжухина за плату 120 000 руб., «Голубая кровь» в шести частях с участием О. Фрейлих и Черновой за 140 000 руб. и на один месяц картину «Казнь мясоеда» в четырех частях за 50 000 руб. [8, л. 53].

Кроме вышеперечисленных экранизаций с 31 августа 1920 г. в кинотеатрах Гомеля начинается демонстрация новых картин под такими названиями как «Пиковая дама» в шести частях, «Сын страны, где царство мрака» в пяти частях, «Дама с Калиями» (название как в источнике) в пяти частях, «Инженер» в пяти частях. С чисто идеологической точки зрения и судя по их названию, эти киноленты не способствовали формированию оптимистического мировоззрения и симпатий обывателя к новой власти. В силу их буржуазного происхождения эти фильмы могли отвлечь людей и способствовать только смене впечатлений, не задумываясь о трудностях повседневной жизни [8, л. 55]. Надо полагать, что на тот период сотрудники гомельской

фотокиносекции часто ездили в Киев за новыми кассовыми картинками. Об этом свидетельствует еще один документ от 4 сентября 1920 г., где товарищ Геллер (И. О. не указаны) из фотокиносекции Гомеля должен был ехать в Киев для приобретения кинематографических принадлежностей и получить в прокатное пользование новые киноленты [8, л. 56].

Исследование ряда проблемных вопросов в области кинопроката в Гомеле в указанный период оказалось осложнено отсутствием последовательно составленных документов, из-за чего описание деятельности этой организации строится на основании тех источников, которые позволяют выявить неизученные факты в истории Гомеля.

Как свидетельствует дальнейшее изучение документов по данной теме, на заседании коллегии губернской фотокиносекции 23 марта 1921 г. мы узнаем о составе этой организации. Коллектив работников состоял из следующих лиц: К. Наймарк, Ципорин, Беркман, Раковский, Фрадин, Езерский, Гольдшмидт и Локштанов (И. О. не установлены). Из решения, принятого членами секции, видно, что товарищ Фрадин, как наиболее подходящий специалист, занимался вопросами советской фотографии в Гомеле. Съемку должны были непосредственно осуществлять Езерский и Раковский [8, л. 19]. Познавательна информация о ценах на фотографические снимки. Так, изготовить фотографию в 1921 г. в Гомеле стоило: размер 24×30 – 3000 руб.; 18×24 – 2000 руб.; 13×18 – 1500 руб.; 12×16_{1/2} – 1200 руб.; 10×15 – 1000 руб.; 9×12 – 400 руб. за фотографию.

Прием заказов был определен следующим образом: в первую очередь принимались заказы, имеющие государственное значение: партийные конференции, съезды, выставки, снимки для производственной пропаганды. Во вторую очередь по удостоверениям обслуживались служащие и рабочие советских учреждений, а затем члены профсоюзов [18, л. 19].

В отношении демонстрации картин на экране ситуация продолжала оставаться сложной, поскольку новые картины достать было трудно; санкционируется постановление коллегии губернской фотокиносекции о наведении контактов с соседними губерниями для обмена картинками. Кроме этого специальные инструкторы из фотокиносекции командировались во все уезды губернии для обследования там кинотеатров и изъятия имеющихся там картин. Такое постановление было подписано председателем К. Наймарком.

В январе 1921 г. сотрудниками фотокиносекции Гомеля был составлен отчет работы Губернского фотокино. Содержание документа свидетельствует о том, что отдел проката отремонтировал 65 про-

грамм картин, из них 9 детских. Отделом фотографии произведено 285 снимков для удостоверения личности, пропусков и партийных билетов. Подтверждением этой работы явился составленный текущий отчет [8, л. 2].

В кинотеатрах и клубах Гомеля к 8-му Съезду Советов 18 января 1921 г. по распоряжению ЦК РКП были прочитаны тематические лекции, в содержании которых были выдержки речей со съезда. На сценах развешивали плакаты с патриотическими лозунгами [72, л. 29].

О количестве клубов в Гомеле, где могли демонстрироваться фильмы, можно судить по документу Губагитпросвета от 22 февраля 1922 г. Функционировали учреждения культуры:

1. Центральный рабочий клуб союза печатников и металлистов.
2. Клуб Леккерта на ул. Коммунаров от союза водного транспорта и строителей.
3. Клуб швейной промышленности от союза швейпрома, кожи и 3-го железнодорожного полка.
4. Клуб батальона ВЧК и союза пищевиков и Нарпита.
5. Клуб курсов Губпартшколы и Профшколы.
6. Гарнизонный клуб.
7. Клуб кавалерийской дивизии.
8. Клуб 13-го батальона войск ВЧК и железнодорожного депо [72, л. 398].

9. Гомельский театр имени Калинина считался образцовым. В нем проводились спектакли и бывшее отдельное ложе [72, л. 365].

Было оборудовано несколько кинематографов: в Либаво-Роменском агитпункте, в совхозе «Прудок», на клинкерном заводе, в театре имени Свердлова и в других местах. Далее было принято решение организовать отдел проката картин, который будет обслуживать все кинотеатры в губернии. В примечании к данному постановлению говорится, что прокатные отделы существуют в Гомеле с 20 апреля 1920 г. Работниками этих отделов за истекший период к январю 1921 г. отремонтировано 560 кинолент, из них 52 программы детских и научных картин. Необходимо еще приобрести целый ряд научных и детских кинолент и учредить детские и научные сеансы. Требовалось открыть три секции фотографии специального отдела, который будет обслуживать советские учреждения и фиксировать все проходящие культурные и агитационные мероприятия в Гомеле. В этом направлении проводились следующие работы: выполнено 800 фотографических снимков и 1902 отпечатка разных съездов конференций и показательных мероприятий, а также 167 снимков и 447 отпечатков с

изображением музея, 187 снимков и 445 отпечатков секции ИЗО. Для изготовления партбилетов был сделан 451 снимок и 1410 отпечатков [8, л. 5 об.]. Для эффективной работы фотографов были приобретены необходимые фотоматериалы, которые отпускались советскими учреждениями. Таким образом, руководитель в лице К. Наймарка считал, что была проделана колоссальная работа в крайне сложных условиях и при полном отсутствии предметов оборудования, «киноматериалов, отсутствии новых картин» и недостатке технических сотрудников.

Как свидетельствуют документы, рынок предлагал большой выбор разных кинокартин, однако из-за отсутствия финансов купить их было невозможно. Новая финансовая смета для фотокиносекции Гомеля была утверждена центром только в июле 1920 г. Поэтому 20 апреля 1920 г. К. Наймарк, пользуясь данной ему властью, произвел национализацию местных кинопрокатных контор. Однако большая часть национализированных картин культурного значения не имела. При отсутствии других кинокартин и не желая останавливать работу кинотеатров в Гомеле, в целях цензуры в содержании этих картин после предварительного просмотра были сделаны необходимые вырезки, после чего они были допущены для просмотра зрителям. Кинокартины демонстрировались в кинотеатрах Гомеля несколько месяцев; при этом многие киноленты пришли в полную негодность и постепенно репертуар фильмов был совершенно истощен. В связи с этим в начале июля 1920 г. К. Наймарк принял решение командировать в Москву своего сотрудника за новыми кинокартинами. Но гомельскому представителю в Москве ответили отказом, сказав, что гомельский кинопрокат находится в лучшем положении, чем ситуация на рынке картин в Москве, поскольку Гомель расположен рядом с границей и новые картины можно приобретать и на Украине [8, л. 6].

В конце июля 1920 г. гомельская фотокиносекция получила кредит и ее руководством были предприняты попытки приобрести картины в прокатное пользование на Украине. На первых порах было приобретено несколько новых картин, дальнейшее их приобретение было приостановлено местными властями, требующим нового разрешения на их покупку из Москвы. На очередной запрос в центр был дан отказ, и приток новых картин опять прекратился [8, л. 6].

В преддверии праздника Октябрьской революции, 22 октября 1920 г. К. Наймарк опять откомандировал в Москву своего представителя за картинами. Но новых картин отдел Наркомпроса не дал и поэтому гомельские киномеханики были вынуждены чинить старые

киноленты, которые в большинстве оказались настолько вырезанными, что в них совершенно потеряли всякий смысл. В сложившейся ситуации руководство фотокиносекции Гомеля решило приобретать новые картины из-за границы. Мы не знаем, какое количество этих кинолент было представлено гомельским зрителям, но можем предположить, что все они имели в своей основе буржуазную идеологию, а значит пропагандировали далеко не те ценности, которые выдвигала советская власть. Однако новые условия жизни требовали от кинопропаганды помогать формированию новой личности советского человека. Кино должно было развивать производственную пропаганду, для этого нужны были специальные картины и передвижные кинематографы. До получения из центра картин необходимо было приступить к составлению таковых из подходящих сюжетов уже существующих картин, и как было сказано в источнике, «это чрезвычайно трудная работа». Из этого мы можем предположить, что в Гомеле в указанный период предпринимались попытки самостоятельных киносъемок для пропаганды новых идей и политических лозунгов. Необходимо было также приступить к оборудованию передвижных кинематографов для демонстрации фильмов в деревне. На основании вышеизложенного К. Наймарк предложил следующее: разрешить губернской фотокиносекции приобретать кинематографические картины, а также необходимые предметы для оборудования кинематографов в нужном для Гомельской губернии количестве. До утверждения центром гомельских смет все доходы кинотеатров, находящихся в ведении наробразования, должны были быть внесены на приходный текущий счет губернской фотокиносекции [8, л. 6 об.]. Откуда с согласия Рабоче-крестьянской инспекции по мере надобности губернская секция расходовала бы средства для своих нужд и обеспечивала бы сотрудников гомельской фотокиносекции «ударным пайком и премировать их натурой» [8, л. 7]. Требование было заверено заведующим губернской фотокиносекцией К. Наймарком. Ввиду того, что работа секции имела большое государственное значение в тот момент, для качества производственной пропаганды просили Губпрофсовет причислить сотрудников к ударной группе и премировать трудящихся дополнительно [8, л. 3].

Из очередного корпуса документов того периода видно, что кинематограф начинает выполнять роль «рупора эпохи» и способствует распространению новой идеологии. Из копии доклада (документ без числа) явствует, что фотография и кинематограф безусловно являют-

ся лучшим средством для производственной пропаганды, так как они наглядно могут показать преимущество машинного производства, полезность применения электричества и производительность фабрик, заводов и мастерских. На основании этого губернская фотокиносекция выработала следующий план работы:

1. Приобрести для производственной пропаганды соответствующие картины.

2. Приобрести волшебные фонари и конусы для волшебной проекции в кинотеатре.

3. Установить специальные сеансы и лекции с волшебной проекцией.

4. Подобрать подходящий сюжет из имеющихся в наличии картин, изготовить к ним соответствующие надписи и составить специальные, для производственной пропаганды, программы кинокартин.

5. Произвести фотографические снимки всех имеющихся в Гомельской губернии фабрик, заводов и мастерских.

6. Устроить по губернии выставки из этих снимков.

7. Передать Госиздату эти снимки для печати их в журналах.

8. Изготовить из этих снимков диапозитивы.

9. Достать кинематографическую пленку и произвести съемку более важных производств Гомеля [2, л. 8].

Из резолюции 3-го Гомельского губернского съезда работников искусств 9–12 мая 1921 г. следует, что обсуждался вопрос о кино. Было принято решение ходатайствовать перед Губпрофсоветом и Губисполкомом о создании Центра, с помощью которого на местах в производственных кинематографических кооперативах вся работа будет осуществляться согласно уставу, выработанному ЦК и утвержденному ВЦСПС. Все материалы для съемки нужно было покупать на свободном рынке [8, л. 31–32].

При изучении истории становления фотографического и кинопрокатного дела в Гомеле определенный интерес представляет материал протокола заседания коллегии подотдела искусств от 24.06.1921 г., на котором присутствовали товарищи Л. Т. Кронгауз, Л. Выготский, Д. И. Выгодский, Брахман, Розенблюм, Файль (И. О. не установлены). В ходе работы были заслушаны разные вопросы, в том числе вопрос о фотокино. Постановили поручить К. Наймарку принять весь инвентарь фотокино [8, л. 44]. Для поездки в Москву К. Наймарку и Ландоу выдать 300 000 руб. аванса [8, л. 44 об.]. На очередном заседании коллегии от 28.06.1921 г., на котором присутствовали товарищи Л. Т. Кро-

нгауз, Д. И. Выгодский, Розенблум, Быховский, К. Наймарк, Тер-Аствацатуров и товарищ Ципорин, среди широкого перечня вопросов культурологического значения прозвучала информация о положении дел с «интимным театром». Губисполком решил закрыть «интимный театр» и ходатайствовать перед Губподиском об открытии в этом помещении обычного кинотеатра [8, л. 45].

В ходе работы на заседании фотокиносекции от 1 ноября 1921 г. в присутствии К. Наймарка, Слуцкого и Ципорина было принято постановление совершенствовать работу фотокиносекции для укрепления идеологической и партийной работы. Запретить выполнение каких-либо заказов частным лицам без разрешения фотокиносекции. Таким постановлением руководство секции стремилось проводить все финансовые платежи строго через кассу фотокино [8, л. 3].

Киноленты иностранного производства подлежали цензуре представителями органов советской власти. На основании акта от 31 марта 1923 г., составленного и подписанного представителями Гублита товарищем Шапиро и от ГПУ товарищем Шлифстойном (И. О. не указаны), мы видим, какие комментарии цензурного характера были внесены после просмотра кинокартины под названием «Прекрасная Дорита» в шести частях, принадлежавшей Киевской прокатной конторе. После просмотра вышеуказанными лицами данной картины было принято решение не допускать отдельные фрагменты к просмотру массовым зрителем. Из сюжета картины видно, что причиной народной революции в энной стране является подстрекательство одного авантюриста, влюбленного в графиню и отвергнутого ею. В финале картины показана преданная своей госпоже крестьянка, которая спасает графиню, пользуясь пьяным состоянием восставшего народа, который в конце убивает своего вождя-авантюриста, благодаря чему восторжествовала аристократическая правда, а народ добровольно смиряется и отступает от своих намерений под натиском контрреволюционно настроенной феодально-аристократической знати [27, л. 63]. Данный сюжет из шестой части картины был вырезан, копия акта передана директору гостеатра товарищу Файну (И. О. не указаны).

В дальнейшем вопрос по поводу просмотра зрителями новых кинолент и театральных постановок обсуждался на совместном совещании между заведующим Гублитом Шапиро и уполномоченным ГПУ Флексером (И. О. не указаны) от 12 октября 1923 г. На повестку дня был поставлен вопрос о выдаче разрешений гостеатру для демонстрации кинокартин на основании лицензии Госкино. При выдаче

разрешений на театральные постановки решили придерживаться постановлений Губернской репертуарной комиссии, считать необходимым выдавать письменные разрешения на все постановки в театрах, клубах и кино, кроме постановок, носящих внутриклубный и семейный характер. Обо всем этом нужно было сообщить в ближайших номерах всех местных газет. С данным постановлением ознакомились все уполномоченные Гублита всей губернии и придерживались этих решений [27, л. 43].

В завершение следует отметить, что вся работа гомельского фотокино в указанный период времени свидетельствует о культурных достижениях советской власти.

1.5. Становление историко-краеведческой работы в Гомеле в 1923–1925 годы

Историко-краеведческая работа в Гомеле велась уже в декабре 1923 г. Именно в этот период осуществляло свою деятельность Гомельское Губернское бюро краеведения, которое было организовано при Губернском отделе народного образования. При этом в бюро работал известный белорусский историк и археолог К. М. Поликарпович. За период с февраля по декабрь 1925 г. гомельская краеведческая организация провела масштабную работу по сохранению и популяризации историко-культурного наследия Гомеля и всего региона в целом [16, л. 6].

Сотрудники Губернского бюро краеведения с самого начала своей работы пытались создать отдельный аппарат управления. К 1 мая 1924 г. в состав этой организации входило 5 человек, а именно: Струнин, Баборыкин, Николаев, Афанасьев и Векслер (И. О. не установлены). В качестве кандидатов в составе членов бюро состояли Жарин и Бончиц. Председателю бюро не раз приходилось отмечать, что такой малочисленный состав сотрудников не может способствовать продуктивной работе. Надо полагать, что для работы бюро краеведения могли привлекаться сотрудники педагогического музея, который располагался в этот период по адресу: г. Гомель, ул. Липовая, д. 6 [16, л. 4].

За время с 1 мая по 31 декабря 1924 г. бюро краеведения имело 18 заданий, в ходе решения которых рассматривался ряд организационных вопросов и было заслушано несколько докладов краеведческого характера. Некоторые доклады были вынесены на собрания

школьных работников. Так началась краеведческая работа по изучению истории Гомеля. Были выполнены некоторые графические работы, относящиеся к прошлому Гомеля; составлен план старого города; составлялись описания геологических профилей в черте города; принимались меры к охране исторических памятников, курганов и городищ; было положено начало созданию краеведческой библиотеки. Производились археологические раскопки в местечке Чечерск, заслушивался доклад товарища Баборыкина о проведении этих раскопок. В декабре 1924 г. Гомельское бюро отправило своих представителей для участия во 2-й Всесоюзной конференции по краеведению, которая состоялась в Москве.

За период с 1 января по 1 июля 1925 г. состоялось еще 18 заседаний гомельского бюро, посвященных вопросам о переводе краеведческой работы в губернном масштабе на новый уровень [16, л. 6]. Однако несмотря на усилия местных краеведов в начале 20-х гг. XX в. многие исторические материалы, которые хранились в учреждениях г. Гомеля и в пределах губернии, находились в необработанном, «сыром виде», и только немногие из них были опубликованы в отдельных изданиях. Губернское статистическое бюро подало в конце 1923 г. небольшую сводку о имеющихся материалах в специальном «Бюллетене». Также была опубликована еще одна работа под названием «Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства». Были составлены печатные отчеты Гомельского Губернского экономического совещания, изданные в 1923 г. В указанный период существовали в Гомельской губернии и другие научные учреждения и общества (названия их не указаны), сотрудники которых только накапливали материал. К числу их относилась и метеорологическая станция в Гомеле.

В указанный период в Гомеле действовало общество распространения естественно-исторических знаний и экологический кружок. Однако самым солидным учреждением в пределах губернии оставался Гомельский художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского. Историко-краеведческой работой в Гомеле занимались школьные учителя. Они помогали сотрудникам губбюро и музейным работникам, принимали участие в местных учительских конференциях, выступали с докладами. В этот период осуществлялся поиск подходящего помещения для работы краеведческого бюро [16, л. 7].

Следует признать вклад, который внесли и сотрудники секции по краеведческой работе в Гомеле – это сохранение культурно-исторического наследия памятников старины. Научно-исследовательская работа осуществлялась путем сбора подлинных образцов, физи-

чески исчезающих этнографических памятников, записок очевидцев событий, зарисовок и фотографирования различных объектов исторического значения.

Исследуя этнографическое наследие прошлого, работники секции краеведения пытались собирать материал как о прошлом родного края, записывая обычаи и обряды, так и о новом времени. Записям подлежали эмоциональные воспоминания людей о днях недавно прошедших революций и прочих событиях. Вместе с тем велась регистрация непосредственных памятников старины. Определялась сохранность и историко-культурное назначение жилых зданий и хозяйственных построек бывших барских владений. Сотрудниками бюро предпринимались действия по организации защиты от уничтожения историко-архитектурных памятников, которые становились достоянием народа [16, л. 8].

О порядке и способах осуществления намеченных работ бюро краеведения выработало план, на основании которого привлекались школьные учителя для исследовательской работы. Для этого необходимо было произвести рассылку программ и актов для рядовых школьных работников через органы отдела народного образования [16, л. 8].

О проделанной плановой работе сотрудники краеведческого бюро выступали с несколькими докладами научного содержания, которые могли бы послужить материалом для краеведческого сборника, но для его издания не хватало определенного количества средств [16, л. 8 об., 9]. На отдельном собрании, состоявшемся 27 мая 1925 г., товарищи Николаев и Баборыкин сделали доклады на тему «Характеристика западной области Гомельской губернии». Доклады были посвящены подведению итогов работы краеведческой конференции, которая состоялась в Смоленске в марте 1925 г. В одном из докладов К. М. Поликарпович сообщал о результатах археологических исследований в урочище Хатки близ Рудни Споницкой Ветковской волости: были продемонстрированы кремниевые орудия труда, найденные им в указанной местности. Как заявлял сам ученый кремниевые предметы и черепки керамической посуды были переданы на хранение в гомельский музей имени А. В. Луначарского.

В указанный период краеведческая работа в Гомеле имела продолжение и была отражена в трудах еще одного исследователя гомельских окрестностей Жарина (И. О. не указаны), который составил три плана с расположением курганов около местечка Чечерск. Эта работа

явилась результатом археологических раскопок в сентябре 1924 г. Кроме того, членами бюро были сделаны фотографические снимки в Гомеле и Чечерске; товарищем Жариным было выполнено 12 фотографических снимков с изображением исторических достопримечательностей.

Продолжая работу по выявлению интересных фактов из истории Гомеля, нами была обнаружена информация, которая заставила задуматься о ее научной значимости. В 1925 г. неким исследователем С. И. Желоховчевым была написана работа, посвященная истории Гомеля. Таким образом, возник вопрос, который пока остается открытым, кто такой С. И. Желоховчев и чему был посвящен его труд. Возможно, поиски в этом направлении смогут пролить свет на малоизученные страницы истории Гомеля [16, л. 9 об.].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что краеведческая работа в Гомеле и его окрестностях в начале 20-х гг. прошлого столетия имела организованный и плановый характер. Это прослеживается в ходе проведения систематических исследований по сбору и сохранению различных достопримечательностей старины и памятников культуры.

1.6. Партийная и агитационная работа представителями советской власти в Гомеле в 1919–1922 годы

Революция и начало новой эпохи разделили молодых людей: одни стремились получить образование в учебных заведениях, видя в этом свое будущее, а другие связывали свои интересы с интересами и идеологией нового общества, при этом, по их мнению, образование роли не играло. Главным их приоритетом в повседневных буднях были выступления на собраниях трудовых коллективов и вступление в ряды коммунистической партии. Подтверждением тому являются биографии двух молодых людей, составленные в 1921 г., которые с юных лет посвятили себя делу служения партии и народу. Один из них был сын крестьянина Ф. Ф. Ковалев, 1899 г. р. В его анкете в графе «образование» записано: «имеет низшее» образование, в рядах коммунистической партии состоял с 1920 г. Другой молодой человек Н. А. Волковицкий 1903 г. р. имел домашнее образование, член коммунистической партии с 1919 г., военное образование получил при Гомельском пролетарском батальоне [78, л. 7, 10, 10 об.].

Тому, кто мог вести агитационную работу среди солдат и широких слоев населения в Гомеле, есть документальное подтверждение: красноармеец Я. А. Любецкий 1901 г. р., служивший в 3 запасном батальоне 8-й стрелковой дивизии, имел образованием 4 класса городского технического училища. В свои 18 лет этот молодой человек уже успел принять участие в июльском выступлении большевиков в Петрограде. Из составленной на него анкеты в 1919 г. видно, что он способный большевик, умеющий проводить агитационную работу на митингах; «готов неограниченное количество времени уделять делу и нуждам партии, рекомендован для работы как надежный товарищ и дисциплинированный член РКП Большевиков» [77, л. 112].

В политпросвете работа велась специальными людьми из Губпарткома. Это видно из распоряжения секретаря Губкоммола, направленного в агитпросвет с просьбой прислать своего представителя на заседание политпросвета 2 ноября 1921 г. в 6 часов вечера в помещение Губкоммола по адресу: Гомель, ул. Ланге, 5. «Ввиду важности обсуждения политических вопросов явка была необходима» с пометкой-просьбой не опаздывать [72, л. 303].

К 20 июля 1919 г. ко Дню советской пропаганды партийные агитаторы выступали на разных митингах, где рассказывали людям о сущности советского государства, о путях строительства социализма, о военной защите и мобилизации всех средств для укрепления обороноспособности страны [82, л. 11]. На гомельском вокзале в бывшем зале 3-го класса помещение было приспособлено для митингов и концертов. На стенах были развешаны политические плакаты, агитаторы выступали с патриотическими докладами, из граммофонной трубы звучала музыка и лирика Демьяна Бедного. Красноармейцы, находящиеся в зале, были в приподнятом настроении, тут же в буфете всем желающим предлагали чай и хлеб. Гомельская парторганизация регулярно снабжала вокзальный агитпункт докладчиками [82, л. 14].

Утверждение жизненных принципов и идеалов новой власти претворялось в жизнь с помощью праздничных торжеств, приуроченных к очередным важным датам. Из документа, составленного в Губагитпросвете ко дню празднования 4-й годовщины Красной Армии 23 февраля 1922 г., видно, что в клубе XI кавалерийской дивизии, который располагался на углу улиц Советской и Крестьянской, готовился праздник. Эти же мероприятия были проведены в клубе Леккерта на улице Коммунаров, в клубе работников водного транспорта, а в гарнизонном клубе по улице Советской было проведено торжественное заседание Горсовета с участием представителей воинских частей

и рабочих организаций. На повестке дня стояли такие вопросы, как история Красной Армии и ее дальнейшие задачи. Докладчик товарищ Белоцкий выступил с докладом на тему: «Неделя достоинства красноармейца», далее было чествование героев войны и концертное отделение. На 12 часов дня в Гомеле был назначен военный парад на Конной площади с участием всех воинских частей, находящихся в городе, и членов профсоюза. В 19 часов во всех театрах и клубах выступали докладчики, освещая вопросы международного положения и задачи, которые стояли перед Красной Армией. После политических выступлений клубные актеры играли в маленьких спектаклях, звучали концерты и ставились инсценировки, в конце проходил киносеанс [72, л. 365].

Следует отметить, что партийная и агитационная работа имела цель укрепить новую идеологию в сознании граждан, веру в светлое будущее страны и народа.

Глава 2. ДВОРЦОВО-ПАРКОВАЯ КУЛЬТУРА, РАБОТА МУЗЕЕВ И КОММУНАЛЬНОГО ОТДЕЛА В ГОМЕЛЕ В 1919–1925 годы

2.1. Реставрационные работы дворца Паскевичей в Гомеле в 1919–1925 годы

После трагических событий, связанных со стрекопытовским мятежом в Гомеле 24–29 марта 1919 г., серьезно пострадало здание дворца Паскевичей. С восстановлением советской власти замок Паскевичей стали называть Гомельский народный замок.

О реставрации гомельского замка Паскевичей городские власти подняли вопрос в конце весны 1919 г. Из документов финансовой отчетности о движении кредитных средств видно, что 11 июня начала работу комиссия, задачей которой было установить степень нанесенного ущерба и сумму средств, необходимых для его восстановления. На предварительные работы было выделено 10 000 руб. На тот период это была совершенно незначительная сумма денег. Зарплата служащего Гомельского народного замка на 6 июня 1919 г. составляла 27 909 руб. [24, л. 18]. Информацию о необходимости проведения реставрационных работ мы обнаружили в документах временной комиссии по реставрации Гомельского народного замка [24, л. 1]. «Временная Комиссия по реставрации замка в составе И. А. Сербова, А. Егорова, Ю. Шульгина, В. Рохлина и архитектора А. Зайцева рассматривали служебные вопросы». Был избран президиум комиссии, в состав которой были включены: председателем комиссии – И. А. Сербов, секретарем – В. Рохлин, членом комиссии – А. Егоров.

По итогам заседания члены комиссии приняли решение немедленно приступить к обследованию разрушений средней части замка,

которая сгорела от зажигательного снаряда, выпущенного красноармейцами по восставшим стрелкопытовцам, засевшим в замке. При этом несчастье погибла значительная часть разных культурных ценностей из собраний князя Паскевича [22, л. 39]. Члены комиссии приняли решение составить акт обследования сгоревшей части замка, чтобы определить количество необходимых денежных средств и строительных материалов для реставрации замка. Возглавить эту работу было поручено инженеру-архитектору А. Зайцеву.

Акт обследования Гомельского народного замка от 15 июня 1919 г., составленный членами временной комиссии, свидетельствует о следующем. В процессе осмотра обнаружено, что от пожара, произошедшего 29 марта 1919 г., пострадала только средняя часть замка, которую можно было восстановить в прежнем виде. Установлено, что наружные повреждения замка совсем незначительные, за исключением крыши и верхней части здания. Крыша сгорела полностью, а верхняя часть стены настолько пострадала от огня, что ее необходимо было разобрать полностью [24, л. 5]. Повреждения внутри средней и центральной части замка распределялись неравномерно: были комнаты, в которых остались только одни голые стены, но были также комнаты, требовавшие незначительного ремонта. Исходя из этого члены комиссии решили ограничиться частичным ремонтом здания. Однако главной причиной, которая препятствовала началу ремонтно-реставрационных работ, было полное отсутствие на рынке строительных материалов [24, л. 6].

Из описи о нанесении ущерба замку вырисовывается следующая картина: на полу первого этажа из-за отсутствия крыши пострадал паркет. Значительная часть его покоробилась и отклеилась, но восстановить его возможно. Потолок первого этажа прогорел и провалился, но несмотря на это он подлежал восстановлению. Рамы и оконные переплеты первого этажа везде оказались целыми; разбито только пять оконных стекол. Дверей в комнатах первого этажа восемь, «филенки и часть дверной обвязки обгорела», дверные ручки полностью отсутствуют [24, л. 7]. В кабинете на первом этаже направо от входа паркет поврежден незначительно, потолок в этой комнате сохранился; необходимо было обновить только окраску [24, л. 8–9]. Стены в кабинете были оклеены красными обоями, которые частично оказались порванными. Восстановить обои нельзя, поскольку достать обойный материал такого цвета и качества невозможно. Стены вдоль лестничной клетки второго этажа на высоте «0,60 сажени» были от-

деланы деревянными панелями; над панелями стена с изображением герба Паскевича вышита синим бисером, герб Паскевича, как сказано в акте обследования, «сохранился в весьма незначительной части». Вся отделка стены по длине первого марша частично обгорела, восстановить испорченное было практически невозможно, так как достать на рынке такой же бисер не имелось возможности [24, л. 9]. Большая буфетная пострадала незначительно; пол, покрытый линолеумом, сохранился полностью. Из ремонтных работ тут было необходимо произвести штукатурку с перетиркой и побелкой всего потолка и стен. Малая буфетная комната и черный ход от пожара не пострадали, и ремонта не требовалось [24, л. 10]. В колонном зале перекрытия средней части купола сохранились полностью, необходимы их незначительные исправления. Чего нельзя сказать о паркете по всей части этого зала, он пострадал полностью и требовал большого ремонта [24, л. 11]. Балкон, расположенный над входом в вестибюле, подвергся частичному разрушению, потрескалась и обвалилась штукатурка арок и разрушились перила балкона. Однако пол на балконе был поврежден незначительно [1, л. 12].

Очень сильному разрушению подверглась красная гостиная, восстановить ее в прежнем виде не представлялось возможным. В таком же состоянии оказалась и столовая, в ней полностью отсутствовал потолок. Состояние пола из-за того, что он был завален остатками от пожара, восстановить было трудно, как сказано в акте обследования; надо полагать, что повреждения пола были весьма значительные. Со стен местами отвалилась штукатурка и виден голый кирпич. Тут же видны остатки «обивки стен кожей XVIII столетия», которая почти вся сгорела. На стене сохранились золотые рамки без холстов, сами картины либо выгорели, либо стали предметом чьих-то хищений. Дверей в столовой было три. Все они повреждены, оконные рамы выломаны, стекла выбиты. Восстановительные работы в этой комнате (штукатурка стен, потолка и ремонт пола) требуют большого объема средств и материалов [24, л. 13–14].

В большом зале потолок сгорел весь, паркетный пол уничтожен, средняя часть комнаты завалена обломками и строительным мусором, так что установить объем требующего ремонта пола трудно. А вот стены большого зала полностью сохранились. Дверей в этой комнате было четыре и все они требовали больших исправлений. Восстановление в прежнем виде затруднительно [24, л. 15]. В спальне потолок сгорел весь, пол имел сильные повреждения. Стены обгорели, штукатурка на них частично потрескалась, частично обвалилась. Колонны в

начале полукруглой части этой комнаты по две с каждой стороны получили повреждения в верхних частях. Дверей в спальне было четыре: две маленькие, третья – в уборную, четвертая – в шкаф. Ручек у дверей нет. Карнизы над дверями сильно повреждены. Камин угловой и зеркало над камином оказались разбиты. Рамы и оконные переплеты выбиты. Восстановить это помещение в прежнем виде было невозможно. Комиссия постановила, что пока в этой комнате можно только «устроить пол и потолок», оштукатурить стены и установить новые двери. На втором этаже уборная и ванная разрушены настолько, что остались лишь одни стены [24, л. 16].

В указанный период времени замок бывшего князя Паскевича стал достоянием народа и не являлся бесхозным помещением. Несмотря на все его разрушения, в нем находился штат сотрудников, о чем свидетельствуют документы. В ведомости за август 1919 г. заведующим замком и парком был Корилович Михаил Николаевич. В качестве помощника по охране ценностей числилась Кононова Наталия [29, л. 63 а]. На территории парка бывшего князя Паскевича в летний период 1919 г. работало двадцать человек: двое мужчин и восемнадцать женщин [29, л. 71]. В ведомости на уплату жалования за октябрь 1919 г. указаны фамилии его сотрудников. Это Маневич Исаак Аронович, заведующий замком и музеем; Долгов Михаил, смотритель замка; Дерлинк Стефан, служащий по охране ценностей; Якимович Эдуард, библиотекарь и конторщик; Богданов Залман, заводчик часов [29, л. 57]. В ведомости за декабрь 1919 г. Якимович Э. указан в должности письмоводителя; Кононова Н. – в должности служащей по охране ценностей. В этот период Купцов Иван указан в должности главного садовника парка, а Пашкевич Адам – помощника садовника [29, л. 106 а].

В отношении плана реставрации Дворца Паскевича и преобразования его в Дом пролетарской культуры с открытием в нем музея, студии, лаборатории, библиотеки и народных аудиторий была составлена смета на проведение ремонтных работ. Этот план и смета были представлены на утверждение Наркомпросу для предоставления кредитов, но в отчетном 1919 г. это ходатайство не получило удовлетворения [29, л. 43–43 об.]. Гражданская и начавшаяся советско-польская война препятствовали решению этого вопроса. Для восстановления будущего замка требовалось время.

Для скорейшего решения этих проблем весной 1920 г. заведующий Гомельским подотделом по охране памятников И. А. Сербов составил специальное обращение в Московский отдел по делам музеев

и охраны памятников искусства и старины, в котором он пишет, что еще в прошлом 1919 г. был составлен подробный план восстановительных работ с указанием всех необходимых материалов для реставрации замка. Однако к весне 1920 г. намеченные работы не были начаты. «И назначенный кредит не поступил и зияющая в историческом замке рана, которой так возмущались на месте председатель ВЦИК Калинин и нарком тов. А. В. Луначарский, по-прежнему остается не замеченной» [54, л. 29]. Тем временем цены на строительные материалы выросли в восемь, десять раз в сравнении с уже составленной сметой. На основании этого И. А. Сербов информирует представителей своего ведомства в Москве, что он уже обратился в Гомельский Губотнаробраз с просьбой срочно перевести кредит на сумму 10–15 млн руб., необходимых для ремонта замка. Однако эта просьба не была удовлетворена.

О начале и проведении ремонтно-восстановительных работ замка бывшего князя Паскевича видно из документов и смет в промежутке с 3 сентября 1923 по 30 января 1924 г. В Президиум Гомельского Губисполкома поступило отношение за № 574 от 03.09.1923 г., подписанное директором-распорядителем строительной организации «Полесстрой». В этом документе директор «Полесстроя» в лице товарища Никитина (И. О. не установлены) просит дать разрешение на установление ограждения вокруг здания замка в парке им. А. В. Луначарского с целью сохранения здания и очистке его разрушенной части от ненужного мусора и непригодных строительных материалов.

Ремонтные работы бывшего дворца Паскевичей начались только в 1923 г. Уже 7 сентября 1923 г. прорабу «Полесстроя» Седлерову (И. О. не указаны) поступило распоряжение № 620 за подписями директора Никитина, заведующего производственно-строительным отделом инженера Понова и управляющего делами Березовского (И. О. не указаны), где говорится, что прораб Седлеров должен немедленно произвести устройство ограждения вокруг замка и очистить его от строительных отходов [54, л. 1–2]. Очевидно, что проведение ремонтных работ замка стало настолько актуальным, что этим вопросом заинтересовались сотрудники ВЦСПС. Документ из этой организации поступил в гомельский Дом Союзов 10 сентября 1923 г., где упоминалась комиссия, требующая восстановления замка в парке им. А. В. Луначарского. Надо полагать, что заинтересованные в решении этого вопроса ответственные работники в Гомеле с началом установления мирной жизни стали обращаться в Москву и по линии профсоюзов последовал положительный ответ [54, л. 3]. Документы свидетельст-

вуют о том, что в этот же день управление «Полесстроя» направляет в Гомельский Губпрофсовет распоряжение в котором указана просьба директора Никитина о выдаче ему предписания на проведение ремонтных и восстановительных работ в замке бывшего князя Паскевича и аванса для выплаты рабочим, которые будут проводить восстановительные работы. Вся сумма аванса составила 50 червонцев золотом (или 500 руб. новыми советскими деньгами) [54, л. 4]. Однако в деле выдачи аванса произошла некая заминка, о чем свидетельствует уже иной документ от 29 сентября 1923 г., в котором указана фамилия уже другого директора «Полесстроя» товарища Алферова (И. О. не указана), который просит Губпрофсовет выдать аванс в пятьдесят червонцев, крайне необходимых для расплаты с рабочими [54, л. 6]. Эту сумму денег новый директор «Полесстроя» доверяет получить своему кассиру товарищу А. И. Конюху.

На основании имеющихся документов видно, что 23 октября 1923 г. директор «Полесстроя» обращается в Губпрофсовет, что в случае невыдачи ему аванса в 20 червонцев не позже 24 октября все работы по восстановлению замка будут прекращены. Поскольку «Полесстрой» выступил в роли подрядчика, то из средств этой организации были потрачены на ремонт значительные суммы денег, а новых перечислений со стороны заказчика пока не последовало. Кроме того, зарплата рабочим не выплачивалась уже более двух недель, поэтому дальнейшие расходы «Полесстрой» производить не может [54, л. 11]. При этом необходимо было принять во внимание, что надвигалась зима и требовались весьма интенсивные работы по восстановлению замка. Для продолжения работ «Полесстрою» необходим очередной аванс в размере 1000 червонцев. Далее администрация «Полесстроя» указывает на то, что затягивание восстановительных работ может привести к обрушению купола замка, что затем потребует дополнительных расходов. В связи с тем, что на протяжении последних четырех недель рабочие «Полесстроя» регулярно ходят за зарплатой, в начале ноября 1923 г. директор «Полесстроя» Алферов обращается в технический отдел Гупрофсовета с просьбой выдать хотя бы часть из обещанных средств в размере 5000 руб. золотом. Неполучение денег в срок поставит всех работников «Полесстроя» в крайне затруднительное положение, ведь это происходило в предпраздничные дни Октябрьской революции. Однако и такие существенные обстоятельства, как революционный праздник, не повлияли на решение вопроса по выплате денег. В документе от 13 ноября 1923 г. зав. техническим

отделом Никитин, он же совмещает должность директора-распорядителя, и главный бухгалтер товарищ Желтов в очередной раз обратились в Губпрофсовет с просьбой отпустить меньшую сумму аванса в размере 200 червонцев для работ по ремонту замка. Означенную сумму доверяют получить кассиру «Полесстроя» товарищу Косточко «факсимиле коего заверены [54, л. 10]. Но на этот раз работники Губпрофсовета, по-видимому, нашли деньги, и в документе от 20 ноября речь идет о наличии и закупке стройматериалов и инструментов. Тут в содержании документов «Полесстроя» появляется новое название: вместо бывшего замка князя Паскевича употреблено название Народный замок в парке имени А. В. Луначарского». В документе за подписью Никитина указано следующее: «Необходимо теперь составить расход материалов по замку и количество всех материалов, полученных для работ» [54, л. 14–15]. Достоверность фактов о проделанной работе по восстановлению замка подтверждает акт от 12.09.1923 г., содержание которого гласит о том, что «руководить всеми работами будет новый прораб О. Ф. Щекудов». Им были взяты на учет все строительные материалы и инструменты:

- «1. Кирпича 21 420 штук.
2. Песку 7,5 куба.
3. Бревен обрезных на 2 стороны:
 - а) 12 аршин по 7 вершков;
 - б) 12 аршин по 5 вершков;
 - в) 12 аршин по 4 вершка.
4. Бревен необтесанных:
 - а) 9 аршин по 4 вершка;
 - б) 6 аршин по 3 вершка;
 - в) 5 аршин по 3 вершка».

В перечне строительных материалов указаны необрезные бревна и доска для изготовления лесов по периметру фасада замка. Доски, бывшие в употреблении, привезли из театра имени Калинина, где также проводились ремонтные работы. Со слов старшего рабочего Зинкевича, на стройплощадку было доставлено «7 ½ бочки цемента, извести около 1500 пудов». Кроме этого из рабочего инвентаря на учет были взяты «два пуда гвоздей, шесть металлических ломов, одна поперечная пила, один замок навесной, 0,3 куба глины». Акт был составлен в двух экземплярах, подписан прорабом по ремонту замка, старшим рабочим и сторожем [54, л. 16]. Для проведения кровельных работ на крыше замка 22 ноября 1923 г. «Полесстрой» направил за-

прос в «Полессторг» для отпуска с завода «Красный Пахарь» железа углового 80 пудов, железа квадратного 10 пудов и железнодорожных рельс 8 сажень. «При отсутствии углового железа возможна его замена вагонеточными узкоколейными рельсами». Этот документ подписан новым директором «Полесстроя» Алферовым. Кроме подписи директора-распорядителя присутствуют также подписи коммерческого директора Ментленда и управляющего делами Глуйберзона (И. О. не установлены) [54, л. 17]. Руководство «Полесстроя» 26 ноября 1923 г. направляет в Губпрофсовет просьбу о назначении постоянного представителя товарища Алферова руководить работами по восстановлению замка, подписал этот документ управляющий делами «Полесстроя» Глуйберзон [54, л. 18].

Следует отметить, что медленный темп работы по восстановлению гомельского замка был обусловлен слабым финансированием со стороны вышестоящих инстанций. Исследование текущей документации и деловой переписки свидетельствует о постоянных напоминаниях и просьбах ответственных работников «Полесстроя» к руководству Губпрофсовета о необходимости перечисления денежных средств. Так, 27 ноября 1923 г. управление «Полесстроем» просит Гупрофсовет отпустить аванс в размере 15 червонцев для уплаты рабочим. Получить эту сумму было доверено прорабу О. Ф. Щекудову [5, л. 19]. Следующее обращение о выдаче денег на уплату аванса рабочим было сделано через неделю, 3 декабря. Получить сумму в размере 50 червонцев было доверено кассиру «Полесстроя» товарищу Косточко [54, л. 20]. Из содержания исполнительной сметы, составленной 20 декабря 1923 г., видно, что «Полесстрой» обратился в Губпрофсовет с просьбой выплатить 11720 рублей золотом. Из этой суммы 7506 рублей выплачено «за исполнительные работы», а 4214 рублей золотом было израсходовано на заготовку строительных материалов. При этом часть материалов была приобретена за счет собственных средств «Полесстроя». Всего от Губпрофсовета было получено 5150 рублей золотом. Подписан документ директором-распорядителем Алферовым [54, л. 21].

В декабре 1923 г. по оценке руководителей ремонтно-восстановительными работами бывшего дворца Паскевичей говорилось, что здание вследствие причиненных ему разрушений требует немедленного ремонта. Первостепенной работой должно стать устройство стропил и сооружение крыши для предупреждения от дальнейшего разрушения центральной части здания дворца. Эти работы требуют немедленного исполнения, иначе от воздействия мороза в дальней-

шем может произойти обвал не только купольного перекрытия, но и сводов и подпружных арок, на которых он основан, то же может произойти и с другими сводами и частями здания. Проект перекрытия купола и центральной части здания дворца детально разработан, и стоимость этих работ с материалом составляла на тот момент приблизительно 7500 червонных рублей. В состав специальной комиссии, сформированной для разработки проекта, входили следующие лица: председатель ГСПС товарища Акимов (И. О. не указаны), директор-распорядитель «Полесстроя» товарищ Алферов, инженеры товарищи Гольдштейн и Курилов, гражданский инженер товарищ С. Д. Шабуневский. Им же вместе с прорабом О. Ф. Щекудовым был подписан проект будущих работ [54, л. 30 об.].

О проведении нового этапа восстановительных работ известно следующее. 12 января 1924 г. был сложен из кирпича главный карниз на высоте шести сажаней над комнатами № 13 и 16, где толщина стены составляла шесть кирпичей [54, л. 24]. Исходя из описи, израсходовали следующие стройматериалы: «кирпич старый, бревна, доски, гвоздей 6 пудов, цемент, песок, вода в бочках, разное железо, смола» [54, л. 28].

Среди архивных документов, имеющих отношение к восстановлению, как тогда говорили гомельчане, «рабочего дворца в парке имени А. В. Луначарского», была выявлена докладная записка, составленная в 1923 г. уже гражданским инженером О. Ф. Щекудовым. Содержание ее следующее: 1) все здание очищено от мусора, обломков и обгоревших концов потолочных балок, оставшихся в гнездах стен; 2) часть кирпичных стен, угрожавших падением, разобрана и часть их возведена заново в объеме 50,24 кв. сажени; 3) установлены новые потолочные балки разной длины и толщины; 4) устроены наружные леса для проведения работ по восстановлению главного карниза второго этажа; 5) для дальнейшего проведения ремонтных работ частично заготовлены строительные материалы, такие как кирпич, известь, сортовое железо в количестве 325 пудов и различные лесоматериалы. Стоимость произведенных работ на указанный период была выражена в сумме 7880 руб. 09 коп. а заготовленных материалов – в сумме 4214 руб. 28 коп. «в червонном исчислении» [54, л. 30].

Из последних выявленных документов, касающихся деятельности «Полесстроя» в качестве подрядчика по проведению восстановительных работ дворца Паскевичей, в нашем распоряжении оказалась смета расходов от 29 января 1924 г., где сказано, что «на произведенные работы и заготовительные материалы необходимо 12.094 рубля

97 коп. золотом». «Полесстрой» просит Губпрофсовет произвести с ними окончательный расчет за вычетом получения аванса. Подписи на этом документе поставили директор-распорядитель «Полесстроя» Никитин (в этой должности недавно), заведующий техническим отделом С. Д. Шабуневский, управляющий делами Березовский [54, л. 52].

Следует отметить, что работы по восстановлению дворца Паскевичей продолжались и в 1925 г. Составленные описи к чертежам дают информацию о том, что вначале восстановительных работ 1925 г. необходимо было осуществить перекладку стен третьего этажа с ремонтом разрушенной внутренней стены первого и второго этажей и заделку дверей комнат № 4 и 16 со стороны Киевского спуска. На другом чертеже было указано на необходимость перекладки и облицовки ветхих стен внутренней стены первого и второго этажей между комнатами № 14 и 16, 15, вестибюля и наружной стены третьего этажа, вид со стороны города. В капитальном ремонте нуждались ветхие стены внутренних комнат со стороны обгоревшей башни и со стороны реки Сож. В серьезном ремонте нуждался главный карниз, где была разрушена старая кирпичная кладка второго этажа. В этом описании к имеющемуся чертежу стоит пометка «с укладкой железной арматуры для спуска карниза и облицовки местами ветхой стены под главным карнизом» [54, л. 1–4, 7]. Фактов о завершении ремонта дворца в 1925 г. пока не выявлено, по этой проблеме необходимо проводить дополнительные исследования архивных материалов.

2.2. Из истории Народного парка имени А. В. Луначарского в Гомеле в 1921–1923 годы

В начале 1921 г. организация управления и текущие ремонтные работы в Гомельском народном парке имени А. В. Луначарского проходили в сложных условиях. Это проявилось в недостатке продуктов питания, топлива и всего самого необходимого, включая бумагу для ведения текущего делопроизводства. Для составления документов использовались даже бланки квитанций бывшей владелицы парка княгини И. Паскевич. Один из них датирован 5 ноября 1912 г. Текст его плохо сохранился, но можно прочитать: «Квитанция № 109. 1912 ноября 5 дня получено в Гомельском имении Княгини Паскевич в ... учат., дача... Квитанция № 12» (документ написан карандашом, неразборчивый почерк) [61, л. 12 об.]. По причине недостатка бумаги у работников парка сохранился еще один интересный документ

от 15 июня 1915 года, составленный на печатном бланке, текст его дословно такой: «Господину заведующему Гомельской телефонной сетью от Главного агента Петроградского общества страхований Ш. Х. Лившица. Заявление Прошу установить в контору мою, находящейся по улице Барона Нолькена, дом М. М. Хорошунова, телефонный аппарат и соединить его с городской телефонной сетью, обозначенных в списке абонентов. Контора Петроградского общества страхований и квартира главного агента Ш. Х. Лившица. При чем обязуюсь подчиняться известным правилам и условиям пользования телефонной сетью, включая ответственность за порчу и утрату телефонных частей. Причитающихся Вам абонентную плату с 15 июня 1915 г. по 1 января 1916 г. в размере 26 руб. 81 коп. при сем прилагаю. Подпись Лившиц». На этом письме наклеены три почтовые марки с изображением короны по цене 75, 15, 10 коп. [62, л. 9 об.].

Руководство парком и все работники находились в подчинении Гомельского Губсовхоза [64, л. 116]. Заведовал парком, как известно, 2 января 1921 г. И. П. Купцев [67, л. 3]. Среди документов административной и хозяйственной отчетности за март 1921 г. мы выявили сведения о том, что заведующий парком направил в Гомельский Губсовхоз заявление с просьбой назначить вместо себя нового заведующего с передачей ему всех дел и числящегося за ним инвентаря. О себе этот гражданин заявляет, что он является литовским подданным и желает уехать в Литву «приблизительно в первой половине апреля месяца сего 1921 г. Желая свои знания и труд использовать для своей Родины» [64, л. 40]. Однако, как видно далее, И. П. Купцев в начале апреля не выехал из Гомеля. В очередном обращении от 25 апреля 1921 г. к городским властям, он просит отпустить с центрального склада две деревянные кадки, железо и шины для рабочей повозки [64, л. 43]. В обращении к руководству Губсовхоза И. П. Купцев информирует представителей вышестоящей организации о том, что на место помощника заведующего парком он видит В. П. Пашкевича, в штат работников парка был назначен товарищ И. П. Петров [64, л. 48]. Уже в исходящих документах от 18 апреля 1921 г. указана фамилия нового заведующего парком, которым стал Н. В. Мачульский [61, л. 6]. Вступив в должность, он оставил в Губсовхозе следующее сообщение: «В силу весеннего роста трав и растений парк им. А. В. Луначарского требует немедленной очистки, а потому прошу назначить рабочих для уборки такового, ибо когда трава поднимется на букет, возможности произвести такую работу будет невозможно» [64, л. 56]. Кем мог быть товарищ Н. В. Мачульский, пока никаких сведений нет, но сохрани-

лась его подпись на одном из документов паркового делопроизводства: «Мачульский». Графологический анализ подписи подтверждает, что человек, который ее ставил, за свою жизнь привык писать «старорежимной» каллиграфией, а значит предположительно он мог быть представителем старой интеллигенции [64, л. 84].

Среди документов парковой администрации от 11 мая 1921 г. упомянута баня водного транспорта, которая находилась на берегу реки Сож (точное место не указано) [65, л. 15]. Возле бани находился сарай, покрытый гонтовой крышей. В сарае на хранении стояла одна лодка, как сказано в документе от 29 августа 1921 г., «достаточно разбитая» [60, л. 23–23 об.]. Среди других документов 1921 г. выявлена информация, что на территории парка имени А. В. Луначарского в указанный год находилось здание консерватории [7, л. 23 об.].

В следующем документе от 5 мая 1921 г. заведующий народным парком Н. В. Мачульский составил обращение в Гомельское городское комендантское управление, где он указывает, что на территорию парка совершаются «большие набеги собак со всех концов города, которые принесли много вреда», были вытоптаны и примяты газоны, травники и цветочные клумбы. «Прошу прислать красноармейцев для истребления собак, а также выдать мне личное оружие и разрешение на него» [64, л. 74]. Очевидно, эта просьба не была учтена, и 8 августа 1921 г. заведующий парком пишет обращение в Губсовхоз принять меры по истреблению собак, «от которых нет никакой возможности пройти по парку, были не однократные случаи нападения на людей местных жителей, а также гуляющую публику» [64, л. 134]. Из обращения заведующего народным парком в Гомельский Губсовхоз от 17 июня 1921 г. мы узнаем, что напротив замка Паскевича был колодец, откуда брали воду для полива лимонных и других растений. Для удобства выполнения этих работ заведующий указывает на необходимость установить водопроводный кран, а пока на текущий момент выдать два ведра и 4 сажени веревки толщиной 1 дюйм [64, л. 34]. Через неделю 23 июня 1921 г. из Губсовхоза поступает распоряжение заведующему парком о необходимости восстановить изгородь, которая отделяла бы площадку и музей от остальной части парка. Материалы для выполнения этих работ «должны быть представлены музеем, для чего нужно было войти в соглашение с товарищем Маневичем» [66, л. 3 об.].

Содержание документов, их язык изложения красноречиво описывают, какой вал повседневных забот обрушивался на администрацию и

работников парка. В очередном заявлении в Губсовхоз от 23 августа 1921 г. заведующий парком просит «выделить лошадь для ежедневной работы в парке им. А. В. Луначарского, потому что губснабзему с тех пор ни один раз нельзя было получить лошадь». А без лошади при больших объемах работ хозяйству парка обходиться очень трудно [64, л. 137]. На другой день заведующий парком составил еще одно обращение в Губсовхоз с просьбой о недопущении выгула лошадей частных лиц на территории парка, которые числятся в Губземоделе, «вследствие чего засоряются дорожки парка лошадиным навозом, а потому приходится ставить людей ежедневно для чистки таковых, что на это скажет Губсовхоз» [64, л. 138]. В ответ Губсовхоз от 27 августа 1921 г. выступает с предложением запретить ездить на лошадях по территории парка имени А. В. Луначарского, так как проводить ежедневную уборку навоза из-за отсутствия рабочих некому [66, л. 5 об.].

Военная разруха создала тяжелые условия для жизни многих людей и их отношения к окружающей среде. Об этом сообщает заведующий парком в Гомельский Губсовхоз 26 августа 1921 г. Он просит принять меры против бесчинства со стороны детей, которых учителя приводят на площадки для отдыха. Дети рвут и вытаптывают траву и всякую зелень, ломают сучья и верхушки кустарников и малых деревьев и даже сдирают кору с березок и каштанов. Заведующий просит принять результативные меры, чтобы положить конец подобному рода беспорядкам. На данном заявлении кроме заведующего свою подпись поставил и сторож зимнего сада [64, л. 147].

С началом осени 1921 г. начались поломки на водокачке парка. 8 ноября заведующий парком обратился в отдел металлов третьего советского завода, ранее принадлежащего владельцу Фрумину, предоставить калькуляцию о ремонтных работах, которые проводились на водокачке парка. Вся сумма на ремонт оборудования составила 1 088 000 руб. [64, л. 165].

На основании ограниченного количества документов и отсутствия порядка при их составлении мы не можем точно сказать, до какого времени Н. В. Мачульский был заведующим парка имени А. В. Луначарского. Известно, что 29 августа 1921 г. его фамилия упоминалась в текущих документах как заведующего парком [60, л. 23]. Но уже в документах, составленных 3 и 5 декабря 1921 г., указана другая фамилия заведующего, им значится К. Г. Стуцкий [62, л. 4], [67, л. 3].

В конце 1921 г. новый заведующий парком К. Г. Стуцкий составил смету хозяйственного учета всего, что находилось на территории парка. Парк расположен на Пролетарской улице и занимает около

40 десятин земли [63, л. 58]. Тут следует отметить тот факт, что в 1921 г. улица Пролетарская в документах фигурировала под старым названием – Фельдмаршальская [64, л. 108]. На территории парка имелись следующие постройки: каменный дом, где размещалось радио; водокачка; одна комната в каменном доме, принадлежащем ранее домовладельцу Губенабзону; два домика возле ворот, служившие помещением для сторожей; зимний сад; восемь корпусов оранжерей, разбитых по двенадцать отделений; дощатый сарай; кладовая; восемь разнообразных беседок и 80 парниковых рам [63, л. 58].

На одном из документов, датированных 1921 г., указан дом для рабочих и служащих парка имени А. В. Луначарского, который находился у ворот парка, но не сказано у каких [64, л. 86]. Подсказка на этот вопрос была найдена при исследовании очередной группы документов. Так, администрацией Гомельского Губсовхоза было дано распоряжение от 27.10.1921 за № 1633/5855 «очистить квартиру, назначенную рабочему Лысикову Федору». Указано место нахождения дома, где проживал этот гражданин. Дом находился у ворот со стороны улицы Князя Паскевича. Очевидно, это был дом для работников парка, поскольку среди его жильцов упомянут сторож парка Самуил Владимцев [60, л. 147], [64, л. 173].

Представители парковой администрации указывали на то, что до первой мировой войны в 1914–1918 гг. в парке произрастали старинные и редкие растения. Гомельский парк не уступал знаменитым паркам в России, «но в данный момент, т. е. в 1921 г. парк, как и его постройки и оранжереи, запущен до неузнаваемости из-за равнодушного отношения лиц, которые им управляли» [63, л. 58]. Беспорядок на территории парка существовал из-за отсутствия дисциплины у людей, которые в нем гуляли: «гуляющая публика, дети и т. п., не признающих дисциплины, любви к природе и уважения к человеческому труду».

Далее заведующий парком К. Г. Стуцкий описывает на восьми страницах, сколько и чего надо для восстановления парка, чтобы придать ему первоначальный вид. К. Г. Стуцкий предлагает городским властям отдать парк на один сезон в аренду кому-либо из частных лиц, чтобы арендатор соблюдал порядок в парке [63, л. 62 об.]. К. Г. Стуцкий предложил убрать с территории парка здание радиостанции, поскольку постоянные ее посетители не дают возможности контролировать парк. Неуместна также на территории парка и баня водного транспорта, помещением для которой явилась бывшая прачечная. Было предложено парк от реки огородить, если баня будет оставлена, чтобы посетители бани заходили в парк и выходили из него

со стороны реки. Также предлагалось на будущее установить известные всем горожанам дни в неделю для посещения парка публикой. Вход в парк сделать платный по билетам и по приемлемой цене [63, л. 62 об., 63].

Послевоенная разруха принесла неисчислимы бедствия гражданскому населению: голод, эпидемии и массовая нищета наблюдались повсюду. Это пагубно отражалось на всех сферах жизнедеятельности советского общества. При отсутствии средств к существованию из-за невыплат зарплат работники гомельского парка находились в крайне затруднительном положении, что отражалось на качестве работы по благоустройству и созданию комфортных условий для отдыха горожан. По этому факту документы сообщают нам, что в начале 1921 г. положение с рабочей силой оставалось настолько сложным, что 28 января заведующий парком обращается в Гомельский Губсовхоз с просьбой выдать аванс для того, чтобы нанять временных работников для пересадки цветов в оранжерею парка [65, л. 11]. Заведующий парком просит в Губсовхозе обеспечить нанятых людей рабочим инструментом: «Прошу отпустить для рабочих парка садовых ножниц 4 шт., ножниц секаторов 4 шт., топоров взамен испорченных 4 шт., пилок ручных 2 шт.» [64, л. 5]. Однако голодные люди оказались не в состоянии работать, и 12 февраля того же года заведующий парком ставит в известность руководство Гомельского Губсовхоза, что нанятые рабочие не получили пайка за январь 1921 г. и поэтому отказываются работать: «Прошу принять меры по этому случаю, заставить их приступить к работе ибо в противном случае при настоящих морозах оранжереи без отопления за одни сутки могут замерзнуть» [64, л. 18]. Прошло несколько дней и уже 18 февраля заведующий парком вновь сообщает своему руководству, что рабочий С. С. Соболев и женщины-работницы своего пайка так и не получили. И только одному рабочему парка Губземотдел распорядился выдать пайек 23 февраля 1921 г., чтобы он вернулся на работу [66, л. 2 об.]. К сожалению, мы не располагаем больше никакими сведениями, был ли решен этот жизненно важный вопрос, но как свидетельствует следующий документ, конец зимы и начало весны 1921 г. прошло как время острой нужды рабочих парка при полном отсутствии всего самого необходимого. В заявлении заведующего парком в Гомельский Губсовхоз от 7 июня 1921 г. мы читаем следующее: «все рабочие беспокоятся своими недоеданиями, где мануфактура, крупа, обувь, мыло и проф. одежда. Мы не будем работать, а потому прошу Губсовхоз

поставить меня в известность чем руководствоваться в подобной ситуации» [64, л. 100]. Есть информация, что в декабре 1921 г. сотрудники парковой администрации и рабочие получили согласно ведомости продукты питания. Распределение продуктов определялось, исходя из состава семьи работающего, в ведомости были указаны жена и количество детей. Продуктовый паек включал такие продукты как мука, картофель, крупа, овощи, мясо и сало. Все названные продукты поступали из прудковского Губсовхоза [66, л. 12].

И только в марте 1922 г. рабочие и служащие парка имени А. В. Луначарского получают зарплату в виде наличных денег. Так, после всех удержаний заведующий парком К. Г. Стуцкий чистыми на руки получил 6 073 000 руб., садовник Пашкевич 4 582 480 руб., старший рабочий С. С. Владимцев получил 3 121 860 руб. Зарплата остальных восьмерых рабочих составляла от 2 285 930 до 2 728 320 руб. [67, л. 50–51].

Среди обширного материала первоисточников нам удалось выявить несколько документов, свидетельствующих о приеме на работу и освобождении от своих обязанностей рабочих парка. Причины ухода, как и основания приема на работу, остаются непонятными, но из скурых записей в виде обращений заведующего парком в Губсовхоз и заявлений нанимателей вырисовывается следующая картина. В 1921 г. 19 марта заведующий Народным парком имени А. В. Луначарского составил заявление в Губсовхоз о том, что рабочий парка И. С. Мойсеенко с 1-го марта не является на работу. По сведениям от других работников стало известно, что он не желает являться на работу по причине, вероятно, того, что И. С. Мойсеенко проживал на тот момент в деревне Прибытки Носовической волости, а в Гомеле ему просто негде жить [64, л. 39]. Замена этого работника была произведена уже к 1 мая 1921 г. На должность рабочего парка был принят Головатов Алексей Иванович, «одинокий, от роду 16 лет проживающий по адресу: ул. Свердлова, дом № 10» [64, л. 72]. Среди работников парка указан садовник Петров Иван Петрович, возраст и место жительства необозначено [64, л. 73]. В начале декабря 1921 г. в документах перечислены следующие должности парковых работников: «садовник, машинист и его помощник на водокачке, рабочие по территории, плотник и два сторожа. На должности заведующего находился тов. К. Г. Стуцкий» [63, л. 8].

Мы не можем утверждать, как парк был укомплектован работниками в зимний период 1921–1922 гг. Однако нам известны факты о сокращении штатов рабочих к 1 апреля 1922 г. Из выписки приказа № 26

по Гомельскому Губернскому Земельному Управлению от 1 июня 1922 г. § 6 по парку имени А. В. Луначарского сказано: «а) увольняется от службы с 1 апреля за сокращением штатов рабочие Гомельский, Лысики, Кивунова и С. С. Владимцева; б) по личной просьбе увольняется от службы рабочая Ненченко. Основание: постановление коллегии Губземуправления от 31 марта 1922 года» [62, л. 16].

Наступившая зима 1920–1921 гг. не только застала врасплох администрацию и работников парка, но вынудила их прилагать подчас титанические усилия по спасению всей экзотической растительности, которая там произрастала. В декабре 1920 г. руководство парком отправило в Губсовхоз запрос о необходимости ремонта теплиц и оранжерей «а то все рухнет и погибнет с большим трудом сберегаемое, а это пальмы, лимоны и декоративные растения» [64, л. 34]. Из акта № 6 от 2 января 1921 г. мы видим, что была создана комиссия в составе ответственных работников во главе с заведующим парком И. П. Купцевым. Комиссия приняла решение просить Губсовхоз прислать две железные печи с трубами для отопления оранжереи парка [65, л. 6]. Тем временем уже 3 января 1921 г. заведующий парком пишет в Губсовхоз: «Прошу позаботиться о доставке дров в оранжерею парка, доставленные дрова в недостаточном количестве уже использованы и доставка почему-то прекращена» [64, л. 1]. О количестве всех теплиц и оранжерей парка нам сегодня трудно судить, однако из некоторых документов и фактов того времени мы видим, что их было несколько. Из содержания документа хозяйственной отчетности по управлению парком видно, что 5 января 1921 г. администрация просит Губсовхоз отдать две железные печки для обогрева большой теплицы [66, л. 2].

А 27 января 1921 г. администрация парка просит разрешения в Губсовхозе купить спички из средств имеющегося аванса [66, л. 2]. В начале февраля 1921 г. Губсовхоз предлагает управлению парка сообщить, сколько поступило дров для оранжереи и водокачки за период 1920 г. [66, л. 2].

Забота о растениях требовала и обновления емкостей для их посадки. Для изготовления новых кадок 15 февраля 1921 г. был приглашен бондарный мастер товарищ Яковлев (И. О. не указаны), который согласился «принять на себя труд» по изготовлению дубовых кадок для пересадки пальм и декоративных растений: 65 штук по цене 10 000 руб., 55 штук по цене 15 000 руб., 40 штук по цене 20 000 руб., 10 штук по цене 25 000 руб. [64, л. 17]. Этот заказ администрация

парка представила в Губсовхоз с просьбой разрешить бондарю Яковлеву, проживающему по Безымянной улице, изготовить 193 дубовых кадок для пересадки пальм и больших декоративных цветов в оранжереях парка [64, л. 3]. К этой просьбе приложена записка о выделении средств для приобретения семян к посеву цветов гвоздики и газонной травы [64, л. 16].

Недостаток дров, спичек, кормов для лошади негативно сказался на общем состоянии парка. Заведующий парком на тот момент И. П. Купцев, обращаясь в Губсовхоз 9 и 25 января 1921 г., просит десять коробок спичек для оранжереи и 20 пудов сена для лошади, которую используют в парковом хозяйстве [63, л. 23], [64, л. 5]. С началом весны в марте 1921 г. в парке участились случаи хищения кустов возле замка Паскевича. По этому поводу заведующий парком обращается в Губнаробраз с просьбой принять меры об охране посадок кустов от хищения их гражданами [64, л. 37].

Очевидно, ситуация с обеспечением и организацией порядка в парке оказалась настолько ужасной, что 3 марта 1921 г. заведующий парком направил письменное уведомление в Москву в Наркомзем. Из содержания этого обращения видно, что заведующий просит предложить Гомельскому Губсовхозу позаботиться о благоустройстве парка: «до настоящего времени он находился в полном запустении, пальмы и цветы нет возможности пересадить вследствие отсутствия посуды. Парк со стороны реки не огорожен, проникает всякого рода скот и нежелательные элементы, портящие статуи, а сторожей в парке нет совсем. Все здания оранжереи в разрушенном виде и нуждаются в капитальном ремонте. В настоящее время никто об этом не заботится. Смета ремонтов и нужд парка представлены» [64, л. 34]. Вот в таком состоянии оказался некогда великолепный парк Паскевича. Мы не знаем, какой был ответ на это обращение в высшую инстанцию страны.

Коммунальный отдел Гомеля просит 23 марта 1921 г. администрацию парка отпустить пять возов зелени для венков к возложению их на могилу коммунаров [66, л. 3]. А 30 марта Губпрофсовет просит отпустить еще пять возов зелени для декорирования театра имени Калинина [66, л. 2 об.]. В отношении обеспечения парка рабочими произошли некоторые изменения. Уже 27 марта 1921 г. из Губсовхоза последовало предложение направить в парк на работу специалиста по огородничеству и садоводству тов. Петрова Ивана и назначить его старшим садовником [66, л. 2 об.]. Заведующий парком Н. В. Магульский 19 апреля 1921 г. просит Губсовхоз «назначить человека к лоша-

ди парка А. В. Луначарского, так как мусор и нечистоты собралось множество, а за неимением людей невозможно таковой выполнить» [64, л. 57]. Как видно из следующего документа, в апреле 1921 г. рабочие парка не имели специальной одежды и обуви. В своих обращениях к руководству служащие и рабочие парка постоянно просят удовлетворить их просьбы, даже мыло приходилось получать через обращение в Губсовхоз. «Прошу отпустить 14 фунтов мыла служащим и рабочим парка им. А. В. Луначарского для мойки рук», – пишет в своем обращении заведующий парком [64, л. 65].

В апреле 1921 г. заведующий парком товарищ Н. В. Магульский обращается в Губсовхоз с просьбой о необходимости вывесить по всему парку плакаты с обращением к посетителям ходить по дорожкам, не ломать кусты и деревья, не рвать цветы, не вытаптывать клумбы и газоны: воспрещаются всякий отдых и логовища на травниках. Предлагается пригласить охрану для сбережения парка и соблюдения вышеуказанного порядка. Эти объявления были вывешаны на главных воротах и на видных местах в парке, с предостережением, что «все нарушители будут арестованы и привлечены к принудительным работам» [64, л. 66–66 об.]. Еще одним распоряжением Н. В. Магульского было требование закрывать все ворота парка на ночь, чтобы на его территорию никто не проникал. Необходимо было поставить заградительный забор со стороны реки Сож, строительство его началось от водокачки парка и закончилось в конце зимнего сада с возведением каменной стены, чтобы туда не проникали разного рода злоумышленники и домашние животные [64, л. 66 об.]. Следующим действием Н. В. Магульского было его обращение в Губсовхоз 17 июня 1921 г. с намерением установить на территории парка скамейки для отдыхающих. И это в то время, когда не было самого элементарного, даже бумаги. Особенностью еще одного документа, составленного парковой администрацией, было то, что он оказался написан на бланке под названием «Табель поденных рабочих». Суть документа следующая: «в парке отсутствуют лавочки для сидения публики, а потому таковая вынуждена сидеть во время гуляния на бортах дорожек или же валяются по траве. Необходимо затребовать в горкомтруде людей для восстановления таковых и добавления новых и также материал для восстановления и установки 20 лавочек, требуется 10 штук досок длиной 9 аршин толщиной 1 вершок, гвоздей 5-дюймовых из расчета 4 гвоздя на одну лавочку длиной 9 аршин» [64, л. 104].

Поставка топлива и очевидно полуфабрикатов деревообработки осуществлялась из Шабринского участка Романовской дачи гражданином села Романовичи Семеновым Осипом Григорьевичем. Он привозил дрова 23 апреля 1921 г. на водокачку парка, а приемщиком выступал машинист водокачки [65, л. 14]. В апреле 1921 г. всеобщая нужда заставляла работников парка даже ремонтировать прохудившиеся лейки для полива цветов в оранжерее парка [64, л. 63].

Недостаток дров все-таки негативно отразился на жизни тепличных растений. Как видно из документа, составленного в мае 1921 г. сторожем зимнего сада С. С. Владимцевым, в зимний период замерзли и погибли многие растения по причине отсутствия отопления. В специальном заявлении перечислены тропические пальмы, финики, Латании (как в документе). Комиссия во главе с заведующим парком осмотрела вышеназванные растения и нашла, что одна Латания барбоника, составляющая гордость настоящего сада, погибла окончательно, другая «замирает» и спасти ее невозможно, погибло и четыре финика. Все эти растения пришлось выбросить «по причине их гибели». Было отмечено, что вышеуказанные растения могли зимовать только при условиях, когда температура в помещении была хотя бы 12 градусов. На протяжении всей зимы такой температуры в теплице не было. Зимой из-за отсутствия топлива были случаи, когда температура в теплице опускалась к нулю [65, л. 16], но благодаря кропотливому труду садовника и жесткой экономии дров многие растения в теплицах и оранжереях все же выжили и 17 июня 1921 г. заведующий парком приобретает два пуда селитры и по одному пуду ционамитру калия (как в документе) и суперфосфата для удобрения растений оранжереи [66, л. 3 об.]. Началось остекление теплиц, после того, как 21 сентября 1921 г. было доставлено три ящика стекла. Однако куски стекла в ящиках оказались слишком мелкими, от чего помощник заведующего парком товарищ Пашкевич пришел в негодование. Переплеты тепличных рам были закрыты кусковым стеклом [60, л. 25].

Ближе к весне 1922 г. заведующий парком К. Г. Стуцкий делал письменный запрос в Губсовхоз на выдачу зарплаты работников парка от заведующего до сторожа. Также указан перечень сортов семян цветов для посева в парке весной 1922 г. [67, л. 3, 7, 11, 19, 39, 50–51]. Несмотря на всю сложность эпохи восстановления разрушенного войной хозяйства и послевоенной неразберихи в экономике, при остром недостатке продуктов питания руководство органов советской власти в Гомеле нашло средства для покупки большого количества

семян цветов для посадки их в парковых клумбах и цветниках. В акте от 23 марта 1922 г. перечислено 19 сортов цветов. Семена «Астры махровые, Антигринум, Бальзомини розовидные махровые, Гвоздика китайская, Левкой английский, Матиола бикарнис, Пиретрум партенифакум, флоксы, Петуния, Никонтиана аффинская Розеда, Цинии махровые» и другие сорта, всего на сумму 24 450 000 руб. (все названия цветов приведены с точностью, как указано в источнике) [67, л. 39].

Зимой 1922 года, дела с отоплением теплиц пошли лучше. Из расписки от 31 января 1922 г. видно, что за распиловку 9,5 кубических саженой дров заведующий парком К. Г. Стуцкий заплатил 1 900 000 руб. [67, л. 11]. Хотя перебои с топливом продолжались на протяжении всей зимы 1922 г. [63, л. 31], К. Г. Стуцкому пришлось нанимать печника Х. Калашникова в присутствии счетовода Г. Ф. Толстых и рабочего Владынцева. Был составлен договор от 11 февраля 1922 г., что печник Х. Калашников выполнит «ремонт калиферной» (как в документе) печи и почистит дымоходы труб в здании зимнего сада. Стоимость всех работ определялась как сдельно-договорная – 1 500 000 руб. [67, л. 19].

С началом теплых дней 8 мая 1922 г. на летнюю площадку главного здания «музея имени А. В. Луначарского» (как в документе) были выставлены в деревянных кадках деревья лимона и мандарина к всеобщему обозрению гуляющей публики [61, л. 12].

Одним из важных мероприятий в парке имени А. В. Луначарского было снятие памятника Понятовскому. Это событие достаточно известное в истории Гомеля. Однако из-за ликвидации памятника растительности парка был причинен значительный ущерб. Решать вопросы по устранению последствий пришлось заведующему парком К. Г. Стуцкому, что видно из его обращения от 18 февраля 1922 г. в городскую комиссию Губсовета по демонтажу этого памятника. «За вырубленные Вами при прокладке дороги для вывоза памятника 22 деревьев и кустов прошу уплатить 20 000 рублей» [63, л. 38]. Дополнением к этому обращению явилось коллективное послание сотрудников парка в комиссию по снятию памятника 24 февраля 1922 г., следующего содержания: «Мы нижеподписавшиеся: заведующий парком им. А. В. Луначарского К. Г. Стуцкий, садовник А. П. Пашкевич и счетовод Г. Ф. Толстых в присутствии понятого И. П. Купцева, составили настоящий акт в том, что сего числа смешанной русско-польской комиссией по снятию памятника Понятовского для вывоза такового на станцию вырублены мешавшие им следующие деревья и

кусты: четыре клена, три акации, восемь сирени, четыре евонимуса и три барбариса – всего двадцать две штуки. Работы при посадке новых деревьев составили всего в сумме 22 рубля, считая по курсу рубля довоенного времени. Настоящий акт составлен в трех экземплярах, подписи завпарком, садовник, счетовод, понятой» [62, л. 14]. На этом жалобы по инстанциям со стороны руководства парком не прекратились. 27 февраля 1922 г. К. Г. Стуцкий пишет еще одно обращение, адресованное в Губсовет, где предлагает комиссии по ликвидации памятника Понятовского счет согласно акту за № 16 [62, л. 12].

С 1923 г. городские власти предпринимали очередные усилия по восстановлению гомельского парка. С этой целью 19 января 1923 г. президиум Гомельского Губисполкома принял постановление о расторжении договора с арендаторами парка. Было предложено Губкоммунхозу парк имени А. В. Луначарского сдать под контроль Губполитпросвету, заключив с ним соответствующий договор по обеспечению благоустройства и порядка в парке [11, л. 14]. 12 февраля 1923 г. была создана специальная комиссия из представителей Губкоммунхоза. В состав комиссии входили следующие лица: заведующий административно-хозяйственной частью товарищ Палена (И. О. не известны), заведующий секцией «Технострой» товарищ Шумский (И. О. не известны), и вновь назначенный на должность управляющего парком товарищ Тилько (И. О. не известны). При обследовании объектов парка также присутствовали садовник парка И. П. Купцев и два бывших арендатора парка Нейштадт и Серебренников (И. О. не известны). По фактам проверки сооружений, находящихся на территории парка, было установлено следующее: «это два погреба набитые льдом, ограда забора на границе с Ветреной улицей, железные ворота и калитка. Было построено деревянное жилое помещение, с тремя отдельными квартирами для работников, обслуживающих парк. Вокруг дома расположен небольшой дворик, на территории которого имелись четыре кладовых-сарайчика». Посреди дворика имелся наружный неисправный водопроводный кран. Далее указан деревянный сарай с двумя отделениями, в котором на момент проверки хранилось имущество радиостанции. Так как сам радиоцентр находился на территории парка, то в специальном погребе, без указания его точного места нахождения, хранился порох, очевидно, для фейерверков в праздничные дни. Башня, оставшаяся от бывшего сахарного завода князя Паскевича, сохранилась в исправном виде. Каменное здание зимнего сада с остекленной крышей нуждалось в ремонте. Среди мебели инвентаря

и рабочих инструментов в зимнем саду были два круглых стола, два стула, один диван, две гончарные вазы, две железные лопаты, две старые лейки и три лестницы. Среди растений перечислялись следующие сорта: «араукарий 3 шт., альзофилия 2 шт. в кадках, рафис 2 шт., грация 3 шт., таксус 2 шт., асподстра в горшках 55 шт., жасмин 2 шт., драцена 6 шт. и другие растения» (названия как в оригинале) [11, л. 1]. Далее перечисляются следующие недостатки и поломки отопительных печей. В большой оранжерее печи центрального отопления не «ремонтированы», вместо них установлены железные печи в количестве четырех штук [11, л. 1 об.]. Комиссия приняла ряд заявлений от старшего садовника парка И. П. Купцева, где говорится о том, что арендатор парка гр. Нейштадт в отношении сохранности тропических растений и оранжерей ничего не делал. Комиссия произвела опечатывание двух кладовых, в которых находилось имущество парка и декорации театра. Такая мера была вызвана тем, что арендатор Нейштадт категорически отказался от сдачи ключей от кладовых, мотивируя это тем, что договор судом не расторгнут. Мы видим, что гражданин Нейштадт оказался грамотным человеком и пожелал решить возникшие вопросы в правовом поле. Комиссией было установлено, что инвентарь и имущество арендаторами никогда не ремонтировались «и вообще парк в смысле охраны был в полнейшей заброшенности» [11, л. 4].

Уже 12 февраля 1923 г. комиссия при осмотре большой оранжереи обнаружила, что отопительные печи бездействуют, взамен их установлены четыре железные печи – буржуйки, которые мало давали тепла и сильно коптили, что портило экзотические растения, которые там произрастали. Копоть распространялась по всей оранжерее. В самом помещении оранжереи был беспорядок; на проходах валялись щепки, стеклянные рамы было не в порядке [11, л. 6]. По предложению комиссии от 14 февраля 1923 г. садовнику были отпущены три куба саженой дров для отопления указанной оранжереи, после чего стало осуществляться регулярное отопление и температура воздуха в оранжерее значительно повысилась [11, л. 7]. Комиссия 16 февраля 1923 г. установила, что использование железных печей в помещении оранжереи привело к тому, что многие деревья оказались испорченными, листья почернели и засохли [11, л. 8]. А как известно, в этой оранжерее произрастали: лимоны – 2 шт., апельсины – 3 шт., спармания – 1 шт., олеандры – 2 шт. и другие растения (названия как в документе) [11, л. 13]. К обследованию растений оранжереи приглашались эксперты-ботаники, но поскольку они не явились, комиссия постано-

вила обратиться в Губисполком по вопросу административного воздействия на лиц, которые не явились для проведения экспертизы растений [11, л. 8].

В рамках исследования истории парка имени А. В. Луначарского следует добавить, что главным зданием на его территории оставался дворец бывшего князя Паскевича, именуемый впоследствии он назывался «Художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского». Это учреждение культуры находилось в подчинении Главного управления по делам музеев, охране памятников искусства и старины народного быта и природы [11, л. 20].

2.3. Организация и работа Гомельского художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского в 1921–1922 годы

Художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского в Гомеле был открыт 7 ноября 1919 г. на базе бывшего дворца князя Паскевича и его супруги Ирины Паскевич. В музее на всеобщее обозрение были представлены экспозиции художественно-исторических ценностей, основу которых составили собрания дворца Паскевичей.

Собирая материал по данному разделу, автор поставил задачу – расширить представление читателей об истории создания музея в период послереволюционной эпохи в начале 20-х гг. XX в. Вопреки сухим рассуждениям предшествующих исследователей о том, «что судьба дворцового собрания непросто складывалась в гражданскую войну и в 20-е гг. XX в.», была предпринята попытка познакомить краеведов, историков и всех, кто интересуется историей гомельского музея, с особенностями его работы в начальный период становления советской власти. В данном разделе приведены факты титанических усилий по сохранению и сбережению культурного наследия Гомеля и его окрестностей, перечислены имена и фамилии непосредственных участников этих событий.

Гомельский музей находился в подчинении Губернского отдела народного образования, о чем свидетельствует документ от 11 апреля 1921 г. за № 148. В этом документе заведующий Губернской секцией по охране памятников и музея имени А. В. Луначарского (фамилия не указана) обращается к заведующему Губернским отделом народного

образования в письменном виде (текст рукописи очень мелкий, но вполне читаем): «В связи с открытием музея в Клинцах и организацией уездной секции по охране памятников искусства и старины – прошу дать мне командировку на 7–10 дней туда и обратно» [8, л. 25]. В данном обращении присутствует информация об оказании содействия заведующему гомельским музеем со стороны городских властей в обеспечении железнодорожным транспортом для вывоза из Клинцов культурных ценностей, в частности комплекта мебели екатерининской эпохи, для передачи их в музей имени А. В. Луначарского.

О сотрудниках Гомельского музея имени А. В. Луначарского в 1921 г. свидетельствует документ, составленный 3 марта на бланке с печатью «РСФСР Губернский Отдел Народного образования. Художественно-исторический музей имени А. В. Луначарского в Гомеле», в таблице приведен перечень фамилий сотрудников музея и должности, которые они занимали (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Перечень сотрудников музея и их должности

Ф.И.О.	Занимаемая должность
1. Маневич Исаак Аронович	Заведующий замком и музеем
2. Шейнбаум Лазарь Иоселевич	Заведующий библиотекой и архивом
3. Захарин Эммануил Владимирович	Инструктор-практикант
4. Цубина Эсфирь Григорьевна	Руководитель экскурсиями
5. Якимович Эдуард Романович	Заведующий канцелярией
6. Догов Михаил Михайлович	Смотритель замка
7. Дерлинк Степан Степанович	Служащий по охране ценностей
8. Коногова Наталья Матвеевна	Служащий по охране ценностей
9. Калашников Лука Яковлевич	Печник-истопник
10. Мохорева Анна	Уборщица-истопница
11. Гусьман Захар	Заводчик часов

Весь список сотрудников заверен неразборчивой подписью заведующего музеем без указания фамилии. Документ скреплен большой круглой печатью с указанием полного названия музея [17, л. 17].

Как свидетельствуют архивные документы, учет, описание и систематизация фондов художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского в Гомеле проводились 22 августа 1922 г., на что

указывает отчет о деятельности музея, составленный его сотрудниками [25, л. 19–21].

В 1922 г. музей состоял из двух отделов художественного и исторического. Организация и экспозиции художественного отдела была построена по принципу строго исторического обоснования культурной среды конца эпохи Николая I. По строгому плану в отделе собраны произведения живописи художников-иностранцев: Дау, Патшерсек, Лампи, Рослен, скульптуры Рауха и Тордвальсена.

В указанный период сотрудники музея проводили научно-исследовательскую работу по выявлению подлинных изделий из фарфора и хрусталя, принадлежащих работе мастера Федора Толстого. Среди собраний рукописей имелись исторические реликвии в виде рукописей и стихотворений графини Ростопчиной (И. О. не указаны), писем поэта В. Жуковского и собрания писем В. Г. Короленко. Среди гравюр были собраны работы современных оформистов и граверов: Павлова, Фалилеева, Доброго, Писканова и др. (И. О. не указаны).

Из отчетного документа за 1922 г., гомельский музей постоянно испытывал недостаток в помещениях для экспозиции собраний отделов. Это было связано с тем, что дворец Паскевича на тот период был поврежден и местами разрушен, велись его восстановительные и реставрационные работы. Поэтому сотрудники музея были вынуждены производить перенос экспонатов из одного помещения в другое. Со второго этажа башни археологические собрания были перенесены в бывшую пальмовую галерею, прилегающую к церкви. Здесь же планировалось разместить этнографическое собрание бывшего могилевского музея. В освободившемся зале башни наряду с батальными картинами работы Залесского и Суходольского заново выставлено большое собрание оружия из бывшего клинцовского музея. Планировалось открыть выставку эпохи романтизма Паттерсена и Орловского. Ко дню открытия этой выставки руководство музея хотело издать путеводитель с историко-литературным материалом [25, л. 19].

В 1922 г. Гомельский музей имени А. В. Луначарского вошел в состав Ассоциации центральных областных музеев РСФСР. Это способствовало организации работы музея и корректировке научной деятельности его сотрудников. Усилиями его сотрудников музей уже в 1922 г. стал информационно-культурным центром научно-просветительской пропаганды трудящихся. Это благотворно влияло на формирование личности нового человека советской эпохи. Научный коллектив имел тесные контакты с Институтом истории искусств и Институтом художественной научной экспертизы и другими музеями

«Старого Петербурга» (так по тексту). Гомельскому музею имени А. В. Луначарского были посвящены лестные отзывы в публикациях научных материалов «Казанского музейного вестника».

Кроме этого документ первоисточника сообщает краткую информацию о готовящейся в 1922 г. музейной областной конференции музейных работников Гомеля, Минска, Витебска и Смоленска [25, л. 20].

О посещаемости музея людьми разного возраста и социального положения свидетельствуют данные к 22 августа 1922 г.: музей посетило более трех тысяч человек. Следует не забывать, что для Гомеля, население которого пережило революцию, тиф, голод, разруху, стрекопытовский погром и угрозу надвигающихся фронтов гражданской и советско-польской войн, это был показатель потребности людей в восприятии и изучении живой истории и культурного наследия своего отечества.

Таким образом, на основании архивных документов можно прояснить, как выглядела работа художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского в Гомеле в первые годы утверждения советской власти.

2.4. Губернский педагогический музей в Гомеле в 1920–1923 годы

Гомельский губернский педагогический музей был открыт в ноябре 1920 г. Он находился в Гомеле на улице Могилевской, д. 56. Помещение нового музея состояло из двух комнат с прихожей. Ранее в этом здании размещалась военная часть, вследствие чего помещение было сильно разрушено. Потребовался ремонт печей, полов, дверей и окон, на что ушло около шести недель. При музее 15 декабря 1920 г. была открыта химическая лаборатория, которая числилась за передвижным отделом музея [13, л. 5, 55 об.]. Наличие в химкомбинате мебели, химической посуды и реактивов позволило проводить различные опыты.

Заведующим лабораторией был назначен по предложению коллегии музея школьный работник Д. Д. Струнин [13, л. 5 об.]. Однако на должность лаборанта не могли подобрать нужного человека. Поэтому с 1 января 1921 г. Д. Д. Струнину пришлось самостоятельно организовывать всю работу. При химической лаборатории был оборудован класс, в котором читались лекции о роли и значении химической науки в жизни современного человека. Для чтения лекций было установлено время с 12.00 до 15.00 днем и в вечерние часы с 18.00 до 21.00. Таким образом, с 1 января по 1 марта 1921 г. учащимся раз-

ных школ было прочитано 44 лекции, из которых большая часть были двухчасовыми. Больше всего эти лекции посетили учащиеся 1-й школы II ступени имени Герцена – 24 посещения. Три раза приходили ученики первой железнодорожной школы II ступени. Слушатели взрослых курсов Губпрофсовета приходили два раза. Слушатели долгосрочных учительских курсов были на лекциях два раза. С краткосрочных еврейских учительских курсов слушатели пришли один раз. Вечерние курсы для рабочих организовали явку своих учеников два раза. Ученики четвертой вечерней железнодорожной школы II ступени прослушали лекцию один раз, третьей и седьмой школ – по одному разу и ученики одиннадцатой школы посетили химическую лабораторию два раза.

Однако к концу февраля 1921 г. проводить наглядные опыты в лаборатории стало невозможно из-за отсутствия денатуратного спирта. Об этом было сообщено заведующему педагогическим музеем 3 марта 1921 г.

В целом, как подтверждает отчет о деятельности музея за февраль 1921 г., количество посетителей увеличилось. В конце февраля при музее была организована выставка под названием «Жизнь Севера». Беседу на эту тему провела 22 февраля А. Д. Афанасьева. Вместе с указанной выставкой начала свою работу и выставка «педагогических книг». Из гомельских школ в феврале музей активно посещали учащиеся и учителя школ № 3, 4, 6, 7, 12, 19, 21, 27, 33, реже приходили представители 8, 9 и 10 железнодорожных школ. О месте расположения этих и других школ в Гомеле свидетельствует информация в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Место расположения школ г. Гомеля [7, л. 23–23 об.]

Номер школы	Место расположения и адрес школы в 1921 г.
3	Дом бывшей Преображенской гимназии
6	Дом бывшей гимназии Тоболевич
8	Дом Купреева на углу улиц Ленина и Могилевской
9	Дом бывшей гимназии Гуревич
12	ул. Советская, д. 62
14	ул. Аптечная, д. 25
16	ул. Могилевская, д. 25
17	ул. Ветряная, д. 40
19	ул. Советская, д. Гинзбурга

Номер школы	Место расположения и адрес школы в 1921 г.
21	ул. Александровская, д. 28
27	ул. Аптечная, д. 58
29	японские бараки
30	Напротив Либавского вокзала, бараки 5 и 6
32	ул. Советская, японские бараки
33	ул. Замковая, дом Мельникова
34	ул. Свердлова, дом бывшего князя Паскевича
35	Белицкий лесопильный завод
1 ^я школа II ступени	Угол ул. Ленина и Могилевской
Консерватория	На территории парка имени А. В. Луначарского
Школа для детей деревообделочников размещалась в Монастырьке	

В феврале 1921 г. была организована мастерская по изготовлению наглядных пособий. В исследуемых документах нет информации, кто именно участвовал в их изготовлении и какие именно пособия были произведены. Кроме этого были отобраны книги для обеспечения ими пяти волостных музеев: в Дудичах, Светиловичах, Круговце, Добруше и Пресно. В феврале в педагогическом музее проходила стажировку работница носовической школы Н. Д. Петкевич.

В педагогическом музее была организована библиотека. Посетители музея проявляли интерес к чтению различной литературы. В феврале на руки читателей было выдано 353 книги, возвращено 326. Комплектов для коллективного чтения выдано 30, возвращено 16. Разных учебных пособий выдано 316, возвращено 275. Интерес к тематическому содержанию книг следующий: по естествознанию выдано для чтения 116 книг, детской беллетристики – 72, по педагогике – 40, географии и истории – 38 книг, математике – 10, по музыке и психологии – 13. Историческая литература спросом у читателей не пользовалась, всего за месяц было выдано пять книг. Помимо этого три книги по пчеловодству нашли своих читателей.

Итог работы педагогического музея за февраль 1921 г. следующий: отдельно взятых посетителей для проведения с ними экскурсии было 255 человек. Обобщенные занятия тематической направленности прошли в 31 группе [13, л. 5].

В исследуемых нами документах нет материалов ежемесячной отчетности за март 1921 г. Однако отчет о деятельности педагогического музея за апрель сообщает следующие факты. На собрании музейной коллегии 8 апреля 1921 г., где присутствовали товарищи из Губпрофобра Маковский (И. О. не указаны), Д. Д. Струнин и В. Г. Можеев, из членов музейной коллегии были А. Д. Афанасьева, В. В. Балабушевич, Г. М. Воронов и П. М. Княповский, слушался вопрос по дальнейшему использованию химической лаборатории. Данный вопрос требовал урегулирования ситуации, которая возникла в связи с тем, что Губпрофобр временно пользовался музейной химической лабораторией. В записи протокола музейной коллегии упоминались инвентарная книга, посуда и приборы. По заявлению представителей Губпрофобра следовало, что если химическая лаборатория будет открыта при их организации, то всю посуду и приборы лаборатории педагогического музея заберет Губпрофобр. Д. Д. Струнину и В. Г. Можееву было поручено составить смету по имуществу химической лаборатории музея [13, л. 23].

Из документа от 6 декабря 1920 г., составленного заведующим Гомельским городским отделом народного образования в Гомельскую чрезвычайную санитарную смешанную комиссию, видно, что отдел образования проявил беспокойство по поводу требования санитарной комиссии убрать физический кабинет из помещения бывшей женской гимназии, где в указанный период был размещен запасной госпиталь. В своем обращении заведующий отделом образования указывает причины, из-за которых оборудование и приборы физического кабинета в силу их хрупкости «безусловно при переноске и перевозке, а также вследствие больших трудностей, с которыми связано их устройство, придут в негодность». В обращении еще отмечено, что госпиталь в помещении, приспособленном для обучения молодежи, является временным. А это значит, что нет никакого смысла «лишиться столь ценного учреждения как физический кабинет во имя предоставления временно пребывающему госпиталю, которому еще хватит занимаемых кабинетов». Уничтожение физического кабинета можно считать как уничтожение государственной ценности «и невозможной в нынешних условиях потерей для десятка культурно-просветительных учреждений города, обслуживаемых этим кабинетом» [69, л. 34]. В ходе дискуссий на эту тему физический кабинет из госпиталя предложили передать в только что открытый педагогический кабинет.

Образование и воспитание в послереволюционной советской школе были основаны на методиках дореволюционной школьной

системы, где педагоги и воспитатели со всей прилежностью и ответственностью относились к своим обязанностям. Это видно из дневника, которым пользовался гомельский гимназист в 1912 г. Записи в дневнике велись с учетом шести дней в неделю с понедельника по субботу. В отдельной графе выставлялись отметки за каждый день, в специально отведенных местах ставили подписи классная воспитательница, родители, а также записывались замечания классной воспитательницы. Изучались следующие предметы: «Закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, география, история, немецкий язык, французский язык, рисование, чистописание, естественные науки, гигиена» [82, л. 24].

В мае 1921 г. при педагогическом музее был организован кружок юных натуралистов. Еженедельно по средам и субботам проходили беседы руководителя кружка с детьми, по воскресеньям организовывались экскурсии на природу. В остальные дни детей приобщали к работам в огороде. В мае были предприняты усилия по организации опытной школы, привлечены новые руководители детскими коллективами. На работу в музей был принят заведующий хозяйством и несколько школьных работников для работы с учащимися школы II ступени. В конце месяца организована выставка на тему «Птицы». В начале мая в течение 10 дней стажировку в музее проходила школьная работница Марковической волости В. Ф. Карпович [13, л. 7].

27 мая 1921 г. заведующий педагогическим музеем Г. Воронов обращается в школьный подотдел с просьбой выписать аванс на текущие расходы в размере 100 000 руб. на имя Г. Воронова, для расходов по опытной школе при педагогическом музее на П. М. Княловского тоже в размере 100 000 руб. [13, л. 8].

Исследуя рукописные документы начала 20-х гг. XX в. о деятельности педагогического музея в Гомеле, следует рассмотреть и другие эпизоды из истории этого учреждения. Так, содержание выписки из протокола собрания музейного коллектива от 9 июня 1921 г. сообщает нам информацию об освобождении школьного работника Р. М. Письман от работы в школе при музее. Мы не располагаем сведениями, какой был мотив освобождения от занимаемой должности, но судя по тому, что уже 10 июня заведующий музеем Г. Воронов ходатайствует перед школьным подотделом о необходимости уволить Р. М. Письман, есть основания полагать, что администрация музея не нуждалась в этом человеке как в ценном работнике, воспитателе детей в новых условиях жизни советского общества. Документ, направ-

ленный в школьный подотдел Гомеля, был скреплен печатью, на которой отчетливо видна надпись «Передвижной Педагогический музей Гомель» [13, л. 9].

В июне 1921 г. посетителей в музее было мало, основная причина – закрытие школ на летние каникулы. Всего за этот месяц музей посетили около 20 человек, в основном это работники партшколы и слушатели еврейских дошкольных курсов и др. Выставка «Жизнь птиц» не посещалась. На протяжении июля опытные школы I и II ступени при музее пригласили на работу преподавателей русского языка и математики «из лучших сил города». В исследуемом отчете фрагментарно присутствует информация о том, что в Гомеле не хватает опытных педагогов, часть из которых уехали, сменив место жительства, другие не могут выйти на работу по болезни. Поэтому заведующий музеем указывает сроки полноценного начала занятий и работы в мастерских не ранее сентября. Указывая дату составления отчета 1 августа 1921 г., администрация педагогического музея оставляет в запасе целый месяц для завершения всех дел перед новым учебным годом [13, л. 26].

В следующем документе, составленном в Губоно, коллегия педагогического музея просит выдать пропуск в Витебск ученице опытной школы при музее Шифман Соне. Причина такого прошения обоснована тем, что девочке надо было уехать к родным 14 августа 1921 г., а в качестве сопровождающего с ней поедет бывший руководитель школьной коммуны Романенко (И. О. не указаны). В этом случае документ уже почему-то подписан не заведующим, а сотрудником педагогического музея В. Балабушевичем, который еще в начале июня был секретарем при заведующем [13, л. 11].

Следует отметить и тот факт, что вместо словосочетания «коллектив музея» появилось ранее не употребляемое при составлении документов музея понятие «коллегия педагогического музея». Введение в название прежней терминологии может свидетельствовать о том, что в это советское учреждение начинают привлекать представителей старорежимного строя, которые оставались носителями старой культуры [13, л. 11]. Из выписки протокола собрания музейной коллегии еще от 23 июля, направленной в Губоно, видно, что на работу в школу I ступени при педагогическом музее приглашают преподавательницу русского языка Н. А. Портную. Следует признать важность ситуации, когда на работу берут не просто школьного работника, а преподавателя. Тут вполне может быть частный случай, когда оказал-

ся востребован настоящий специалист, может быть это преподавательница одной из бывших гомельских гимназий. Этот документ подписан 29 июля 1921 г., и рядом с фамилией заведующего музеем Г. Воронова указана фамилия секретаря «П. Княповский».

Исследования о деятельности педагогического музея открывают возможность побольше узнать о жизни школьников, которые числились при опытной школе музея. Однако сухой язык изложения документов ограничивает наши возможности. Хотя некоторые случаи, происшедшие в школе при музее, больше имеют вопросов, чем ясных ответов. В Губоно коллегия педагогического музея сообщает об исключении из списков школьников с 1 августа 1921 г. пятерых учащихся, а именно: Иван Федоренко, Алексей Завадский, Яков Хенский, Зяма Розин и Нуда Фриткин. При этом сама причина их отчисления не указана, сказано, что «исключаются из списков школьников и получении пайка с 1/VIII». В данном случае документ подписан уже руководителем П. Княповским. В отношении, куда выбыли дети, можно строить только догадки, принимая во внимание все сложности эпохи с обилием самых невообразимых ситуаций, в которых могли оказаться гомельчане в 1921 г. [13, л. 19]. Следующий документ, имеющий непосредственное отношение к этому делу, свидетельствует о том, что администрация учреждения была очень недовольна поступком бывших учеников. Буквально уже назавтра 2 августа коллегия педагогического музея опытной школы II ступени присылает в Губоно сведения о снятии с пайка пятерых мальчиков. Итого из 38 пайков получателями остальных осталось 33 человека. Причем два пайка И. Федоренко и А. Завадского были переведены на мастерские. Подписан документ также руководителем школы П. Княповским [13, л. 22].

Ежемесячный отчет о работе музея за сентябрь 1921 г. завершает и без того небогатый перечень этих документов. Заведующий педагогическим музеем и школой П. Княповский от 1 октября 1921 г. сообщает следующее: по причине школьных каникул посетителей было мало, наглядными пособиями пользовались детский дом и слушатели разных курсов. В школе при музее открыта вторая группа II ступени, в которой с 1 сентября уже можно было заниматься учебными предметами. Жизнь в школе еще не налажена в полной мере: «нет физики и химии», учителей в школе недостаточно [13, л. 24]. В отношении школ II ступени следует добавить, что открытие их в Гомеле началось с 1 декабря 1919 г. с организацией в них регулярных занятий. Для учебного процесса в этих школах была характерна продолжи-

тельность учебного дня всего по два, три часа в день. Среди работников школ наблюдалось непродуктивное использование учебного времени, большие перерывы между учебными часами. Детей стремились занимать больше физическим трудом и работой в мастерских. «Имело место бесцельное препровождение времени, вызванное отсутствием руководства детьми со стороны школьных работников» [28, л. 3]. Так выглядело общее состояние дел в школах этого типа в Гомеле на период 1920–1921 гг.

Ситуация с дисциплиной, снабжением и обеспечением школы при педагогическом музее также оставалась сложной. Для создания и нормального функционирования коллегиального совета, а это минимум три человека, подходящих кандидатур не было. Кроме этого за летний период из-за отсутствия финансирования не был проведен капитальный ремонт здания школы при музее. Комнаты не отапливались по причине недостатка дров, расстекленных окон, двери были не исправны. Не было кроватей для отдыха детям, ощущался недостаток одеял, обуви, одежды и прочее. Тут к месту использовать язык документа, передающий отчаяние заведующего музеем: «все это говорит за прекращение приема и даже наводит на мысль о том, что нельзя будет вести нормальную работу, в столярной и сапожной мастерских работы пока нет» [13, л. 24]. У инструктора столярного ремесла Роговцева (И. О. не указаны) был отпуск до 1 октября. Кроме того, поддержкой для посещения мастерских будет временное отсутствие обуви у детей [13, л. 24 об.]. Данная информация была отражена в документах текущей отчетности на 1 октября 1921 г.

В апреле–июне 1923 г. Губернское еврейское бюро Гомеля в городских газетах опубликовало объявление о наборе подростков в еврейскую школу, которая располагалась на улице Новиковской, д. 15, в доме бывшего владельца Дубина, с 5 апреля 1923 г. Также объявлялся набор в еще одну еврейскую школу, которая находилась на улице Могилевской, д. 25. Вакансии в этой школе были открыты для учащихся старших групп [15, л. 16–17].

В первые годы советской власти существенно возросло значение высшего образования для служащих и учителей. Подтверждением тому является вырезка из гомельской газеты от 13 августа 1923 г. без указания ее названия: «Командируемым в ВУЗы работникам президиума губпрофсовета на очередном заседании признал необходимым выдавать ликвидационные в размере, предусмотренном коллективным договором данного предприятия или учреждения, наравне с

увольнениями» [12, л. 19]. Один из примеров, кто именно стремился стать студентом высших учебных заведений, мы видим при изучении личного дела учителя гомельской первой советской школы имени Ленина Гутора Викентия Адамовича, 1878 г. р., уроженца Минской губернии Новогрудского уезда. История жизни этого человека является примером сохранения исторической памяти и заслуживает достойного места в системе педагогического музееведения Гомеля. Из текста заявления в Гомельский губернский отдел народного образования от 11 октября 1924 г. и прилагаемой к нему анкеты учителя мы видим, что этот школьный работник поступил в Белорусский государственный университет и просит освободить его от занимаемой должности с 15 октября 1924 г. Также он просит дать ему отзыв о его службе в указанной школе, где он работал в должности учителя с 1 сентября 1920 г. Заявление написано 11 октября 1924 г., красными чернилами, хорошо читаемым ровным почерком [12, л. 21]. О своем стаже В. А. Гутор сообщает следующее: работал учителем с 1903 г., разряд по тарифной сетке имел XII. Образование получил в Несвижской учительской семинарии в 1903 г., в 1918 г. окончил Высшие внешкольные курсы. Основная специальность учитель, беспартийный, в партиях никогда не состоял, происхождение из крестьян. В графе «семейное положение» указано, что он одинокий. Родители по социальному положению – крестьяне, к моменту заполнения анкеты в живых их нет. До Октябрьской революции был на фронте империалистической войны [12, л. 26]. На советскую службу поступил в 1918 г. Работал на следующих должностях: инструктором по внешкольному образованию в 1918–1919 гг., с 1919 г. заведывал внешкольным отделом, с 1921 по 1922 г. работал членом правления Гомельского союза работников просвещения, а с 1922 г. по настоящее время школьным работником гомельской школы имени Ленина. В период прохождения военной службы состоял в передовом отряде в должности делопроизводителя полевой канцелярии. Согласно учетной карточке военной повинности № 296 наказаниям и взысканиям по службе не подвергался. В отпуске не был. В других учреждениях не работал. Адрес проживания в Гомеле: ул. Крестьянская, д. 35. Анкета составлена 4 августа 1923 г. Подпись [12, л. 26 об.]. Из второго экземпляра удостоверения от 20 февраля 1923 г. видно, что В. А. Гутор преподаватель первой советской школы имени Ленина в Гомеле и комендант здания [12, л. 25]. В конце всего этого перечня документов мы находим запись, что товарищ В. А. Гутор все дела по службе сдал и ника-

ких государственных сумм и имущества за ним не числится. Отчет за все авансы представлен 14 сентября 1924 г., что заверено подписью бухгалтера.

В начале декабря 1922 г. при губернском педагогическом музее в г. Гомеле активную работу осуществлял его передвижной отдел. Задачей сотрудников этого подразделения было посещение разных школ и учреждений образования, где они демонстрировали экспонаты и проводили разные беседы и лекции. Однако зимние холода поставили перед руководством музея совсем иные задачи. В Губоно коллегия педагогического музея направила просьбу предоставить музею дополнительно две комнаты, расположенные рядом с музеем, но занятые амбулаторией волисполкома. Необходимость такой просьбы была обусловлена тем, что эти комнаты достаточно теплые и в них можно будет работать с детьми. Заведующий музеем В. Балабушевич в своем обращении убедительно просит «эти дела довести до положительного конца и как можно скорее» [10, л. 25]. Мы конечно не располагаем информацией, какой ответ получила коллегия музея, но источник за период 1925 г. сообщает нам новое место нахождения педагогического музея в Гомеле – это Липовая улица, д. 6 [16, л. 4].

Подводя итог рассуждениям на данную тему, есть смысл добавить, что события послереволюционной эпохи способствовали выдвиганию новых, преимущественно молодых, людей. У нас не оказалось сведений о возрасте сотрудников педагогического музея, однако, исследуя различные группы документов, мы нашли данные о возрасте сотрудников гомельского книжного магазина за 20 сентября 1922 г. Заведующим этого магазина был Х. Д. Горфункель 1886 г. р., его заместителем – Л. А. Вилькин 1899 г. р., приказчицей в магазине работала С. Э. Либман 1899 г. р., Л. Л. Гисина 1896 г. р. была кассиром и М. Х. Какузина 1899 г., работала второй приказчицей. Из данной информации можно сделать вывод, что магазин силами пяти работников обеспечивал литературой разной тематики жителей Гомеля. В документе было указано и место жительства всех сотрудников магазина, однако мы не будем останавливаться на всех подробностях. Обратим внимание читателей на два адреса, которые можно выделить как городские топонимы. Так, на улице Замковой был номер дома 80, а на улице Кузнечной – № 64 [10, л. 18].

В завершение следует признать, что сотрудники Гомельского педагогического музея в столь тяжелое время оказались способны решать подчас невыполнимые задачи. Ими предпринимались отчаян-

ные попытки сохранить работу учреждений культуры и образования и продолжать воспитание личностей молодых людей, которым суждено было строить новое государство.

2.5. История Гомельского коммунального отдела в 1920–1925 годы

Документы, относящиеся к коммунальному отделу исполнительного комитета Гомельского Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, содержат информацию губкоммунотдела и являются одним из важных источников по истории Гомеля. Как свидетельствуют факты, Гомельский губернский коммунальный отдел был образован 22 апреля 1920 г. в соответствии с декретом СНК РСФСР и положением о коммунальных отделах исполнительных комитетов от 8 апреля 1920 г. и на основании постановления президиума губисполкома от 22 апреля 1920 г., направленного на соблюдение строгой централизации работы уездных коммунотделов. Согласно директиве СНК РСФСР общее руководство деятельностью губкоммунотдела осуществлял Коммунальный отдел.

Однако в первые годы советской власти губкоммунотдел бездействовал, поскольку на то были существенные причины. Во-первых, до революции не было единого губернского центра, а только городские управы в городах, на базе которых были созданы угоркоммунотделы. Поэтому к моменту организации губкоммунотдела у сотрудников не было опыта работы в сфере коммунального хозяйства в пределах губернии, отсутствовали подготовленные кадры специалистов, способных выполнять эту важную работу. Ввиду этого организация губкоммунотдела была поручена заведующему Гомельским горкоммунотделом, который был сильно перегружен работой, не хватало квалифицированных кадров.

Работе губкоммунотдела помешали события начавшейся советско-польской войны «белопольской интервенции в мае 1920 г.», когда польские войска заняли значительную часть белорусских земель и нависла угроза оккупации Гомельского региона.

Значительной заслугой работников коммунотдела в первой половине 20-х гг. прошлого века было составление подробного списка городских земель с указанием адреса и названий учреждений, которые в них находились до 1917 г., а также определением организаций, которым стали принадлежать эти объекты после революции. В табл. 2.3 приведен список объектов, принадлежащих Гомельскому Губисполкому на 1 августа 1924 г.

Таблица 2.3

Список объектов Гомельского губисполкома
[53, л. 31, 31 об., 32, 32 об., 33, 33 об., 34, 34 об., 35, 43], [53, л. 31–35, 43]

В чьем непосредственном пользовании находился участок земли	Название улицы	Номер дома	Примечание
ГПУ	Артема	–	Бывший сад Лисовского, 4506 кв. саженей
Детский дом	Артема	9	Бывший дом Гинзбурга, 560 кв. саженей
Губоно	Артема	17	Бывший сад Крушевского, 1813 кв. саженей
ГКО	Билецкого	1	Парк Свердлова, 480 кв. саженей
Губоно	Билецкого	6, 8	Бывшая гимназия, 831 кв. саженей
Жилищное товарищество	Билецкого	14	Парк 25 Марта, 954 кв. саженей
Предприятие водного транспорта	Берег р. Сож		Общежитие служащих
Профшкола	Ветковская	50	Бывшее еврейское общество
Детская больница	Госпитальная	8	–
Детский дом	Жарковского	7, 9	–
Польская школа	Жарковского	58	–
Щетинная фабрика	Интернациональная	13, 15	Бывшее еврейское общество бедных
Техникум	Карповича	43, 45	–
Нет данных	Красноармейская	14	Бывшее городское самоуправление
Нет данных	Красноармейская	2	Бывшее общество покровителей животных
Губздравотдел	Красноармейская	32	2-я Советская аптека
Дом инвалидов	Красноармейская	53	–
Больница	Комиссарова	10, 12	Бывшая земская больница
Военный госпиталь	Комиссарова	24	Бывшая больница Паскевичей
Губоно	Комиссарова	29	–
Военгоспиталь	Комиссарова	31	–

Продолжение табл. 2.3

В чем непосредственном пользовании находился участок земли	Название улицы	Номер дома	Примечание
Заразная больница	Колонтай	1, 3	Бывшая еврейская больница
ГКО	Комсомольская	3	1-я пожарная часть
Ясельное товарищество	Комсомольская	2	—
Нет данных	Комсомольская	4	Жилтоварищество
Нет данных	Комсомольская	6	Электростанция
Губстат	Трудовая	8	—
Водный туалет	Комсомольская	17	—
Трудкоммуна	Комсомольская	32	—
Техникум	Комсомольская	39	—
Общество профсоюзов	Комсомольская	43	—
Музыкальная школа	Комсомольская	52, 54	Бывший дом Мельникова
Губоно	Комсомольская	55	—
Губздрав	Комсомольская	57	—
Библиотека	Комсомольская	61	—
Военвед	Конная площадь	—	—
Полессторг	Угол ул. Крестьянской и Могилевской	42 11	Бывший дом Цирлина
Госбанк	Советская	13	Госбанк
Школа	Липовая	1, 3	Бывший дом Цирлина
Нет данных	Липовая	13	Бывшее земство
Школа металлистов	Могилевская	64, 66	Бывшая школа металлистов
Нет данных	Могилевская	68	Бывшая мужская гимназия
Дом друзей ребенка	Могилевская	70	—
То же учреждение	Минская	2	Бывшая ул. Лукашевич
То же учреждение	Ново-Прудковская	3	—
То же учреждение	Овраг Дедное	18	—
Учреждение в ведении военведа	Парижской коммуны	2, 4	—

Продолжение табл. 2.3

В чьем непосредственном пользовании находился участок земли	Название улицы	Номер дома	Примечание
Барак-клуб	Первомайская	17	Барак
Губоно-детский дом	Первомайская	49	Бывший дом Калиновского
Губпартшкола	Пролетарская	14	–
Губпартшкола	Пролетарская	21, 23, 25, 27, 29	Бывшие дома Стош, Полевец, Самсонова и др.
Губоно-школы	Пролетарская, Песковатая	73 34, 36	Бывшие дома общественного значения
Губоно-техникум	Почтовая, Плеханова и Пульхова	19, 21 18	Бывший дом Окушко
Горсовет	Площадь Труда	1	Бывшая синагога
Фабрика «Труд им. В. И. Ленина»	Площадь Труда	2, 3	–
Г.З.У.	Площадь Труда	4	–
Трудкоммуна	Полевая	47	–
Военвед	Садовая	8	Бывший дом Романова
Военкомат	Садовая	20	Бывший дом Брынкина
Водоподъемная башня	Свердлова, затем стала Баумана (раннее название – ул. Боярская)	1, 3	–
Водоподъемная башня	Скрябина	1	Бывший дом Рябцева
Полеспечать	Советская	1	Бывший дом городского самоуправления
Полеспечать	Советская	5, 7	Бывший дом Выгодского
Губотдел труда	Советская	19	Бывший дом Цейтлина
Гостиница	ЦРК	38	–
Партклуб	Советская	34	Бывший дом Цейтлина

В чьем непосредственном пользовании находился участок земли	Название улицы	Номер дома	Примечание
Школа	Советская	47, 49	–
Почтовотелефонная контора	Советская	66	–
2-й дом Советов	Угол ул. Советской и Ленина	68 2	Дома бывшего владельца архитектора Шабуневского
Клуб физкультуры	Советская	86	Бывшая военная церковь
«Двигатель революции»	Советская	105, 107	–
Пассаж	Трудовая площадь		Площадь 2324 кв. сажени

Среди документов Гомельского горсовета за сентябрь 1924 г., свидетельствующих о результатах проведения строительных работ и протоколов заседаний губисполкома и горсовета, выявлен список улиц Гомеля с перечнем фамилий домовладельцев до 1917 г., которые впоследствии перешли в состав муниципальных домов и пользование представителями органов советской власти. Примечательностью этой информации был тот факт, что в 1924 г. гомельские власти ряд домов называли не по их уличному номеру, а по имени бывшего домовладельца (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Список улиц Гомеля и владельцев зданий

Название улицы	Номер дома	Домовладельцы до 1917 г.
Комсомольская		Слезингар, Эльберт, Хавин, Ловьянов, Шифрин, Лившиц, Гринберг, Дадиомов
Комиссарова		Дрибенцев, Гришнев, Балашов, Аскин
Артема		Шинер, Залесский, Гинзбург, Судник, Плебинский, Максимов, Шевель, Лившиц
Либкнехта		Цирлин, Кублицкая
Липовая		Шур, Радченко
Либовская		Нобель

Название улицы	Номер дома	Домовладельцы до 1917 г.
Ланге	–	Хорошунова, Чикидовский, Майзел, Певзнер
Ленина	20	Портновский
Могилевская	–	Дворкин, Швелев, Цирлин
Трудовая	–	Шнееров, Добкин, Рябкин, Певзнер, Трайнин, Глатман, Соркин, Гуревич, Школьников

Примечание. Улица Либкнехта находилась между ул. Липовой и Ланге [53, л. 32].

Архивные документы подтверждают, что в 1923–1924 гг. пленум горсовета одобрил мероприятия губкоммуноотдела в области передачи части муниципальных домов в Гомеле жилкооперации. Горсоветом было предложено губкоммуноотделу следить за содержанием и ремонтом зданий, переданных жилкооперации. Власти города убеждали жильцов бережно обращаться с вверенным им жильем муниципального подчинения [53, л. 7]. Вместе с тем пленум горсовета издал директиву президиуму горсовета и губисполкома на 1924 бюджетный год выделить максимум средств на строительство в городе, включая мощение улиц и площадей в Гомеле, а главное – это коммунальный порядок в рабочих кварталах. Значительное количество средств должно быть ассигновано на ремонт домов, восстановление разрушенных зданий, ремонт школ и больниц. В 1923 г. состояние жилого фонда в Гомеле выглядело как крайне тяжелое, сказались годы военных лихолетий и послереволюционная разруха. И как следствие этого развился жилищный кризис, который усугублялся постоянным наплывом в город новых жильцов. На основании документов губисполкома за октябрь 1924 г., дома в Гомеле «с времен империалистической и гражданской войн с 1914 г., не ремонтировались, строительство новых зданий не производилось, вследствие чего Гомель приобрел крайне разрушенный вид» [53, л. 49]. Эти причины тяжело отразились на урегулировании жилищного вопроса, количество нуждающихся семейств для предоставления им квартир достигло 3000.

Данные о количестве жильцов, проживающих в разных домах Гомеля на 7 октября 1924 г. [53, л. 21], приведены в табл. 2.5.

Таблица 2.5

Данные о количестве проживающих в домах

Название улицы	Номер дома	Количество проживающих человек в этом доме
Комсомольская	9	3
Комсомольская	43	3
Комсомольская	71	3
Комсомольская	73	2
Комсомольская	101	3
Пролетарская	22	3
Пролетарская	49	4
Трудовая	3	3
Трудовая	13	4
Первомайская	12	4
Первомайская	39	5
Полесская	15	4
Советская	6	3
Угол Советской и Крестьянской	13	1
Советская	30	2
Советская	102	1
Советская	108	3
Крестьянская	21	3
Свердлова	2	4
Свердлова	6	1
Аптечная	33	7
Аптечная	54	4
Почтовая	9	3
Воровского	27	5
Артема	10	5
Герасимовская	–	5
Полевая	72	4
Билецкого	21	3
Красная	11	3
Карповича	26	2
Гомель пассажирский	32	4

Среди исследуемых нами документов внимание привлекло описание обстановки и внутреннего убранства дома, который находился в 1923 г. в пользовании гражданина Нейбаха (И. О. не указаны) по ул. Могилевской, д. 70. Всего в доме было несколько помещений. Это веранда, кухня, проходная комната и другие комнаты, которые в документе не указаны. Из обстановки в доме находились пианино, буфет, раздвижной стол, кушетка простая, простой стол, шкаф, маленький столик, кухонный столик, трюмо, телефонный аппарат, две настольные лампы, восемь мягких стульев, девять простых стульев, гардеробный шкаф, шкаф простой, вешалки, две табуретки, три электрических абажура, одна лампочка электрическая на шнуре, два матраца, кровать никелированная и пружинный матрац [1, л. 9]. Весь этот перечень домашней обстановки свидетельствует о том, что в начале 20-х гг. XX в. некоторые горожане в Гомеле жили вполне в приличных условиях, существовала городская культура. Достаточно интересной с точки зрения городской топонимики является информация, как давно были построены отдельные дома гомельчан, где в 1925 г. располагались некоторые учреждения административного значения (табл. 2.6 и 2.7).

Таблица 2.6

Данные о расположении некоторых частных домовладений
[56, л. 1 об. – 20], [55, л. 20 об., 4 об., 46–47, 51 об., 52]

Фамилия владельца дома	Название улицы	Номер дома	Год пост- ройки дома	Площадь дома, материал изготовления
Шабуневский С. Д.	Советская	15	1911	125,4 м ² , дерево
Мандрикин (И. О. не указаны)	Рогачевская	2	1900	–
Борковская П. И.	Рогачевская	5	1826	84 м ²
–	Рогачевская	23	1826	80 м ²
Щекудов Г. Ф.	Плеханова	–	1840	67 м ²
–	Набережная	8	1841	–
–	Набережная	13	1850	–

Данные о расположении городских учреждений
[55, л. 1, 5 об., 13 об., 19 об.], [56, л. 12 об. – 13, 13 об., 14, 18 об. – 19]

Название учреждения	Название улицы	Номер дома	Год постройки дома	Количество квадратных метров
Гомельская община евангелистов	Рогачевская	–	–	–
Автобелпромторг	Полесская	–	1887	–
Национальное правление западных железных дорог	Демьяна Бедного	17	1898	115 м ² , дерево
Губком и общежитие	Советская	18–20	–	350 м ² , камень
Санитарная станция, при ней сарай, ледник, конюшня	Советская	–	–	–
Жилтоварищество имени Фрунзе	Советская	33	–	99 м ² , камень
Губземуправление и Черепичный завод	Л. Толстого	–	–	– дерево

В качестве примера описания улиц Гомеля с указанием даты постройки расположенных на ней домов приведена старинная ул. Крестьянская. В 1925 г. перечислены списки 32 домовладельцев. Самые ранние постройки по имеющимся документам их владельцев относились к 1840, 1850, 1865, 1875 гг. Или как заявил домовладелец Ш. И. Бирбраер, он не знает, когда был построен его дом, поэтому в документе вместо даты стояла пометка «давно построен». С такой же пометкой «давно» указан дом Р. С. Старосельского. На улице Крестьянской в конце XIX – начале XX в. возводились новые многоквартирные дома, на местах снесенных ветхих домов. Кроме домов частных владельцев на ул. Крестьянской было четыре здания, в которых располагались городские учреждения [57, л. 16 об., 17, 20].

Приведенная информация позволит исследователям успешно изучать городскую топонимику (это место городской застройки) как в указанную эпоху, так и в другие периоды истории Гомеля.

Глава 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОМЕЛЕ в 1918–1924 годы

3.1. Гомельские курсы продовольственных работников в 1920 году

Глубокий продовольственный кризис требовал от работников советской распределительной системы высокого уровня знаний в области учета и норм потребления продуктов питания, которых, как видно из документов, для отдельных категорий населения было предостаточно. Об обеспечении продовольственным пайком работников образования свидетельствует документ, составленный 30 декабря 1919 г. Из его текста следует, что Гомельский Губернский продовольственный комитет в лице его председателя товарища Х. Пестуна и Гомельский Губотдел народного образования в лице заведующего подотделом снабжения товарища С. Мисько заключили договор, на основании которого Губпродком брал обязательство отпускать Губнаробразу продукты для обеспечения администрации Губнаробраза и учителей Гомеля. О том, какие продукты предполагались к выдаче, указано в табл. 3.1.

Таблица 3.1

**Сведения о продуктах для обеспечения администрации Губнаробраза
и учителей Гомеля [31, л. 13]**

Наименование продуктов	Количество в пудах	Приблизительные цены	Сумма, руб.
Картофель	6000	85	510 000
Мука ржаная	5000	90	450 000

Окончание табл. 3.1

Наименование продуктов	Количество в пудах	Приблизительные цены	Сумма, руб.
Грибы сушеные	100	3000	300 000
Фрукты сушеные	100	6600	660 000
Капуста квашеная	200	260	52000
Варенье	350	1400	490 000
Мед	50	3600	180 000
Крупа перловая	300	110	33 000
Крупа гречневая	250	140	33 000
Мануфактура	101,88	25	254 000
Кожа юфть	112	2000	224 000
Галоши	1000 пар	240	240 000
Тетради	250 000 штук	1000	250 000
Бумага	158 пудов	800	125 400
Карандаши	50 грифелей	400	20000
Сахар	400	300	120 000
Соль	50	60	3000
Чай	25	20000	500 000
Кофе	50	1600	80 000
Повидло	250	1400	350 000
Монпансье	–	–	122 500

Положение о продовольственных курсах при Гомельском Губ-продкоме, как видно из текста документа, составлено в промежутке между 17 апреля и 31 декабря 1920 г. О деятельности этих курсов известно следующее: учреждаемые временные продовольственные курсы при Гомельском Губпрофкоме имели своей целью подготовить кадры, работников и теоретиков продовольственного дела, знакомых с теоретическими основами строительства пролетарского государства. Продолжительность курса была рассчитана на 1–2 месяца. На курсах проводились теоретические и практические занятия, а также устраивались экскурсии. Преподаваемые на курсах предметы охватывали следующие циклы: политико-экономический; социально-продовольственный. Основными предметами, которые изучали курсанты, были: 1. Основные черты организации капиталистического и пролетарского государства. 2. История рабочего движения на Западе и в Америке.

3. История Российской революции, ее этапы и особенности, 4. Конституция РСФСР. 5. Насущные хозяйственные задачи РСФСР. 6. Национализация, социализация и коммунизация хозяйств и торговли. 7. Продовольственная политика Царского Временного и Коалиционного Правительства России. 8. Советская продовольственная политика. 9. Общественно-экономические основы Кооперативного движения. 10. Участие кооперации в продовольственной работе. 11. Транспорт и его значение в продовольственном деле. 12. Статистические методы и их значение в продовольственном деле. 13. Отбор кустарной промышленности и ее роль в продработе. 14. Организация продорганов, принципы и порядок их формирования. 15. Военно-продовольственное и железнодорожное снабжение. 16. Учет сельских и городских промышленных хозяйств (значение, причины, техника, учет). 17. Заготовка нормированных товаров и продуктов, способы и техника заготовки. 18. Заготовка ненормированных продуктов, способы и техника ее ведения. 19. Заготовка монопольных продуктов промышленного производства, способы и техника ее ведения. 20. Заготовка немонапольных продуктов и предметов промышленного производства. 21. Мельничное дело, помольный сбор, контроль помола [79, л. 5]. 22. Сыпучие продукты, оборудование и приемка, хранение и выдача их. 23. Организация складов, оборудование и приемка, приемка и выдача товаров и продуктов со склада. 24. Транспортирование грузов гужевым, водным и железнодорожным путем. 25. Распределение, способы составления планов снабжения продуктами питания и карточная система. 26. Система счетоводства и финансовый контроль. 27. Участие рабочих в продовольственном деле, значение и формы участия. 28. Система делопроизводства продорганов, контроль за исполнением работ.

Из содержания докладов о деятельности продработников и организации учебных курсов известно следующее: курсы рассчитаны на 100 действительных слушателей. Слушателями курсов принимались лица обоего пола с хорошей грамотностью. Набор слушателей производился посредством делегирования лиц компартией, совпрофсоветами «продорганов». В число слушателей курсов могли быть также зачислены желающие слушать курс, члены и служащие вышеуказанных организаций. Число слушателей устанавливалось исходя из размеров помещений. Данные курсы способствовали повышению политической и социально-экономической грамотности ответственных работников советских партийных органов. Находились курсы по сле-

дующему адресу: почтовый Гомель, Губпродком, продовольственные курсы. В период прохождения курсов действительные слушатели получали содержание, а приезжающие – только суточные. При курсах было общежитие с утренним и вечерним чаем, дневной обед выдавался в «советской столовой», получение его курсантам гарантировалось.

Ответственным распорядителем курса являлся заведующий курсами, назначенный губпродкомиссаром, к которому надлежало обращаться за всеми справками [79, л. 5 об.].

После окончания теоретических и практических лекций были проведены экзаменационные испытания по отдельным дисциплинам.

3.2. История Гомельского электротехнического техникума в 1918–1921 годы

Актуальность данной темы заключается в том, что по истории электротехнического техникума в Гомеле за период 1918–1921 гг. нет таких полномасштабных исследований, где была бы отражена учебная и преподавательская деятельность его учащихся и педагогов. Ознакомившись с архивными источниками по истории этого учебного заведения, мы можем свидетельствовать о том, что некоторые его документы просто заслуживают того, чтобы на них обратили внимание историки и краеведы.

Об открытии в Гомеле данного учебного заведения сведений вполне достаточно. Основной информационной базой для получения источниковедческого материала стал Фонд № 96 Государственного архива Гомельской области. Данный фонд представлен большим количеством единиц материалов хранения, что позволило составить представление об истории этого технического учреждения образования, которое начало свою работу в условиях гражданской войны, экономического хаоса, эпидемий и голода.

Сведения о месте нахождения техникума достаточно разрозненны и противоречивы, поскольку отсутствует в документах его точный адрес. Однако из тех данных, которые нам оказались доступны, удалось выяснить следующее: техникум в Гомеле был открыт в 1918 г. (точная дата в документах не указана). Из заявления бывшего слушателя В. Ф. Наумова, желающего продолжить обучение с 2 декабря 1920 г., видно, что он состоял слушателем «с самого основания техникума в г. Гомеле – с 1918 г.» [38, л. 105]. О месте нахождения техникума в 1918 г. свидетельствует еще один документ. Это открытое

письмо на почтовой открытке, отправленное из канцелярии слушателя техникума. Содержание этого документа гласило следующее: «руководство техникума приглашает Вас явиться в канцелярию в здание Гомельского среднетехнического училища возле вокзала с 5 до 7 ч вечера не позже...». Адресату следующего послания Петру Ивановичу Лаздину предлагалось иметь при себе подобное открытое письмо, где стояла подпись секретаря техникума и число – 18 декабря 1918 г., Гомель [36, л. 36]. На обратной стороне этой открытки надпись с указанием: г. Гомель, здание среднетехнического училища и указан номер телефона техникума – № 335. Эта информация дает надежду найти точный адрес электротехнического техникума, где в декабре 1918 г. уже работали архитектурно-строительное, землемерное, электротехническое и химико-агрономическое отделения [36, л. 36 об.]. Примечательностью этого письма-открытки было то, что на ней оказалась наклеена почтовая марка с надписью «Украинская народная Республика» и помещен герб в визе трезубца. Однако другой документ дает совсем иную информацию, что затрудняет поиск ответа на вопрос о точном месте нахождения электротехнического техникума в Гомеле. Из протокола заседания учебного совета техникума видно, что он располагался в здании бывшей учительской семинарии, документ датирован 4-м маем 1920 г. [38, л. 57, 205, 206]. Возможно, техникум в это здание был переведен позже. Под учительской семинарией в до-революционной России подразумевалось среднее специальное учебное заведение, где готовили преподавателей начальной школы. В ходе длительных поисков, которые новой информации не дали, пришлось обратиться к плану Гомеля 1910 г., составленному Онисимом Фомичем Щекудовым. Среди перечня объяснений к плану города топонимического указателя с учительской семинарией не обнаружено. Таким образом, мы видим, что в 1918/1921 учебных годах постоянного места нахождения у техникума не было. На основании обращения администрации техникума в Губнаробраз понятно, что была просьба предоставить помещение, где можно будет наладить работу техникума. «Поручить научно-учебной секции к 16 августа 1920 г. составить план приема слушателей на текущий учебный год, а учебные занятия начинать не раньше как с 15 сентября» [38, л. 51].

О том, что техникум работал в период нахождения в Гомеле немецких кайзеровских войск, свидетельствуют заявления абитуриентов. Содержание прошения, составленного Г. С. Мигай 17 октября 1918 г. на имя «Господина Директора Техникума», следующее: «Имею честь

покорнейше просить Вас о принятии меня слушателем вверенного Вам Техникума на Архитектурно-строительное отделение». К прошению прилагалось свидетельство об окончании Гомельского технического железнодорожного училища и метрическая выписка, а также указан домашний адрес: г. Гомель, ул. Владимирская, 61 и подпись просителя. В верхнем левом углу заявления стоит разборчивая запись красивым карандашом: «Зачислить на Архитектурно-строительное отделение с оплатой 25 рублей» и дата – 12 декабря 1918 г. [32, л. 1]. Есть также заявление Г. Хрычикова, в котором он сообщает о себе, что поступил в техникум слушателем дорожного отделения в 1918 г., предоставив все требуемые документы по распоряжению немецких властей. Однако из-за жестокой оккупации города немецкими властями был вынужден покинуть Гомель, прервав обучение в техникуме. В заявлении этого абитуриента от 27 августа 1920 г. указано, что он, Г. Хрычиков, в 1919 г. был мобилизован советской властью и отправлен на польский фронт, а после демобилизации с военной службы состоял на технической должности при Гомельских мастерских. Для пополнения знаний посредством специального образования этот гражданин просит зачислить его слушателем механического отделения. На это прошение администрация техникума постановила следующее: «Допустить на первые специальные испытания» [38, л. 6].

Как свидетельствует документ от 20 декабря 1918 г., возглавлял техникум в то время директор. Предполагается, что в этот период, очевидно, происходит его замена, и это можно видеть по имеющимся подписям на документах от 11 марта 1919 г., где расписывается уже другой человек [33, л. 11, 15]. Работой всего учебного заведения руководили члены коллегии техникума, они выполняли административные функции, осуществляли руководство имеющимися на тот момент отделениями техникума [39, л. 5]. На дату 7 июня 1919 г. там были следующие отделения: дорожное, архитектурно-строительное, электро-техническое и землемерное [34, л. 5]. Поступать на подготовительное отделение 1-го и 2-го семестров (как указано в документе), могли юноши в возрасте с 14 лет, на специальные отделения – с 16 лет [38, л. 53]. Разбирая документы канцелярского делопроизводства техникума, автор выявил конкретный факт нововведениях советской власти. На листе с машинописным шрифтом, составленным в марте 1919 г., отсутствует буква Ъ (ять), а на печати техникума она сохраняется, что видно на изображении «техникумъ» [33, л. 11]. Можно делать вывод о достаточно напряженной работе канцелярии техникума на основании фрагментарных сведений, которые свиде-

тельствуют о том, что за период с 11 марта по 2 ноября 1919 г. было зарегистрировано 687 документов разного содержания. Это свидетельствует о активной работе техникума даже в разгар гражданской войны в России [33, л. 12]. Подпись секретаря канцелярии уже тоже другая. Надо полагать, что представители новой власти заменили человека, исполнявшего работу мелкого клерка.

О руководстве системы образования в Гомеле в конце зимы 1919 г. удалось выяснить совсем немного. Как видно из документов, в это сложное время во главе аппарата управления народным образованием находились: заведующий отделом народного образования товарищ Драгунский, заведующий школьным подотделом товарищ Боборикин, помощником у него состоял Стандровский (И. О. не указаны). Секретарем школьного совета отдела народного образования в Гомеле 19 февраля 1919 г. был известный краевед и историк протоиерей Федор Жудро, который до 1917 г. состоял на должности законоучителя гомельской гимназии [37, л. 32 об.]. Фрагменты архивных источников позволяют нам увидеть, кто возглавлял в этот период педагогический совет в Гомеле: это были П. Голубев, В. Беневоленский, А. Бирюкович, А. Михайлов, К. Д. Иванов, В. Блок, А. Попов, М. Лившиц, М. Байбаков, Л. Преображенский и Кемарский (фамилия последнего без инициалов) [37, л. 35].

Преподавание дисциплин проходило в крайне сложных условиях, когда ощущалась нехватка денежных средств, инвентаря, оборудования, учебной литературы. На заседании коллегии Гомельского электротехнического техникума от 13 января 1920 г. было заслушано выступление товарища И. Б. Будыко о необходимости выделения Губотнаробразом нужной суммы для приобретения книг для технической библиотеки и разного оборудования для лабораторий на общую сумму 500 000 руб. По итогам заседания было принято решение просить декана электротехнического отделения инженера П. С. Харченко съездить в Киев и Харьков для приобретения технической библиотеки и необходимого оборудования [38, л. 70].

Среди документов разного содержания был выявлен список сотрудников техникума с указанием их фамилий и должностей за июнь–июль месяцы 1920 г. [40, л. 2 об.]:

1. Кох Карл Карлович. Заведующий архитектурно-строительным отделением, он же председатель коллегии техникума и член научно-технической секции.

2. Животовский Тимофей Алексеевич. Заведующий механическим отделением, он же член научно-технической секции.

3. Некрасов Сергей Федорович. Заведующий отделением путей сообщения.

4. Харченко Петр Степанович. Заведующий электротехническим отделением.

5. Жарин Валентин Иванович. Заведующий землемерным отделением (очевидно, бывшее химико-агрономическое).

6. Смирнов Иван Николаевич. Заведующий подготовительным отделением, он же член научно-технической секции.

7. Осипович Алексей Макарович. Ассистент механического отделения, он же член хозяйственно-административной секции.

8. Лиодт Владимир Николаевич. Ассистент землемерного отделения.

9. Огнев Дмитрий Федорович. Ассистент подготовительного отделения.

10. Коваленко Онисим Фомич. Член хозяйственно-административной секции.

11. Оскерко Владимир Павлович. Член хозяйственно-административной секции.

12. Панов Сергей Николаевич. Член секции социального обеспечения.

13. Шестаков Алексей Константинович. Член секции социального обеспечения [40, л. 2 об.].

14. Костылев Афанасий Евстафович. Член секции социального обеспечения.

15. Петров Борис Сергеевич. Секретать.

16. Сохранова Анна Матвеевна. Делопроизводитель.

17. Воробьева Ольга Петровна. Машинистка.

И три сторожа: Ващенко Герасим Николаевич, Ващенко Мария Павловна и Парницкая Елена Николаевна [40, л. 3].

Определенный интерес вызывает система оплаты труда преподавателей и сотрудников техникума. Как видно из текста документа о Положении на оплату труда сотрудников специальных учебных заведений, с 15 июня по 1 июля 1920 г. выдача содержания служащим уже Гомельского Пролетарского техникума (как в документе) по учебно-административной части и канцелярии составила 36 608 руб. Этот финансовый документ подписан председателем коллегии техникума К. Кохом, членом коллегии И. Смирновым, скреплен круглой печатью [40, л. 2].

Что представляла собой заработная плата работников техникума, можно узнать из списка, представленного в табл. 3.2 [40, л. 2 об., 3].

Таблица 3.2

Информация о заработной плате работников

Ф. И. О.	Занимаемая должность	Ежемесячный оклад	10%-я прибавка	Всего в месяц	Причитается за время с 15 июня по 1 июля 1920 г.; очевидно, аванс
Кох К. К.	Зав. архитектурно-строительным отделом	3600	360	3960	1980
Смирнов И. Н.	Член коллегии	3600	360	3960	1980
Лиодт В. Н.	Ассистент	3400	340	3740	1870
Огнев Д. Ф.	Ассистент подготовительного отделения	3100	310	3410	1705
Кох К. К.	Член научно-технической секции	3400	340	3740	935
Костылев А. Е.	Член секции социального обеспечения	3100	310	3410	1705
Петров Б. С.	Секретарь	3000	300	3300	1650
Сохранова А. М.	Делопроизводитель	2700	270	2970	1485
Воробьева О. П.	Машинистка	2200	220	2420	1210
Ващенко Г. Н.	Сторож	1620	162	1782	891

Завершение 1920 учебного года в Гомельском техникуме обсуждалось на заседании объединенного совета, который проходил 2 июля 1920 г. В обсуждении этой темы на повестку дня был вынесен вопрос о завершении учебных занятий на всех отделениях до 10 июля. Проведение экзаменов с 12 по 15 июля текущего года назначалось по таким предметам, как алгебра, геометрия, тригонометрия, а с 16 по 17 июля – по начертательной геометрии.

Также было решено назначить время для проведения зачета по математике для всех слушателей старшего подготовительного отделения – до 10 июля, а зачеты по географии, русскому и немецкому языкам старших отделений перенести на следующий семестр. Зачет же по естествознанию отложить на вторую половину августа [38, л. 44].

Из протокола заседания объединенного совета техникума от 2 августа 1920 г. видно, то что высшее руководство техникума поручило В. В. Жарину, заведующему землемерным отделением, расширить это подразделение для увеличения количества слушателей и составить специальную докладную записку с изложением в ней выработанной программы действий. В. В. Жарин был обязан составить список необходимых инструментов для обеспечения им дополнительного количества слушателей этого отделения и просить у Губнарообра кредит для покупки инвентаря и оборудования, необходимого в учебном процессе [38, л. 53]. Тем временем, с 1 сентября 1920 г. Совет техникума постановил упразднить отделение вольнослушателей на подготовительном отделении техникума [38, л. 53].

О том, какие дисциплины преподавались в электротехническом техникуме, свидетельствуют еще несколько документов. Как было уже отмечено выше, в конце 1919 г. в учебном заведении были следующие отделения: архитектурно-строительное, дорожное, землемерное и подготовительное. Преподавались следующие дисциплины: алгебра, геометрия, арифметика, геодезия, физика, тригонометрия, русский язык, архитектурное дело и начертательная геометрия [35, л. 1]. Упомянут в документах был полный курс аналитической геометрии, составленный автором Свентицким [35, л. 112]. Предмет графических искусств преподавал гомельский художник Мальцев, он работал в техникуме с апреля 1920 по апрель 1921 г., и как указано в документе: «Обязанности свои нес аккуратно с полным знанием дела» [38, л. 110].

Архивные документы показывают, каким было начальное образование, и какими видами трудовой деятельности занимались лица, поступившие в данный техникум. При поступлении в техникум 23 августа 1920 г. в анкете личных данных абитуриент Мороз Давид, проживающий в Гомеле по адресу: ул. Садовая, д. 24, сообщает, что его образовательный ценз составляет три класса Гомельского коммерческого училища [38, л. 74]. Из предъявленного в коллегия техникума удостоверения видно, что этот молодой человек обучался в бывшем Коммерческом училище и выбыл из этого учебного заведения в связи с его закрытием в 1919 г. Подтверждающий документ составлен на бланке Исполнительного комитета Гомельского совета, где указан Гомельский уездно-городской отдел народного образования. В условиях преобразований советской власти новую профессию вынужден был получать и Михайло Клиндухов, который 6 августа 1920 г. написал заявление в техникум с просьбой о зачислении его на

старшее подготовительное отделение. В заявлении он пишет, что является выпускником Гомельского Духовного училища, к поданному заявлению он приложил билет, выданный правлением бывшего Духовного учебного заведения за № 235. Из личных документов еще одного ученика 3-го класса Гомельского Духовного училища Георгия Гринева, решившего поступать в электротехнический техникум, видно следующее: 24 января 1919 г. на бланке с указанием – Правление Гомельского Духовного училища за № 3 – стоит круглая печать с изображением двуглавого орла. Закрытие этого учебного заведения способствовало переходу учащихся в другие учебные заведения Гомеля [38, л. 205, 206].

В ходе длительного рассмотрения архивных документов было выявлено еще одно направление по изучению вопросов биографий и уровня образовательного ценза абитуриентов. Из чего видно, что 3 сентября 1920 г. правление Всероссийского союза рабочих металлистов Гомельского районного отделения направляет на учебу в Гомельский электротехнический техникум товарищей М. Гуревича и Х. Мевровича с просьбой зачислить их на I подготовительное отделение без экзаменов [36, л. 31]. Из заявления от 15 августа 1920 г. поступающего в техникум С. Городецкого, проживающего в Гомеле на площади Билецкого, видно, что он окончил пять классов Гомельского коммерческого училища и просит совет техникума принять его в число учащихся [38, л. 15]. Этот абитуриент к своему заявлению приложил билет за № 338, где сказано что он являлся учеником 6-го класса восьмиклассного коммерческого училища Д. Д. Струнина и Л. А. Литвинова в г. Гомеле. Подпись директора неразборчива, с пометкой: «данный документ сохраняет силу до 15 сентября 1919 г.» [38, л. 16]. К заявлению на поступление в техникум абитуриент М. К. Жук приложил билет ученика IV класса Гомельской гимназии; этот билет сохранял свое действие до 1 сентября 1919 г., что было заверено директором гимназии [38, л. 30–32 об.]. В билете ученика гимназии были описаны правила поведения детей вне учебного заведения. На улице ученик должен проявлять приветствие перед начальственными лицами. Одежда учащихся должна быть внешне скромной без излишнего щегольства. Не допускалось ношение украшений в учебные дни до 9 ч вечера, а в праздничные дни и в каникулярное время – до 10 ч вечера. В праздничные и воскресные дни с разрешения учебного начальства ученики могут посещать театры, представления, концерты, выставки, лекции, кинематограф, ледовый каток. Вместе с тем уча-

щимся строжайше запрещалось посещать оперетки, фарсы, смешанные представления в кинематографах, маскараде, клубе, танцклассы, рестораны, трактиры, кофейни, бильярдные, пивные и винные лавки и другие увеселительные места, пребывание в которых являлось предосудительным. В часы учебных занятий учащимся воспрещалось бывать на улицах, площадях, бульварах и парках [38, л. 33, 34, 34 об.]. Информацию о преподаваемых дисциплинах в Гомельской мужской гимназии можно узнать из приложенного аттестата зрелости и заявления на поступление в электротехнический техникум И. Ф. Головнева, 1899 г. рождения, который в 1909 г. поступил, а 2 марта 1918 г. окончил Гомельскую гимназию. В перечне изученных им дисциплин указаны следующие: Закон Божий, русский язык и церковная словесность, философская пропедевтика, латинский язык, математика, география, физика, история, законоведение, французский и немецкий языки. В конце аттестата было написано: «Принять во внимание постоянно отличное поведение и прилежание и отличные успехи в науках, в особенности в математике». Педагогический совет постановил наградить И. Ф. Головнева серебряной медалью [37, л. 35]. Из документов, подаваемых в Гомельский электротехнический техникум, видно, что К. В. Мигай, 1898 г. рождения, обучался в Гомельской гимназии с 1917 по 26 января 1919 г. Этот абитуриент являлся членом профсоюза с декабря 1919 г. Из документов, поданных в техникум 9 сентября 1920 г., ясно, что абитуриент М. А. Баранов проходил обучение в Гомельской гимназии для взрослых в 1918 г. (как было указано в документах), где окончил 5 группу 6 класса. Из дополнительной записи, сделанной в этом документе выцветшими чернилами, видно, что гимназия для взрослых преобразована в Первую вечернюю школу второй ступени [36, л. 20]. Среди большого массива разнообразной информации, которая была представлена в заявлениях и прилагаемых документах абитуриентов при подаче в техникум, следует отметить перечень изучаемых дисциплин в Гомельской частной смешанной гимназии Гуревича и Лейба в 1918 г. Это «Закон Божий, русский, латинский и греческий языки, арифметика, алгебра, география, история, логика, немецкий и французский языки, рисование, чистописание, естественная история и рукоделие» [38, л. 84]. Из сведений об успеваемости абитуриента И. Муравчика за 1918–1919 гг. видно, что в этот период в Гомеле еще продолжала работать частная мужская гимназия А. Е. Раткера. В 1918 г. в этом учебном заведении еще учились по старым дореволюционным программам [38, л. 214–215]. О высоком

уровне подготовки абитуриентов, поступающих в техникум, свидетельствует информация, которую представил в своих документах выпускник Гомельского восьмиклассного коммерческого училища Д. Д. Струнина и Л. А. Литвинова за 1918 г. В его выпускных документах об образовании приведены сведения об успеваемости по следующим предметам: «Закон Божий, русский, немецкий, французский, английский языки, история, география, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, природоведение, естествоведение, физика, космография, каллиграфия, химия, товароведение с технологией, политическая экономия и финансовое право, история торговли, законоведение, коммерческая арифметика, бухгалтерия и коммерческая корреспонденция на русском, французском и немецком языках» [38, л. 209, 209 об., 210]. С просьбой зачислить его в состав учащихся техникума подал заявление и бывший студент Екатеринославской технической академии Б. Е. Бируков, который вследствие начавшейся оккупации г. Екатеринослава переехал в Москву, но из-за болезни (очевидно, тифа) был вынужден вернуться в Гомель, где желал продолжить получение технического образования. К заявлению были приложены студенческий билет, командировка в Москву и свидетельство от врача о болезни, датирован документ 16 ноября 1920 г. [37, л. 62]. Или, к примеру, о зачислении слушателем механического отделения Гомельского техникума свидетельствует рассмотренное заявление от 21 апреля 1921 г., в котором сказано, что студент Московского политехнического института С. А. Гандин просит принять его в техникум. А, например, в октябре 1920 г. правление Гомельского завода сельскохозяйственных орудий, расположенного в Новобелице, направляет товарища М. А. Баранова на учебу в техникум, который проработал на заводе в разных должностях – от техника заводского технического отдела до мастера кузнечного цеха. В направлении сказано, что «при выполнении вышепоименованных обязанностей он проявил старание и отличную техническую подготовку» [36, л. 21]. Также указано, что М. А. Баранов проектировал 110-вольтовую электрическую станцию с сетью и составлял смету для оборудования и проекты по установке станков и трансмиссии. Рекомендательные документы были подписаны управляющим заводом инженером Кириным и бухгалтером Ларионовым (И. О. не указаны).

Из ходатайства о зачислении в Гомельский техникум на архитектурно-строительное отделение от 13 декабря 1918 г. видно, что абитуриент А. Е. Пелерман именует себя как мещанин, а в обраще-

нии к директору употребляет слово «господин». В прошении, составленном этим абитуриентом, сказано: «Желаю определится в открывшийся Вами техникум, прошу определить меня на электротехническое отделение в качестве слушателя», и как тут видно, этот молодой человек указал сначала одну, а затем другую специальность. К заявлению он приложил документ о его обучении в Гомельской гимназии для взрослых, плату за полугодие 1918 г., членский взнос – 25 руб. и метрическое свидетельство, выданное Гомельским общественным раввином, в котором указано, что А. Е. Пелерман родился 5 июня 1901 г.: «акт о сем записан в метрической тетради о родившихся евреях в г. Гомеле за 1901 г. под № 191 в мужской графе» [10, л. 1, 16]. До революции копии документов о рождении детей заверялись гомельским нотариусом В. М. Плаховым.

О прохождении зачетов в техникуме можно получить представление, исходя из информации от 12 июня 1919 г. Очевидно, это было объявление для учащихся архитектурно-строительного отделения, где указано следующее: «для получения зачета по геодезии в текущем семестре и допуска к производственной летней практике необходимо представить чертеж, и только потом учащиеся могут обратиться за получением зачета. Задание можно получить ежедневно в часы лекций» [35, л. 2]. Результаты зачета по геодезии выглядели следующим образом: в группе дорожного отделения из 10 человек были получены следующие результаты: «пять человек – хорошо, весьма – один человек, удовлетворительно – один человек», что заверено подписью преподавателя геодезии.

О прохождении летней практики учащихся всех специальностей техникума есть информация от 19 июня 1919 г., что учащиеся были «приравнены к ученикам мастера с окладом 24 рубля в сутки» [34, л. 2]. Местом прохождения практики стали рабочие площадки в Гомеле и его окрестностях. Некоторые студенты, имея возможность проходить практику по месту жительства их родителей, обращались в школьную коллегия техникума (как в документе) для выдачи им специального удостоверения [33, л. 496].

Из доступных нам сведений известно, что в мае 1921 г. совет техникума обратился в Губпрофсорг г. Харькова с просьбой «зачислить в одно из высших технических учебных заведений вашего города учащегося Гомельского электротехнического техникума Б. Т. Цикорина в связи с закрытием техникума в Гомеле» [38, л. 104].

С началом советско-польской войны военная обязанность легла тяжким грузом как на плечи молодых гомельчан, так и всей страны в

целом. Отдельные документы позволили нам увидеть, чем обернулась мобилизация в Красную Армию для некоторых слушателей техникума. Из заявления поступающего в техникум товарища М. Хайкина, проживающего в Гомеле по адресу: ул. Советская, д. 137, видно, что этот молодой человек получил удостоверение, свидетельствующее о том, что он еще в сентябре 1920 г. проходил военную службу в 971-м полевом запасном госпитале в качестве санитаря, на штампе госпиталя указан г. Гомель. И в своем заявлении М. Хайкин просит зачислить его слушателем в техникум, принимая во внимание период его службы в армии [37, л. 32–33].

Из заявления бывшего слушателя М. А. Этитейна, проучившегося в техникуме три семестра, видно, что он обратился в учебный совет с просьбой восстановить его в списках учащихся на тот же семестр. Причину своего отсутствия он объясняет тем, что его мобилизовали в XII армию как специалиста по токарному делу. В качестве подтверждения о мобилизации проситель предъявил удостоверение от 25 ноября 1920 г. [37, л. 60]. Этот учащийся техникума, 1900 г. рождения, был снят с военного учета в связи с большим составом семьи. Далее перечислен возраст членов семьи: отец – 47 лет, мать – 42 года и четыре сестры – 20, 14, 12 и 7 лет. Являясь единственным сыном, он освобождался от призыва на военную службу [37, л. 66]. Вместе с тем этот же учащийся после выздоровления от тифа получил от администрации техникума командировочное удостоверение для отправки его в Москву для продолжения получения образования [37, л. 64].

На основании прошения Гомельского Губвоенкома за № 16162/м от 26 ноября 1919 г. освобождению от службы подлежали слушатели техникума, которые не окончили школу II ступени. Кроме того, все слушатели техникума освобождались от очистки снега, путей сообщений и заготовки лесных материалов по линии мобилизации нетрудового населения [33, л. 2, 2 об., 5, 6 об.].

В следующем документе мы находим информацию о том, что товарищ Л. Красильщик получил отсрочку от призыва в армию. Из удостоверения на отсрочку от 10 ноября 1920 г. видно, что названный гражданин находился в группе призывников, для которых подошел возраст для призыва. Но возник вопрос о необходимости ему дать отсрочку. Такая постановка вопроса была выдвинута представителями специальной комиссии в уездвоенкомате. При наличии документа об отсрочке этот гражданин мог рассчитывать на зачисление его в списки слушателей техникума [37, л. 28].

О невозможности сдавать зачет в техникуме по причине мобилизации товарища Каплана (И. О. не указаны) свидетельствует соответствующий документ. Он был составлен на бланке с печатью, без числа, указан только декабрь 1920 г., внизу подпись составителя. Данный документ поступил из канцелярии с указанием «Гомельский Губернский Совет Народного Хозяйства» (название как в оригинале). Надпись на документе гласит: «Составлена справка на товарища Каплана, делопроизводителя инструктора организационного отдела Губодежды в том, что он был мобилизован отделом для срочного составления смет». Именно это обстоятельство повлияло на то, что Каплан не мог сдавать зачеты в техникуме [37, л. 37].

Данные относительно материальной поддержки учащихся техникума представлены в документе от 3 октября 1919 г., составленном членами очередного заседания секции социального обеспечения и труда при электротехническом техникуме. Был заслушан вопрос о выдаче ежемесячного пособия беднейшим учащимся. В ходе обсуждения ряда вопросов постановили: «Принимая во внимание, что из общего числа 600 слушателей техникума 200 человек находятся в настоящее время в крайне тяжелом материальном положении и не в состоянии продолжать дальнейшее образование без помощи со стороны Республики...» [41, л. 4]. Администрацией техникума было принято решение просить коллегия отдела народного образования отпустить необходимую сумму – 360 000 руб. за октябрь–декабрь 1919 г. для материальной поддержки учащихся, исходя из расчета – 600 руб. в месяц каждому. Подписан этот документ был председателем секции социального обеспечения техникума Шестоковым и секретарем Душеком (И. О. не указаны).

Еще один документ из Губернского отдела Народного образования от 4 февраля 1920 г. направлялся в коллегия Гомельского техникума. Его содержание гласит: «В ответ на Ваше отношение за № 204 Профтехнический Подотдел Губотнарообраза сообщает, что наиболее нуждающимся слушателям техникума, не находящимся на службе, может быть оказано социальное обеспечение с 1 февраля сего года в размере 1200 руб. в месяц» [41, л. 1]. Профтехнический подотдел просит предоставить требовательные ведомости за февраль 1920 г., причем в ведомости следует внести слушателей, признанных нуждающимися в материальной поддержке. Также все ведомости должны быть подписаны членами коллегии техникума, а о стремлении администрации техникума своевременно осуществлять выплату денег,

свидетельствует следующая информация. В Губернский отдел народного образования в его профтехнический подотдел, комната № 18, представили требовательную ведомость в двух экземплярах на март 1920 г. с указанием необходимой суммы – 136 200 руб. для выплаты стипендий неимущим слушателям техникума [41, л. 2]. Достаточно часто бедность учащихся объяснялась семейными трагедиями, случившимся в их семьях в связи с драматическими событиями гражданской войны. Учащийся Л. Давидов предоставил в администрацию техникума документ от 6 декабря 1920 г., составленный председателем домкома, который удостоверяет, что семья Давидовых в составе семи человек, начиная с марта 1920 г., поочередно переболела сыпным тифом; причем отец и мать умерли и Л. Давидов остался с тремя малолетними сестрами и маленьким братиком один [37, л. 51]. О количестве смертей в Гомеле за первый месяц 1920 г. свидетельствует выписка из Гомельского отдела записей гражданских состояний, которую Л. Давидов предоставил в техникум: «Свидетельство дано сие в том, что гражданка Броха Давидова 46 лет умерла от сыпного тифа в мае 1920 г. в Первосоветской больнице. Акт о смерти записан в метрической книге записей смерти за 1920 год под № 1142» [37, л. 5]. Из документов, оказавшихся доступными в ходе проводимого исследования, видно, что учащиеся техникума могли получить в случае необходимости медицинскую помощь, а если требуется, то и освобождение от занятий. Это понятно на основании справки, выданной доктором Автоновским учащемуся техникума Б. Б. Егорскому, который получил освобождение от занятий 8 ноября 1920 г. сроком на две недели из-за обширного очага в области правого голеностопного сустава.

В завершение следует отметить, что работа электротехнического техникума в Гомеле в 1918–1921 гг. свидетельствует о том, что в данном учебном заведении изначально были сохранены старые дореволюционные учебные планы, а преподаватели использовали прежние учебные методички для подготовки технических специалистов. Все это благоприятствовало интеграции учебного процесса в новую систему советского образования. Можно отметить, что электротехнический техникум в Гомеле работал до 22 апреля 1921 г., и затем был переведен в г. Клинцы [38, л. 110]. Мы пока не располагаем точной информацией о причине закрытия техникума. Это могло быть связано с эвакуацией учреждений.

3.3. Фармацевтическая школа и курсы аптечных работников в Гомеле в 1920–1924 годы

В современной историографии по истории медицины и формации Беларуси практически отсутствуют специальные исследования по теме подготовки специалистов в области фармацевтического производства в Гомеле в первой половине 20-х гг. XX в.

Гомельская губернская фармацевтическая школа была открыта не позднее 5 февраля 1920 г. на базе трехгодичной школы аптечных работников, которая существовала с 1918 г. Местом нахождения школы было здание, расположенное в Гомеле по адресу: ул. Крестьянская, д. 59 или, как свидетельствует указатель на почтовой открытке, «на углу улиц Крестьянской и Замковой» [2, л. 1–1 об.]. Фармацевтическая школа являлась средним профессионально-техническим учебным заведением, целью которого была подготовка квалифицированных работников аптек и среднего технического персонала для фармацевтических лабораторий. Руководство школой осуществлял отдел народного образования Гомельского губисполкома. Продолжительность обучения в школе составляла два года. Преподавание велось по программам, утвержденным Государственным учебным советом. Заведующим школой был в 1921 г. товарищ П. Клинцов, на его имя писали заявления абитуриенты [4, л. 15]. Как свидетельствуют документы за 1922–1924 гг., в это время заведующим школой был назначен товарищ М. В. Быховский, который ранее работал в этой школе фармацевтом, образовательный ценз его в документе не указан. Несмотря на все сложности того времени, в школе был подобран хороший педагогический состав высококвалифицированных специалистов. Отдельные архивные источники сохранили информацию об этих людях. Так, указано, что И. Б. Хейфиц окончил медицинский факультет Юрьевского университета, врач акушер, стаж работы – с 1894 г.; М. С. Гродзенский окончил Московский университет по специальности «химик», стаж – с 1893 г.; Н. А. Хайкин образование получил при Харьковском университете по специальности «фармацевт», стаж – с 1899 г.; Э. Г. Цубина окончила Высшие женские Бестужевские курсы при Петербургском университете, преподавала в школе историю и латинский язык, стаж – с 1914 г. [6, л. 5]. В школе преподавались следующие дисциплины: анатомия человека, физиология, аптечная техника, ботаника, зоология, гигиена общая и профессиональная, история, политэкономия, латынь, математика, подача помощи в несчастных случаях, русский язык, фармакогнозия, фармакология,

фармакология с токсикологией, физика, химия неорганическая и органическая, фармация (все названия предметов переданы так, как указано в источнике) [4, л. 54]. Руководство школы составило график посещения с 6 декабря 1921 г. Первого районного физического кабинета имени Фарадея в Гомеле. Для первой и второй групп учащихся фармацевтических курсов был установлен график посещений этого кабинета: в среду и субботу – с 12.00 до 14.00. Занятия вел заведующий физическим кабинетом врач Иван Иванович Стандровский [14, л. 9].

О том, как проходили выпускные экзамены, свидетельствуют скупые сведения ведомостей. На основании этих документов видно, в какие числа сдавали предметы выпускники фармацевтической школы: 15 августа 1923 г. сдавали гигиену и подачу скорой помощи в несчастных случаях, 18 августа – фармакологию и фармакопею; 21 августа – ботанику; 28 августа – химию. Оценку всем ставили прописью или «удовлетворительно», или «вуд», больше никаких результатов в виде отгестации в баллах указано не было [3, л. 44, 45 об., 46, 27, 48–52]. Известен список членов экзаменационной комиссии фармацевтической школы за 1923 г. Ими были заведующий школой Быховский, а также Лядковский, Стандровский, Хейфиц, Кейлин, Смирнов, Гродзенский, Цубина и Савинский [4, л. 55].

Среди выпускников Гомельской фармацевтической школы были и те, кто поступал на химический факультет Московского университета. Это видно из справки, выданной 8 сентября 1923 г. М. Л. Будянской, в связи с тем, что она сдала согласно учебному плану в школе все зачеты и получила временное удостоверение фармацевта. Из-за отсутствия информации о поступлении в университет М. Л. Будянская опоздала со сдачей вступительных экзаменов и в конечном итоге вернулась домой в Гомель [4, л. 32].

Заработная плата преподавателей и стипендии учащихся, отраженные в отдельных ведомостях, свидетельствуют о том, что «на оплату жалования педагогам и служащим Гомельской фармацевтической школы за декабрь 1922 г. были потрачены следующие суммы денег: заведующий школой М. В. Быховский получил 119 рублей, преподаватель С. Марголин – 166 рублей 60 коп., Э. Г. Цубина получила 97 рублей, преподаватель фармакологии И. Б. Хейфец – 107 рублей» [5, л. 12]. Из требовательной ведомости на выдачу денег стипендиатам фармшколы за март 1924 года было уплачено по 9 руб. каждому. Всего стипендиатов в одной группе числилось 15 человек, а всего в группе было 30 человек [5, л. 57].

Из доклада заведующего Губернской фармацевтической школы товарища М. В. Быховского от 6 октября 1923 г. следует, что за три года работы этого учебного заведения условия ее существования мало изменились. Школа по-прежнему нуждалась в материальном снабжении и обеспечении. Как записано в документе: «случайность финансовых источников, питающих школу, не может создать в этом году обеспеченного материального базиса для ее существования». Школа не имела постоянного учебного корпуса, из-за чего нельзя было наладить качество учебных занятий «и строго выработанного школьного дня». Вспомогательные учреждения школы разбросаны по городу, что сильно отражалось на работоспособности учащихся. Преподаватели из-за низкой заработной платы вынуждены были искать совместительство в других учебных заведениях, а это являлось крупным тормозом в учебно-познавательном процессе и препятствовало новым методам преподавания [1, л. 139].

Касательно уровня теоретической подготовки и социального положения учащихся можно отметить следующее. В Гомельскую фармацевтическую школу все поступающие абитуриенты принимались с базовым образованием. На основании отдельно взятых архивных источников мы видим, что в Гомельский уездногородской отдел здравоохранения 22 декабря 1920 г. поступило заявление от рецептора Ветковской советской аптеки Б. Зеличенок. Поступающая просит зачислить ее слушательницей на первый курс профтехнической школы (такое название имела фармшкола до 1921 г.). О себе абитуриент сообщает, что фактический стаж ее работы – 2 ½ года (как в документе). Образование – 6 классов женской гимназии [4, л. 12]. Из заявления уже упомянутой Мани Львовны Будянской, поступающей в вышеназванную школу 26 февраля 1921 г., видно, что у девушки к этому времени было 4 класса гимназии [4, л. 1]. Поступающая 16 февраля 1921 г. Шейндля Головей из местечка Туров, проживающая в Гомеле по адресу: ул. Ирнинская, д. 35, квартира Шолома Демяховского, сообщает, что ее образовательный ценз составляет восемь классов гимназии [4, л. 6]. Дубровская Сора Моисеевна, проживающая в Гомеле по адресу: ул. Замковая, д. 30, квартира доктора Рубинштейна, просит подвергнуть ее испытанию для поступления в фармшколу. Копию посемейного списка и образовательный ценз за №–146 № 4 прилагает к заявлению [4, л. 11]. Из удостоверения гражданки из местечка Новый Быхов Иды Гершанок видно, что ее на учебу в фармацевтическую школу командирует администрация местного уезда.

«При сем прилагаю метрическое свидетельство, а образовательный ценз доставлю до 8 февраля 1921 года». В заявлении указан адрес проживания в Гомеле: ул. Аптечная № 6, бывший дом Шацова, общежитие фармшколы [4, л. 9–10].

Администрация Губпрофобра 30 июня 1923 г. обращает внимание заведующего Гомельской фармацевтической школой на то, что следует принимать необходимые меры для недопущения массового пропуска уроков учащимися [1, л. 22]. Особенно это следует контролировать после весенних каникул, которые были в школе с 1 по 14 марта 1923 г. Губпрофобр интересовался у заведующего школой, как им было использовано каникулярное время для приведения в порядок инвентаря в мастерских и лабораториях, а также, какие экскурсии были проведены с учащимися [2, л. 51].

Из протокола заседания Губбюро Гомельского Губотдела от 7 апреля 1923 г. видно, что органы местной власти требуют обратить внимание на улучшение социального состава учащихся [2, л. 37]. Можно отметить, что 18 октября 1922 г. учащихся в фармацевтической школы Гомеля было 74 человека, преподавателей – 11, работников администрации – 3 человека и 5 – рабочих. Школа имела опытную аптеку, химический кабинет. Учащиеся могли воспользоваться Первым районным физическим кабинетом, посещать педагогический и санитарный музеи [1, л. 1]. К 6 июня 1923 г. учащихся в фармацевтической школе осталось 45 человек, и они, как сказано в документе: «по своему социальному положению вполне отвечают современным требованиям. А по уровню теоретической подготовки уровень знаний этих учащихся гораздо выше тех, кто поступил в школу в прошлом году» [1, л. 139].

О проводимой идеологической работе, которая велась в фармацевтической школе, можно следить по событиям, связанным со смертью Ленина. В день 21 января 1924 г. работники и учащиеся составили лозунги к плакатам для демонстраций, и смысловое содержание этих метафор явно свидетельствовало об идейности взглядов людей новой эпохи. «Ильич умер, но живо его детище – союз рабочих и крестьян», или, например, такое: «никогда еще после Маркса история недавнего освободительного движения пролетариата не выдвигала еще такой гигантской фигуры, как наш политический вождь, учитель и друг – Ленин» [1, л. 223]. В связи с этим днем можно упомянуть и о сильном морозе, как вспоминала гомельская старожилка Мария Фоминична Бурченко, 1909 года рождения: «когда умер Ленин, холод

был настолько сильным, что люди прямо на улицах жгли костры, ча-сами простаивая на митингах в ожидании новостей из Москвы».

По поводу практики учащихся школы следует сказать, что она осуществлялась в аптеках Гомеля на основании решений фармууправления. В документе сказано: «Гомельская фармацевтическая школа просит распределить согласно прилагаемому при сем списку курсантов выпускной группы вышеозначенной школы по аптекам города Гомеля для практики в течение летнего периода согласно циркуляру Наркомздрава 3 от 29 сего мая за номером 124, зав. школой» [3, л. 37]. В документе Белорусского наркомздрава речь шла о том, что все здравотделы должны предоставить возможность учащимся фармацевтических школ на практике работать в государственных аптеках [3, л. 35].

Иногородние учащиеся обеспечивались общежитием, под которое было переоборудовано здание по Аптечной улице, принадлежащее ранее господину Шацову [3, л. 1]. Организация жизни учащихся в общежитии отражала всю реальную действительность периода начала прошлого столетия. Как свидетельствует документ от 6 декабря 1923 г., общежитием в то время заведовала гражданка Резникова (И. Ф. не указаны) [3, л. 2]. В здании общежития фармацевтической школы было печное отопление, на кухне были установлены варочные печи и самовар [3, л. 8]. Из-за отсутствия водопровода в 1921 г. воду в общежитие привозили водовозы. Оплата за электроэнергию в общежитии за январь 1923 г. составила 511 руб. В январе 1924 г. в общежитие было закуплено две дюжины ложек на сумму 3 руб. 33 коп. и тридцать чайных ложек на сумму 7 руб. 6 коп. [3, л. 23].

Особый интерес по обозначенной теме представляют записи, сделанные административными работниками в хозяйственной книге по фармшколе и общежитию за 1922–1924 гг. В ней отражены различные виды работ и их стоимость, исчисляемая в разных суммах денег, в период проведения финансовой реформы в стране. Кроме того, незначительные, на первый взгляд, короткие эпизоды трудовой деятельности и бытовые отношения коллектива фармшколы ярко иллюстрируют повседневную деятельность гомельчан, которые работали в этом учреждении.

Из имеющейся информации по данному вопросу можно узнать, например, что 25 сентября 1922 г. в графе «расходы» указана сумма в 400 руб., которая была уплачена мастеру за починку самовара в общежитии фармшколы [3, л. 2]. Другому мастеру 18 декабря было уплачено 325 руб. за ремонт весов в школьной аптеке. А за распилил од-

ной сажени дров и очистку труб в печи общежития 8 января 1923 г. трубочисту Ковалеву было уплачено 40 руб. [3, л. 5, 6]. За учебники по фармации 30 января 1923 г. школа уплатила 15 руб. 25 коп. При этом учебные пособия в Гомеле купить было невозможно, для их приобретения 14 января 1923 г. врач Марголин был командирован в Москву с целью «закупки учебных пособий для школы; на их покупку ему было выдано из школьной кассы 800 рублей» [3, л. 6]. Необходимые медикаменты для проведения практических занятий школа приобретала в фармууправлении: 1 февраля 1923 г. за очередную их партию было уплачено 83 руб. 41 коп. [3, л. 7].

Или, например, о стоимости почтовых конвертов за 31 июля 1923 г. свидетельствует запись о том, что для нужд школьной канцелярии было закуплено 100 конвертов на сумму 65 руб. [3, л. 13]. А за стирку девяти медицинских халатов работнице Степановой 30 августа 1923 г. школа уплатила 57 руб. Руководство школы даже проявило заботу о том, чтобы обеспечить преподавательский состав записными книжками, за что было уплачено Полеспечати 20 сентября 1923 г. 780 руб. [3, л. 16].

Для содержания помещения школы в надлежащей чистоте при уборке его использовались дезинфицирующие средства, о чем свидетельствует запись от 11 октября 1923 г.: «Ханиной за один мешок для мойки полов уплатить 250 рублей». Тут же в другой записи от 15 октября говорится о том, что извозчику за доставку досок в общежитие школы надо было уплатить 225 руб. Из этого пиломатериала требовалось осуществить ремонт пола в общежитии. В этот же день в хозяйственной книге была сделана интересная запись о двух червонных рублях, которые приравнивались по новому курсу к 518 руб.: «А. Шур выдать аванс в счет жалования на октябрь месяц 2 червонных рубля по курсу 518». О денежных выплатах рабочему школы Севастьянову от 24 октября 1923 г. сохранилась такая запись: «за 4 рабочих дня по ремонту пола и потолка в общежитии школы нужно уплатить по 41 рублю 90 копеек товарными рублями» [3, л. 18]. Из обращения в фармууправление узнаем, что «22 октября 1923 г. школа заказала химические реактивы, и за их уплату положено уплатить 3 рубля 38 копеек» Тут понятно, что в этот период – 1923 г. – все оплаты осуществлялись в новых, более удобных для взаиморасчетов денонмированных рублях. А вот в записи от 1 января 1923 г. упоминалась сумма – 36 коп. в червонных рублях, равных 250 рублям в совзнаках, предназначенных Хорошину (И. О. не указаны) за починку 2 ведер в общежитии. В записи от 8 ноября 1923 г. сказано, что Ка-

плану (И. О. не указаны) за перевозку из школы в школьную аптеку шкафа заплатили 71 коп. в червонных рублях или 500 руб. в совзнаках. Выписать газету в школу за ноябрь 1923 г. можно было за 1 руб. 50 коп. в червонных рублях или 1207 руб. в совзнаках [3, л. 19].

Также в ходе проведенного исследования было, например, установлено, что дрова для общежития школы 14 декабря 1923 г. были доставлены с берега реки Сож Бинкиным (И. О. не указаны), за что «ему было уплачено 5 руб. 50 коп.», при этом сумма в совзнаках в документах уже перестает фигурировать [3, л. 21]. Дрова в школу доставляли на извозчике из другого склада, расположенного на улице Вокзальной в Гомеле [3, л. 30]. А со склада фармууправления 10 декабря 1923 г. в общежитие школы был доставлен кирпич для ремонта печи. Через 2 дня работающий в общежитии рабочий Севастьянов получил оплату за свой труд за 6 дней – 12 руб. 93 коп. Принимая во внимание эту сумму, можно предположить, что за 24 рабочих дня в месяц рабочий человек мог получить 51 руб. 72 коп. Эта информация свидетельствует о крайне низком уровне жизни простых гомельчан в послереволюционное время. Работа печника, который ремонтировал кафельную печь в общежитии школы 16 января 1924 г., за 2¹/₂ рабочих дня (так было указано в документе) была оценена в 6 руб. 94 коп.

Следует вспомнить о командировке доктора С. Марголина в Москву. Надо полагать, что он, очевидно, съездил вполне удачно, поскольку уже 19 декабря 1923 г. вновь откомандировывается в столицу, на сей раз за химическими реактивами и посудой для химлаборатории. Предназначенная ему сумма для покупок составляла 1300 руб. А для достижения договоренности с московскими поставщиками было истрачено 36 коп. на телеграфные переговоры. С. Марголин вернулся обратно с закупленными товарами на сумму 915 руб. 85 коп., что отмечено в записи от 31 января 1924 г. Дефицитом в тот период в Гомеле была даже бумага для делопроизводства, а ее заказывали для школы из Ленинграда 28 апреля 1924 г. «количеством 144 листа по цене 3,75 копеек за партию» [3, л. 29]. В конце 1923 г. несколько подешевели учебники по фармации, так, за 10 книг по этой дисциплине 27 декабря нужно было уплатить 6 руб. 44 коп. [3, л. 22].

Видимо, в январе 1924 г. в общежитии школы начал работать водопровод, поскольку запись в документе гласит: «заплатить Позину за кран водопроводный в общежитии 2 рубля 50 копеек». А 28 января 1924 г. коменданту общежития товарищу Майзину надо было уплатить за ремонт водопроводной трубы [3, л. 23–24]. Тут же другая за-

пись свидетельствует о том, что, когда умер Ленин, «в лавке № 5 ЦРК 25 января 1924 г. было закуплено 2 аршина сатина для траура на сумму 1 рубль 92 копейки» [3, л. 24]. А для отопления помещений фармшколы и общежития в Гомеле 14 февраля 1924 г. закупили 3 кубических сажени березовых дров [3, л. 25].

К первомайским праздникам 1924 г. в фармацевтическую школу закупили 1 аршин красного сатина для изготовления флага [3, л. 29]. Этот праздник должен был создать хорошее настроение у учащихся и преподавателей школы.

По поводу отдыха и питания преподавателей и учащихся школы в документах сказано о том, что 26 июня 1924 г. заведующий школой М. В. Быховский уехал в отпуск в счет заработной платы за июль месяц, составившей 44 руб. 55 коп. [3, л. 31]. Другой сотрудник уехал в дом отдыха в Ченки [3, л. 32]. В начале сентября 1924 г. в Гомеле начала работать «первая общедоступная столовая, где за 100 обедов для стипендиантов было уплачено 3 рубля 71 копейку. А 18 сентября в первой столовой ЦРК за 300 обедов было уплачено 13 рублей 52 копейки» [3, л. 34].

Причиной закрытия фармацевтической школы в Гомеле в 1924 г., послужило отсутствие денежных средств в местном бюджете. Как сказано в документе: «Фармшколы, лишенные госснабжения, исключаются из местного бюджета». В постановлении Главпрофобра от 19 сентября 1924 г. указывалось, что «ввиду недостатка Центральными Государственными средствами, на Госбюджете оставлено крайне большое число техникумов и в том числе семь фармацевтических школ в Ленинграде, Москве, Воронеже, Ростове-на-Дону, Перьми, Томске и Смоленске» [46, л. 2]. Фармшколы, лишенные госбюджетного финансирования, исключались из местного бюджета. Поэтому отдел среднего и высшего образования Главпрофобра по соглашению с Наркомздравом и ЦРК Союза Медсантруда постановили закрыть фармшколы в Гомеле, Калуге и Екатеринбурге [46, л. 2]. Однако после официального закрытия фармшколы в Гомеле на основе ее учебно-методической базы были открыты краткосрочные курсы подготовки работников аптек.

Набиралась одна группа из 36 человек, в которой 20 человек были из уезда и 16 человек – из Гомеля. Средства, отпущенные на открытие этих курсов, составляли на 5 сентября 1924 г. 3500 руб. [46, л. 5].

Уже 8 декабря 1924 г. состоялось передача имущества и денежных средств фармшколы в сумме 537 руб. 98 коп. заведующим М. В. Быховским фармацевтическим курсам, которые возглавил Н. А. Хайкин, в при-

сутствии заведующего Губпрофобром товарища А. Е. Аронова [46, л. 6]. Об этом свидетельствует выписка «из протокола заседания Губбюро аптечной секции союза Медсантруда от 24 июня 1924 г.». Также было принято решение открыть там с 15 сентября 1924 г. курсы для подготовки аптечных помощников и учеников [46, л. 7 об.]. Штат преподавателей и работников был утвержден с 18 октября 1924 г. [46, л. 10].

Следует отметить, что социальные программы советской власти имели долгосрочную перспективу и были направлены на укрепление отечественного здравоохранения и развитие его качественной учебной базы по подготовке квалифицированных специалистов в области фармацевтики.

3.4. Гомельская художественная школа-студия имени М. А. Врубеля в 1919–1921 годы

Из архивных документов стало известно, что художественная школа-студия М. А. Врубеля начала свою работу в Гомеле с 1919 г. [8, л. 24]. Исходя из протокола учительского совета художественной школы-студии от 5 апреля 1921 г., можно составить краткое описание этого учебного заведения. В числе преподавателей художественной школы-студии были следующие педагоги-художники: Гефтер, М. П. Малец, Д. Х. Русецкий, Розин, Р. Вилькин и Губин (И. О. не указаны). Из первоисточника следует, что «все они были учителями живописи». [8, л. 23]. Заведующим школой-студией был Р. Вилькин. Это учреждение подчинялось непосредственно отделу народного образования г. Гомеля [9, л. 1 об.]. Р. Вилькин по совместительству был преподавателем архитектурного класса и черчения, имел 12-летний стаж практической работы в данной области. Не исключено, что он мог работать гомельским архитектором, поскольку по образованию был архитектором – окончил архитектурное отделение Киевского художественного училища и учился в Киевском архитектурном институте [18, л. 3 об.]. Преподаватель натурального класса М. П. Малец окончил Пензенское художественное училище и работал преподавателем живописи десять лет. Д. Х. Розин работал в студии преподавателем элементарного класса. Опыт работы, связанной с живописью и скульптурой, у него был двенадцать лет, а учился он в Виленской рисовальной школе и в Парижской школе декоративного искусства. Преподавательскую деятельность осуществлял также А. Я. Быховский, руководитель графической мастерской. Он имел 15-летний опыт практиче-

ской работы по декорациям, стеклу и графике, а учился в школе Поощрения художников в Петрограде. А. Душин, руководитель декоративной мастерской, имел 20-летний опыт практической работы и был специалистом в области фресковой живописи в России и на Западе, учился в Варшаве и Вене. Доктор Б. Рабинерзон работал в школе преподавателем анатомии. А философию искусств преподавал гомельский историк и литератор Д. И. Выгодский [18, л. 3 об.], двоюродный брат известного психолога Л. С. Выготского. Скупые страницы прошлого этого учебного заведения сообщают нам еще несколько фамилий должностных лиц, которые работали в этой школе-студии. Марикс руководил секцией скульптурной лепки и декорации, Губин обучал учеников деревоотделочным работам, Казанский – лектор по анатомии и преподаватель по живой натуре, Волков – преподаватель по натюрмортам, Рагин – преподаватель по рисунку, Коваленко – инструктор столярного дела, Телишевский и Смехов – подмастера графических работ, Вейсман и Шифрин – скульпторы, Гусевич – специалист по созданию декораций (И. О. всех перечисленных не указаны) [9, л. 1].

В период прохождения учительского совета его председателем был избран Вилькин, секретарем – Сазонов. На повестку дня был поставлен вопрос о расширении школы в связи с завершением советско-польской войны и началом мирной жизни. Этому способствовало подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора между РСФСР и Польшей. В период этой войны работники школы прилагали все усилия по созданию художественной агитации на советском производстве. На учительском совете была отмечена заслуга педагогического коллектива, который в сложных политических условиях и трудное военное время проявил себя как бдительный агитатор, отдавая свои силы делу служения интересам советской власти. Художники обслуживали фронт и учреждения губернии, предлагая произведения агитационной пропаганды. Из-за создавшегося положения задачи, поставленные перед художественной студией в деле школьного образования, не могли быть полностью осуществлены. Губотнаробраз признал положительную работу преподавателей живописи, которые применяли средства изобразительного искусства, превратив его в пропаганду на фронтах гражданской войны. Весь аппарат художественной агитации состоял «из руководителя и десяти подмастерьев, основавших ядро школы».

Собранный материал свидетельствует о том, что педагогический коллектив школы за период с 1920 г. по 1 ноября 1922 г. выполнил следующий перечень работ. Всего портретов было написано 194, пла-

катов – 79, лозунгов за период 1920 г. – 365 и за отчетный период 1921 г. – 42, изготовлено знамен – 45, театральных декораций – 15, печатных плакатов – 36, диаграмм – 87, бюстов – 23, барельефов – 28, памятников – 3, кроме этого и других работ в виде арок, трибун, уличных декораций – 14 [18, л. 2]. О стоимости художественных работ, выполняемых сотрудниками студии, есть следующая информация. Например, стоимость портрета-копии 21 мая 1921 г. составляла 30 000 руб. [8, л. 48]. Написать лозунг в одну строку на размере фанерного листа стоило 3 000 руб. [8, л. 49].

Однако из-за всех этих передряг была отодвинута на задний план работа в области преподавания и обучения детей живописи. На основании этого было предложено наладить взаимоотношения студии с секциями изобразительного искусства в Гомеле. Планировалось подготовить план работы по школам города с целью выявления художественно одаренных детей для обучения их в школе-студии имени М. А. Врубеля. Было отмечено, что регулярному ведению занятий в школе препятствует отсутствие финансирования и возможностей получить кредит. Деньги были необходимы для оплаты работы натурщиков и лекторов по теоретической части занятий. Для размещения учеников и проведения занятий нужна была материальная поддержка, в том числе это было необходимо из-за отсутствия нужного помещения, топлива и освещения.

Преподаватели и школьники не были обеспечены художественными принадлежностями: кистями, красками и другим инвентарем. Меры по улучшению денежного обеспечения преподавателей не принимались, вследствие чего художественная школа-студия была лишена всех материальных ресурсов и средств производства – карандашей, холстов и бумаги. Отсутствовали подрамники и мольберты, поскольку не было средств для покупки необходимых материалов для их изготовления [8, 23 об.]. В конце осени 1921 г. были пересмотрены весь имеющийся в наличии инвентарь и материалы художественной школы-студии имени М. А. Врубеля. Согласно перечню инвентаризационной описи в наличии у школы имелось следующее: «мольберты – 9, доски рисовальные – 16, табуретки – 5, столы – 1, котлы для гипса – 3, станки для природы – 3, топоры – 2, пилы поперечные – 1, молотки – 2, шкафы – 2, шкафчики для красок – 9, палитры – 55, лампы – 2, скелеты – 1, череп лошади – 1, чучело вороны – 1, масляные краски – 145 тюбиков, кисти – 5 штук, акварели – 30 штук» [18, л. 4].

К началу апреля 1921 г. в художественной школы-студии имени М. А. Врубеля начинается расширенное проведение школьных заня-

тий. Отделом народного образования Гомеля принимались всяческие мероприятия по улучшению материального обеспечения преподавателей. Представители учительского совета постановили: при проведении занятий в школе студии руководствоваться планом и программой, выработанными особой комиссией в конце 1919 г. [8, л. 24].

Протокол совета подписан председателем Р. Вилькиным и секретарем Сазоновым. Свои подписи поставили шесть человек – члены учительского совета. Документ скреплен круглой печатью с круговой надписью Отдела народного образования; по центру печати в строку надпись: «Художественная школа-студия имени М. А. Врубеля, Гомель» и две пальмовые ветви.

Учебная программа школы-студии была представлена дисциплинами по классам специальностей. Элементарный класс: наброски с натуры – 12 ч в неделю, натюрморт цветной – 5 ч в неделю, рисунок мертвой натуры – часов нет. Натуральный класс: натюрморт в форме и цвете – 12 ч в неделю, анатомическое изучение – часов нет, фигура цветного научения – 24 ч в неделю. Архитектурный класс: элементарное черчение – 12 ч в неделю, архитектурная композиция – 12 ч в неделю, начертательная геометрия – 3 ч в неделю, строительное искусство – 3 ч в неделю. Графическая мастерская: работа над плакатами, обложками, иллюстрациями – 18 ч в неделю. По методике изготовления книжной заставки, живописного плаката, по литографии и гравюре на линолеуме – часов нет. Декоративная мастерская: театральные декорации – 18 ч в неделю, макет костюма – часов нет. Скульптурная мастерская: орнамент и маска головы – 18 ч в неделю, фигура и барельеф – часов нет. Отдельно читался теоретический курс по начертательной геометрии (в перспективе – 3 ч в неделю), анатомии – 2 ч в неделю, по философии искусства – 2 ч в неделю, лекции и собеседование по композиции – 2 ч в неделю, строительное искусство – 3 ч в неделю [18, л. 3].

Губернская администрация отдела по делам музеев и охраны памятников искусств и старины передала в подсобный музей при художественной школе-студии имени М. А. Врубеля следующие произведения художественного искусства: Ф. И. Захаров «Эскиз к семейному портрету», холст, масло; С. Ардейкин «Классический пейзаж», холст, масло; К. А. Лихачев «Неоконченный рисунок», выполнен карандашом; М. С. Кругликова «Силуэт художника», очевидно, черновой рисунок, выполненный на бумаге. Достаточно большим списком представлены гравюры с разной технологией изготовления. В данном

описании сохранены все названия с целью передать всю терминологию материаловедения гомельских мастеров начала 20-х гг. XX в. Первым автором в поименном списке была указана К. Б. Прохорова, ее гравюра проходила под названием «Ноктюрн», выполнена с помощью техники «офорт», «акватинта» – разновидность гравюры на металле с помощью техники глубокой печати. Работа Н. И. Писарева выполнена на линолеуме. Далее указан художник А. Г. Якименко, название работы «Улица в Брюгге» (это название города в Бельгии с сохранившейся старинной застройкой), выполнена на линолеуме. Этому же мастеру принадлежит и другая работа «Монмартр в Париже» (это название 130-метрового холма на севере города, который с 1860 г. стал частью градостроительной застройки). Техника изготовления этой гравюры – «Сухая игла». Мастер Нивинский (инициалы в документе отсутствуют) выполнил работу под названием «Девушка», материал «офорт», «акватинта», М. А. Добров – автор работы «Облако», материал «офорт», «акватинта», И. Павлов – «Портрет жены автора», гравюра на линолеуме, Фалилеев (инициалы не указаны) – эскиз «Флот Энея» и «В деревне Перелески», гравюра на линолеуме, Куприянов (инициалы не указаны) – «Город», гравюра на дереве, Е. С. Кругликова – «Село Власовка. Полтавщина», исполнена в виде монотипии, А. Павлов – «У Симонова монастыря», литография, И. Н. Шишкин – «Лес» материал, «офорт», «акватинта». И завершает весь этот список работа известного итальянского мастера гравюры XVII в. Стефано делла Бела «Развалины» [18, л. 1].

К сожалению, документы, подтверждающие дальнейшую деятельность художественной школы-студии с мая по ноябрь 1921 г., отсутствуют. Единственный из пока выявленных документов свидетельствует о том, что в начале декабря 1921 г. это учреждение образования было закрыто по неясной причине. Сухой язык административного делопроизводства доносит до нас очень скудную информацию. Из акта от 2 декабря 1921 г. мы узнаем, что имущество художественной студии принял председатель педагогического музея товарищ Кияновский у заведующего студией товарища Вилькина [9, л. 6; 14, л. 6]. Уже 5 декабря Вилькин доводит до сведения Губотдела Наробразы, что вверенное ему имущество передано Кияновскому: «Ведомость сданного имущества, акт приемки, а также печать с надписью в строчку «Художественная студия-школа имени М. А. Врубеля, Гомель» и две пальмовые ветви и штампы студии при сем прилагаю» [14, л. 5].

Подводя итог рассуждений по данному разделу, необходимо добавить, что на данном этапе исследования не удалось установить место нахождения в черте гомельской застройки описанной здесь художественной школы-студии имени М. А. Врубеля. Пусть этот недостаток станет достоинством тех историков и краеведов, которые останутся небезразличны к прошлому истории живописи и изобразительного искусства Гомеля, и в будущем устанавят этот факт, когда обнаружат новую информацию.

3.5. Пролетарский университет и начало ликвидации неграмотности в Гомеле в 1919–1920 годы

Из архивных материалов стало известно, что 8 декабря 1919 г. в Гомеле уже работал Пролетарский университет. Об этом свидетельствует материал доклада, составленного комиссаром университета (фамилия не указана). Место нахождения университета пока точно установить не удалось, есть предположение, что в указанный период он находился за городом. В декабре 1919 г. работа Пролетарского университета была в целом организована. Общая численность курсантов (их еще именовали стипендиаты) составляла 222 человека. Около 20 % курсантов было направлено из городского Горкома, Гомельского уезда, сельхозкоммуны, волостных Наробразов и профсоюзов. Кроме этого курсанты направились из Рогачевского, Суражского, Быховского, Климовичского, Чаусского, Речицкого, Новозыбковского, Горецкого, Стародубского, Мглинского и Мозырьского уездов. Из Городнянского уезда Черниговской губернии было прислано два курсанта.

Увеличению количества студентов способствовало возвращение домой с фронтов гражданской войны революционно настроенных красноармейцев. Эти люди готовы были вступать в любые структурные подразделения органов советской власти, и Пролетарский университет не стал для них исключением [82, л. 58].

Основной целью создания Пролетарского университета было осуществление плановой подготовки партийных работников и сотрудников системы советских органов власти. Однако представители местных органов власти в силу ряда обстоятельств не проявили должного внимания при отборе командируемых в Пролетарский университет. Это стало понятно во время оценки интеллектуального уровня курсантов. Как было отмечено комиссаром университета: «Надо полагать, что Укомы не старались подобрать таких курсантов, которых можно было бы после трех-четырёх месяцев обучения в Проле-

тарском университете выпустить достаточно подготовленными к партийной работе». По факту оказалось, что некоторые люди, которых уездное руководство направило в университет, были совершенно неграмотные, общий образовательный уровень большинства курсантов был ниже удовлетворительного. Поэтому работа с ними предполагала обучение чтению книг и запоминание пройденного материала.

В ходе проверки знаний курсантов по военному делу был выявлен ряд недостатков. Хотя многие из курсантов были солдатами и Царской, и Красной Армии, уровень их военной подготовки оказался низким. Поэтому Губком должен был следить за контролем знаний по военному делу у курсантов Пролетарского университета, а представители военных учреждений должны были определить время для занятий по военному делу [68, л. 2]. В отношении знаний курсантами программы Российской коммунистической партии также возникали большие сложности. Даже те курсанты, кто имел отношение к коммунистической фракции университета, а это 50 % от общего количества курсантов, даже они не имели элементарного понятия о целях и задачах партии коммунистов. Это явление подтверждает формальное отношение Укомов к возложенной на них задаче. И Пролетарский университет изначально был задуман как партийная школа, где курсантам будут разъяснять программу РКП.

Местом жительства для курсантов стали бараки, приспособленные под общежитие, где было организовано 330 спальных мест. Однако принять полное количество курсантов университет не мог из-за свирепствующей в то время в Гомеле эпидемии тифа. Заболевания были причиной сокращения числа стипендиантов. Большинство курсантов явилось в университет без самого необходимого: например, постельного белья, при полном отсутствии теплой зимней одежды. В каждом бараке было расквартировано по 25 человек курсантов. Как свидетельствуют документы, в месте расположения университетских барачков отсутствовала баня и прачечная, что являлось существенным тормозом в деле борьбы с эпидемиями.

В Пролетарском университете в период с 23 ноября по 8 декабря 1919 г. было зафиксировано около десяти человек, заболевших возвратным тифом. И несмотря на это, со временем нерешаемые вопросы потихоньку стали решаться. Постепенно наладилось снабжение курсантов необходимым обмундированием. К этому делу привлекали интендантов Гомельского укрепрайона: курсантам выдали белье и верхнюю одежду. Часть обмундирования университету отпустил «Воензаг»

за наличный расчет. В таких условиях руководство университетом приняло решение увеличить количество слушателей до 300 человек.

Что касается бани и прачечной, которые находились на территории Земпосада, где стояли бараки общежития, то они со временем были отремонтированы и приведены в надлежащее состояние. Однако для полного налаживания жизнедеятельности слушателей университета и снижения среди них количества заразных заболеваний необходимо было увеличить продовольственный паек курсантов. В декабре 1919 г. суточный паек курсанта университета был ниже пайка красноармейца; из-за полного отсутствия в нем жиров учащиеся всегда находились в полуголодном состоянии, поэтому многие отпрашивались в отпуск специально для того, чтобы привезти продукты питания, даже несмотря на то, что по ряду причин эти поездки были нежелательны. Во-первых, курсанты отрывались от занятий, во-вторых, во время поездки они могли стать переносчиками заразы (сыпного тифа). Но, не глядя на эти опасения, организаторы работы университета время от времени отпускали курсантов на пять, семь дней, чтобы они могли за счет привезенного продовольствия самостоятельно увеличить нормы питания.

Однако для предотвращения поездок курсантов домой руководство университета было вынуждено обратиться в Губком с просьбой увеличить паек курсантов до полутора фунтов хлеба в день и до десяти золотников сахара. Заодно с решением вопроса об увеличении пайка курсантов университет просил Губком разрешить выдать паек лекторам и сотрудникам [68, л. 3]. Выдача пайка лекторам (на месте) могла компенсировать им расходы на дорогу за город до университета, что по времени было час или два. Ведь оплата одного лекционного часа составляла всего 150 руб., а деньги в условиях инфляции стремительно теряли свою стоимость. Низкая оплата лекционных часов отбивала у преподавателей желание ездить в университет, находящийся на удаленном расстоянии от Гомеля. Среди информации о продовольственной обеспеченности сотрудников университета были упомянуты его административные и хозяйственные подразделения. Эти и другие проблемы отразились на качестве учебных занятий, что потребовало вместо четырех месяцев учебных занятий увеличить их на больший срок. Из имеющихся у нас сведений стало известно, что с 15 ноября по 8 декабря 1919 г. в университете были прочитаны следующие лекции: «Политическая экономия» (девять лекций) – преподаватель Раик, «Конституция РСФСР» (пять лекций) – лектор Жбанов, одну лекцию

по социологии прочитал товарищ Серфимов. Кроме этих дисциплин курсанты слушали лекции по кооперативному движению, математике, физике, географии, общей медицине и ботанике [68, л. 4]. Социальный отдел университета предложил давать несколько свободных часов лекторам для подготовки к работе, поскольку неподготовленность преподавателей могла крайне негативно отражаться на качестве учебных занятий. И, несмотря на то, что слушатели в аудитории были подготовлены недостаточно, они все таки интуитивно чувствовали, насколько тот или иной преподаватель подготовлен к занятиям. В университете были случаи, когда курсанты обращались в социальный отдел с претензиями по поводу низкого уровня подачи знаний отдельными преподавателями, а из-за чего курсанты теряли интерес к читаемому предмету.

Эти и другие обстоятельства являлись причиной увеличения сроков пребывания в университете – с четырех месяцев до одного года. Это могло дать курсантам возможность более качественно освоить изученные ими предметы, а стране в дальнейшем получить опытных партийных работников. Для этого Губком должен был дать разрешение на увеличение сроков обучения, а администрация университета – переработать программу учебных занятий в сторону увеличения учебных часов, с включением в курс дисциплин Пролетарского университета изучения программы РКП, пролетарского права и кодекса закона РСФСР как отдельных предметов [68, л. 5]. Из содержания документов видно, что в университете была собрана библиотека с небольшим количеством книг, которых было явно недостаточно для самоподготовки курсантов. Чтобы устранить этот недостаток, руководство университета обратилось в Губком с просьбой «изыскать возможные меры для пополнения нашей библиотеки беллетристикой и книгами по социальным наукам». Ответом Губкома было следующее предложение: «изъятие дубликатов из находящихся в городе библиотек для Пролетуниверситета» [68, л. 6].

В начале 1920 г. учебный процесс в университете стабилизировался, преподаватели и курсанты продолжили трудиться с воодушевлением, как строители нового общества. Из протокола заседания фракции коммунистов Гомельского пролетарского университета от 30 января 1920 г., на котором присутствовали 29 коммунистов и 30 человек сочувствующих, видно, что подняты разные темы, касающиеся разносторонних вопросов, связанных с жизнью университета [1, л. 6, 9]. Представителем партийного заседания был выбран товарищ Лившиц,

а секретарем – товарищ Винников. На повестку дня были поставлены следующие вопросы: 1. Избрание трех представителей в Горком для проведения «Недели фронта и транспорта». 2. О создании особой комиссии по оздоровлению курсантов университета. 3. Выборы делегатов на городскую партийную конференцию. 4. Выборы делегата на Всероссийский съезд Пролетарских университетов. В ходе прошедших дебатов было принято решение избрать от партийной ячейки университета трех представителей в Горком: ими стали товарищ Блюмкин, Лысенко и Соскина. Была сформирована комиссия из пяти человек в составе Винникова, Титовец, Идексона, Гаменовского и Чернявского (И. О. не указаны), и они должны были решать вопросы, связанные со здоровьем курсантов. Пять человек были избраны делегатами горконференции (фамилии в источнике не указаны). В Постановлении по 4 вопросу в документе стоит прочерк. Видимо, не нашлось желающих стать делегатами на Всероссийский съезд пролетарских университетов.

О культурно-просветительской и социальной работе в университете свидетельствует следующая информация. Из протокола пленарного заседания совета курсантов от 4 февраля 1920 г. под председательством товарища Чернявского и секретаря товарища Медведева можно узнать, какие были озвучены вопросы. С докладами выступили заведующие четырех секций – театральной, библиотечной, учебной и музыкально-хоровой. Из выступления заведующего театральной секцией товарища Василевецкого явствует, что за время нахождения им в этой должности не было плана работы секции. По вопросам организации работы театральной секции постановили выработать совместно с товарищем Чернявским план работы, наметить ряд постановок пьес и составить смету всего необходимого для организации работы сцены. Заведующая библиотечной секцией в своем докладе сообщила слушателям, что работа ее секции ограничена в основном выдачей книг; другие же цели, например, организация клуба, не могла осуществиться за неимением помещения. По поводу такого заявления было принято решение в кратчайший срок принять меры по оборудованию помещения для библиотеки, совмещенной с клубом.

О работе учебной секции с докладом выступил товарищ Медведев, в своем выступлении он указывал на то, что сотрудники секции принимали меры по организации внеурочных занятий с курсантами, но желаемых результатов пока не достигли. В ходе обсуждения этой

темы решили поручить товарищу Медведеву проведение дополнительных занятий по математике и русской грамоте. Об организации музыкально-хоровой работы доклада не было, поскольку она не велась, а для ее организации постановили «провести запись в хор» [68, л. 12, 13]. С итоговым докладом выступил заведующий бараками, в своем выступлении он сообщил о поведении и жизни курсантов. По данному вопросу постановили снять его с повестки дня, а старостам барачников вменить в обязанность в двухдневный срок дать отчет совету старост как о состоянии барачников и поведении курсантов, так и о состоянии их личной гигиены. Дополнением к этому решению явилось предложение товарища Титовца провести в ближайшее воскресенье коммунистический воскресник для очистки территории университета. Постановили данное предложение принять к сведению и объявить эту информацию в группах курсантов. Таким образом, становится понятно, в каких сложных условиях проходила подготовка специалистов для работы в системе советских партийных органов власти.

Для отправки на учебу в Упартшколу, как стали называть Пролетарский университет в августе 1920 г., был составлен список организаций Гомеля, партийные ячейки которых делегировали своих представителей для обучения с целью последующей работы в системе партийных организаций советских учреждений. Перечень этих учреждений дает представление о том, какие органы власти функционировали в Гомеле летом 1920 г.: 1. Губком. 2. Уком. 3. Уисполком по ул. Советской, 16. 4. Губздрав. 5. Земпосад. 6. Нарпит. 7. Военгаз. 8. Губкомзапас. 9. Губвоенкомат. 10. Увоенкомат. 11. Губвид. 12. Эвакопункт. 13. 39 батальон ВЧК. 14. 171 полк ВНУС. 15. ГУБЧКА. 16. Губисполком. 17. Губпротком. 18. Губсовнархоз. 19. Телеграф. 20. Губпрофсовет. 21. Губземотдел. 22. Губнаробраз. 23. Усобез. [81, л. 20].

В программе подготовки специалистов для партийной работы Пролетарского университета было еще предусмотрено параллельно развивать у студентов представление о рабочих специальностях. Это видно из сметы на оборудование мастерских Гомельского Пролетарского университета за 1919 г. Цель создания мастерских – дать возможность студентам Пролетарского университета подробно ознакомиться с многочисленными трудовыми процессами в области металлообрабатывающей и деревообрабатывающей специальностей под наблюдением заведующего мастерскими, у которого был большой теоретический и практический опыт. Количество рабочих мест в мастерских было рассчитано на 50 человек. Оборудование мастерских

позволяло студентам-практикантам получить полную картину, как обрабатывать металлы и изготавливать деревянные модели. Для этого были использованы наиболее известные металлообрабатывающие и деревообрабатывающие станки и инструменты. Изучая это оборудование на современных на то время предприятиях, студенты получали на практике представление об уровне промышленности в 1919 г. Для практической работы было сформировано шесть разных групп по 100 человек в каждой, итого насчитывалось 600 человек студентов. В деревообрабатывающей мастерской студенты работали на 20 верстаках [31, л. 17]. Они занимались изучением различных производственных процессов, пользуясь всевозможными инструментами и станками: сверлильными, токарными, долбежными, приводными пилами и другими деревообрабатывающими инструментами. В металлообрабатывающей мастерской главное ядро слушателей составили 35 человек: они работали, пользуясь тисками и широким набором напильников и большим количеством других слесарных инструментов. Все остальные трудились, используя всевозможные станки металлообрабатывающей специальности: токарные и сверлильные; одновременно изучали кузнечное дело. Заготовки для изготовления металлических изделий поступали в мастерские Пролетарского университета из Гомельского отдела металлов [31, л. 17 об.].

Завершая тему о подготовке партийных работников в Пролетарском университете, необходимо отметить, что в этот период началась реализация Всенародной программы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в Гомеле, о чем свидетельствует собрание членов Губкома РКП (б). В копии доклада не указана дата его проведения, однако о том, когда оно состоялось, можно предполагать по хронологии дела № Ф.1.ГА00ГО 512 с 1.01.1920 г. по 10.08.1920 г.

Из содержания протокола № 1 Объединенного совета по вопросам о ликвидации безграмотности видно, что на нем присутствовали следующие представители: от Губотдела г. Гомеля – товарищ Егоров, от Губкомпола – товарищ Маркуса, от Губнарообраза – товарищ Стамблер, от Предгубкомликбеза – товарищ И. Сербов и товарищ Слуцкий (И. О. не указаны), который являлся заместителем председателя Предгубкомликбеза. С докладом выступил товарищ И. Сербов, который сообщил, что необходимо сначала провести ликвидацию элементарной безграмотности для взрослых 14–17 лет. Ликвидация безграмотности должна была стать политической, исторической и общенаучной идеологией для граждан всего советского госу-

дарства [1, л. 9]. Собравшиеся постановили доклад товарища И. А. Сербова принять к сведению и внести его на утверждение в Исполком, проводить постоянные совещания по этому вопросу под председательством товарища Егорова [2, л. 9].

В августе 1920 г. в Гомеле прошла III Губернская конференция по ликвидации безграмотности. На основании выступления докладчиков о ходе работы по ликвидации безграмотности в Гомельском уезде видно, что эта работа до I и II Губернских конференций не велась. Правда, нешкольным подотделом Уотнаробраза кое-что делалось в этом направлении, но эта работа проводилась в стенах отдела и не имела определенного плана, поэтому сколько-нибудь заметных результатов не наблюдалось.

Ликвидация безграмотности представляла собой поистине «боевую задачу» для советских руководителей. Для ее решения 25 апреля 1920 г. был организован Укомликбезграм, который постановил приурочить начало работы по ликвидации безграмотности к 1 мая 1920 г. В Первомайский день была проведена широкая агитация против безграмотности. Почти в каждую волость был послан инструктор, которому вменялось в обязанности в кратчайший срок организовать Волкомликбезграмы и Сельские Советы по ликвидации безграмотности. К 15 мая 1920 г. предполагалось закончить учет неграмотного населения, чтобы с этого числа приступить к открытию школ и обучению в них неграмотных, но эвакуация Губкомликбезграма, а также непосредственная угроза Гомелю помешали осуществлению намеченного плана. Укомликбезграм распался и работа по ликвидации безграмотности была приостановлена. И только с улучшением положения на фронте эта работа возобновилась, а 15 июля 1920 г. был реорганизован Укомликбезграм, сотрудникам которого пришлось начинать работу с нуля. Для восстановления прерванной работы по ликвидации безграмотности 27 июля 1920 г. был назначен съезд представителей Предволкомликбезграмов и инструкторов, на котором выяснилось, что работа велась только в двух-трех волостях и очень слабо, а в остальных волостях, а также в Гомеле, особенно в железнодорожном районе и в «предместье Новобелица», почти ничего в этом направлении не делалось.

Для восстановления начатых ранее работ были приняты срочные меры. Особое внимание было обращено на подбор инструкторов, информирование, инструктирование прибывших новых работников.

В течение июля 1920 г. был собран почти весь учетный материал по уезду, из которого видно, что неграмотного населения в возрасте от 14 до 50 лет в уезде было 50 000 человек. По Гомелю пока точ-

ных сведений не имелось [69, л. 11]. Уже в июле 1920 г., несмотря на разгар полевых работ в деревне, работа по ликвидации безграмотности в уезде продвинулась далеко вперед. Школы были открыты во всех волостях, хотя процент учащихся в них был невелик, но главная цель – популяризация школы и грамотности людей – была достигнута. Как отмечено в документах, крестьяне поняли значение грамоты и стали проявлять желание пойти учиться. Как только завершились полевые работы, количество желающих учиться и посещающих учебные пункты летом 1920 г. составило по уездам до 45 %. В Гомеле, Новобелице и железнодорожном районе города процент посещаемости возрос в связи с тем, что на предприятиях рабочим стали компенсировать время, затраченное на учебные занятия. После этого количество посещающих занятия выросло. В Гомеле для населения было открыто 14 школ, из которых в семи обучали на еврейском языке и в семи – на русском языке [69, л. 11]. Среди неработающего неорганизованного трудящегося населения пока было открыто две школы на еврейском языке. В Новобелице среди организованного трудящегося населения открыто 17 классов комплектов (как указано в документе), из которых 2 – были на еврейском языке. Кое-где применялись меры принудительного характера, и то – в малой степени, например, лишение кооперативного найма, внеочередные наряды на общественные работы [69, л. 11]. В большинстве случаев приходилось агитировать и даже применять жесткие меры воздействия. Пока проходил учет грамотного населения, власти приступили к разработке плана работ по организации курсов для подготовки ликвидаторов [69, л. 11 об.]. Однако к 15 сентября 1920 г. кампания по ликвидации безграмотности в Гомеле не была осуществлена в той мере, как планировалось ранее.

3.6. Организация и работа Гомельского Рабочего факультета в 1923–1924 годы

О становлении системы высшего образования в Гомеле в начале 20-х гг. XX в. пока не имеется никаких научных исследований. Поводом для научной разработки подобного плана послужила информация о том, что советские руководящие работники в указанный период имели крайне низкое образование. Примером тому может стать информация об уровне образования помощника агронома В. В. Арнаутова, 1892 г. рождения, который являлся членом в кандидаты Гомельского Губкома с октября 1917 г., проживавшего по улице Ленина,

д. № 21 в Гомеле. Как отмечено в документе, этот гражданин имел низшее сельскохозяйственное образование [73, л. 33]. И это далеко не единственный случай, когда в органы власти выдвигались люди из народа. Советское общество крайне нуждалось в новой системе высшего образования, где подготовка специалистов могла проходить в кратчайшие сроки. В сельское хозяйство, на предприятия и в организации должны были прийти люди, получившие высшее образование в советских институтах и университетах. Промышленные предприятия Гомеля нуждались в руководящих работниках, преданных советской власти. О количестве ненационализированных предприятий Гомеля, которые находились в ведении Губвоенгаза, узнаем из обращения председателя этого учреждения в Губком РКП, в котором указан список этих предприятий. В табл. 3.3 все названия указаны в соответствии с первоисточником.

Таблица 3.3

Информация о промышленных предприятиях г. Гомеля [74, л. 12]

Наименование предприятия	Количество рабочих	Количество служащих	Род деятельности предприятия (производимая продукция)
Завод сельских машин в Новобелице	152	21	Стремена и повозки
Завод «Луна» в Гомеле	10	4	Кипятильники, ведра
Завод «Жесть»	10	2	Тарелки, ложки, ведра
Завод «Двигатель»	24	6	Повозки
Завод А. Ш. Дубинских	16	1	Стремена, ремонт машин и хлебопекарней
Мастерская слесарно-кузнечная	29	2	Походные кухни
Мастерская «Раковского» – жестянщики	5	–	Походные кухни, повозки
Мастерская «жестянщиков»	12	1	Окопные печи, кипятильники, повозки
Мастерская «слесарно-колесная»	15	1	Повозки
Шорная мастерская	18	13	Упряж, седла
Обмундировочная мастерская	421	44	Разное обмундирование, фуражки, до 35 000 комплектов в месяц

Наименование предприятия	Количество рабочих	Количество служащих	Род деятельности предприятия (производимая продукция)
Утилизационная мастерская в Клинцах	25	–	Починка обмундирования
Прачечная	–	–	–
Дезинфекционная камера	84	14	–
Бани	–	–	–
Раскройная юфты в Гомеле	3	–	–
Чугунно-литейный завод Фрумина	37	7	Ремонт сельскохозяйственных машин и орудий
Мыловаренный завод «Коммуна» в Гомеле	4	–	–
Брилево и Титинки – кирпичные заводы	100	–	–
Якубовка – кирпичный завод	9	2	–
Волотова – кирпичный завод	9	2	–
Полиграфический отдел	17	–	–
1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я типографии в Гомеле	23; 80; 30; 32; 49; 20 человек	–	–

О времени открытия и месте нахождения Рабочего факультета в Гомеле точная информация отсутствует. Для окончательного решения этого вопроса необходима более углубленная научная работа. Самым ранним документом по истории Рабочего факультета является источник с информацией о переговорах между «Всероссийским союзом строительных рабочих и Гомельским губотделом от 24 июля 1923 г. по вопросу повышения стоимости за оборудование и мебель для Рабфака» [19, л. 27]. Документ подписан председателем Губотдела Глейберманом (И. О. не указаны).

Об одном из мест нахождения Рабфака (впоследствии – Гомельского рабочего факультета Минского политехнического института) свидетельствует примечательная информация, указанная на почтовой открытке, которую отправил студент II курса И. Тамаркин 20 ноября

1928 г., с объяснением причины, почему он не мог посещать учебные занятия на Рабфаке. Автор этого послания в графе «куда» указал адрес: «Парк им. Луначарского, а в графе «кому» – «заведующему» Гомельским вечерним Белорусским рабфаком» [59, л. 11–12].

Также была обнаружена информация о том, где в Минске находился Народный Комиссариат Просвещения БССР на дату 23 марта 1928 г.: «Менск, Пляц Волі № 2/23», эта же надпись указана на штампе на польском и еврейском языках [58, л. 50].

Здание и оборудование Рабочего факультета нуждались в ремонте, о чем свидетельствует записка, составленная заведующим Губпрофобром в Губфинотдел от 26 июля 1923 г.: «Прошу отпустить 20000 рублей золотом из сумм, отпущенных на ремонт. Необходимо осуществить перевод данной суммы в Рабфак на текущий счет» [19, л. 28].

Заведующим Рабочего факультета в августе 1923 г. был товарищ Р. Янковский, что известно из обращения в Губоно Гомеля с просьбой срочно выделить представителей в мандатную комиссию Рабфака [19, л. 29]. Из протокола Гомельского рабочего факультета от 10 ноября 1923 г. мы видим, что в составе членов президиума были товарищи Янковский, Мейер, Файбусович, завхоз Дарзек и секретарь Крупко (И. О. не указаны). На повестку дня были вынесены следующие вопросы: «1. Финансовое положение факультета. 2. О союзных и хозяйственных стипендиях. 3. О малоуспевающих. 4. Принципы коллективного договора. 5. Хозяйственные вопросы и текущие дела». Из выступления Р. Янковского узнаем, что Рабфаку было выделено десять крестьянских стипендий для обеспечения ими студентов из сельской местности. В отношении финансовых средств для приобретения учебных пособий и канцелярских принадлежностей из обещанных 8000 руб. было выделено только 2500 руб. на весь учебный год. Поскольку этой суммы было недостаточно, чтобы покрыть все расходы, то необходимо было проявлять максимум экономии. Из средств сбережения была закуплена незначительная часть учебных пособий. Было отмечено, что нужен строгий учет при выдаче на руки студентам учебных пособий. В завершение своего выступления Р. Янковский заметил, что в общем «наши нужды почти удовлетворены и при экономичном расходовании средств мы сумеем существовать».

Из выступления Файбусовича стало понятно, что управляли Рабфаком «групповые тройки», которые отвечали за экономное распределение пособий, а заведующий учебной частью должен был ус-

тановить определенную норму выдачи этих пособий студентам. Кроме того, нужно было переплести имеющиеся учебники. Как сказано в документе: «На этот счет я говорила со студентами, которые согласны переплести книги сами, так что необходимы только переплетные инструменты и материалы». На основании обсуждаемых вопросов было принято решение начиная с текущего месяца вести все расходы с учетом строгих норм экономии. Поручить заведующему учебной частью совместно со студкомом определить точную норму учебных пособий, необходимых для студентов. В случае недостатка средств для обеспечения учебными пособиями всех нуждающихся выдавать их только тем студентам, которые находятся на снабжении факультета. Из этого видно, что часть студентов училась за счет государственных средств, отпущенных на образование, а другая часть – за счет средств от местных органов власти.

О хозяйственных стипендиях Р. Янковский сообщил, что некоторые союзы отказались платить за командируемых ими в Рабфак на учебу. К командируемым от вышеуказанных союзов относились два человека – от Союза совработников, один человек – от Союза кожи, два человека от Союза металлистов и десять человек, которых командировали партийные организации, но оплата за них не последовала. Необходимо было для решения этого вопроса убрать из стипендиатов тех товарищей, за которых союзы не платят, или зачислить их в списки обучающихся за государственную стипендию [19, л. 32]. Не допускать растрачивания финансовых средств Рабфака, предназначенных на другие нужды.

По вопросу о малоуспевающих студентах выступал товарищ Мейер, им было сказано, что по сведениям «групповых троек», сформированных из числа студентов, ведущих общественную работу, неуспевающих насчитывалось около 30 человек. Неуспеваемость в группах имела две причины: общая неспособность воспринимать учебный материал и неподготовленность студентов к занятиям. Было предложено всем преподавателям дать сведения о малоуспевающих студентах с указанием причины. Файбусович предложила принимать меры по отношению к студентам, которые были прикреплены к неуспевающим и не откликнулись на помощь им при выполнении домашних заданий. Мейер добавил, что им уже проводились прикрепления сильных студентов к слабым, но последние жаловались, что с ними не хотят заниматься. Р. Янковский от себя добавил, что надо созвать совещание студенческих активистов и продолжать работу с отстающи-

ми. Постановили: предложить заведующему учебной частью совместно со студкомом провести совещание с успевающими студентами, проинструктировав их по вопросу оказания учебной помощи малоуспевающим, а также поручив им проконтролировать проведение консультаций, в особенности по русскому языку, и выяснить причину неуспеваемости студентов. Все эти мероприятия провести к 15 ноября 1923 г. и на ближайшем заседании президиума рассмотреть вопрос о мерах борьбы со слабой успеваемостью. Также в документах была обнаружена информация относительно вопросов коллективного договора для преподавателей: месячная ставка; работу квалифицированного преподавателя за шесть часов в неделю оценивать в два червонца; договор с преподавателями заключался на один семестр ввиду того, что учебный план определялся по каждому семестру. В отношении оплаты труда в каникулярное время было сказано, «что жалование преподаватель получает только в том случае, если он отработал весь семестр до каникул». Договор для оплаты внеклассных работ преподавателей заключался также на каждый семестр. В случае увольнения преподавателя ему выплачивалась общая компенсация. Если происходила отмена учебных занятий по вине администрации Рабфака, то жалование преподавателям выплачивалось полностью. Договоры с сотрудниками Рабфака заключались по согласованию с Губоно.

По вопросам хозяйственного значения было постановлено:

1. Предложить завхозу оформить с «Полеспечатью» вопрос о проводке электрического тока из смежного с Рабфаком здания для установки на кухне электрического вентилятора.
2. Поручить завхозу совместно с хозяйственной комиссией приступить не позже 14 ноября 1923 г. к отоплению помещения, поскольку на стенах и потолке уже выступила плесень. Отдельно был поставлен вопрос о сборе сведений о том, кто из студентов Рабфака нуждался в обмундировании. Для освещения классов в часы вечерних занятий требовалось приобрести необходимое количество электрических лампочек. Р. Янковский взял на себя ответственность, опираясь на постановление Губисполкома, потребовать от Губфинотдела необходимые средства для оборудования помещения клуба и проведения туда постоянного тока.

Среди накопившихся текущих дел были заслушаны вопросы о библиотеке и читальне. Постановили: пополнить библиотеку художественной и научно-популярной литературой, а также снабдить читальни журналами. Закупить несколько словарей и наладить библиотечную статистику. Товарищу Мейеру было поручено выработать

правила для пользования библиотечными книгами. Выдавать на руки каждому студенту одну художественную и одну научную книгу. Однако настоящее постановление не относилось к тем случаям, когда книги берутся для коллективного чтения жильцами отдельных комнат в общежитии и для подготовки докладов по указанию преподавателя. Максимальный срок пользования библиотечной литературой был установлен в десять дней. Книги, которые являлись постоянным руководством для преподавателей, должны были закупаться в достаточном количестве и могли быть выданы им на руки в количестве трех-четырёх экземпляров в течение учебного года. Было поручено преподавателям ознакомиться с библиотекой и составить рекомендательные списки книг по отдельным вопросам.

Среди документов административной отчетности за 19 ноября 1923 г. был выявлен полный список фамилий преподавателей, которые работали на Рабфаке. Это Янковский, Котляров, Агеев, Хиславский, Вирганский, Мейер, Готовников, Ребрин, Итунин, Дубов, Якименко, Мутер, Молчанова, Файбусович, Жарин, Гройпинер, Альтшулер, Кунница, Седлеров, Бирюкович, Кенарский, Бабушевич. Всем этим людям с высшим образованием и многолетним опытом работы пришлось иметь дело с абитуриентами, а затем и студентами, чей общий уровень подготовки был ниже тех требований, которые должны были предъявляться согласно циркулярному распоряжению Главпрофобра. Касательно же социального статуса студентов администрация Рабфака считала его вполне удовлетворительным (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Социальный статус студентов

Социальное положение	Члены ВКП (б)	Члены РКСМ	Беспартийные	Всего
Рабочий	42	30	49	121
Земледелец	6	4	12	22
Лицо нефизического труда	4	1	3	8
<i>Всего</i>	52	35	64	151

Как сказано в документе, на период 17 декабря 1923 г. в помещении Рабфака не было телефона. Это видно на штампах бланков, где в графе «телефон» отсутствовал его номер. А между тем партийным работникам телефон устанавливали прямо в домашних квартирах. Этот факт подтвержден одним из выявленных документов, который

представлен в виде анкеты на члена в кандидаты Гомельского Губкома. Анкета составлена в январе 1920 г. на товарища Х. Г. Пестуна, 1889 г. рождения, проживающего в Гомеле по адресу: ул. Ветковская, д. 18. Этому гражданину был установлен домашний телефон с номером 387. Право иметь телефон ему давало положение и принадлежность к РКП с октября 1918 г. В отношении образовательного уровня этого человека сказано, что он «постиг» его самостоятельно и приобрел профессию конфекчика. И этот партийный деятель нуждался в дополнительном образовании, которое «он мог получить в аудиториях Рабочего факультета» [73, л. 32].

Среди обширных сведений в документах был выявлен материал о заседании совета педагогических работников Рабфака от 24 ноября 1923 г., на котором присутствовали следующие товарищи: Р. Янковский, Мейер, Крупко, Котляров и Агеев. В повестку дня были включены следующие вопросы: 1. О каникулах. 2. О зачетной неделе. 3. О работе предметных комиссий. 4. О введении в учебный план военной подготовки. 5. Об организации первичной регистрации. 6. Текущие дела.

О каникулярном времени информация поступила в Рабфак на основании циркулярного распоряжения Главпрофобра и Постановления Губисполкома об установлении каникул с 20 декабря 1923 г. по 3 января 1924 г. Однако администрация Рабфака изменила указанное время каникул – с 21 декабря по 7 января. В отношении зачетной недели постановили: предложить преподавателям к 13 декабря текущего года завершить учебные занятия. В промежутке с 14 по 20 декабря проводить со студентами повторение пройденного материала, «в эту же неделю провести зачеты». Предложить всем преподавателям в письменной форме представить отчеты о проделанной за семестр работе, а предметным комиссиям на своих пленумах провести оценку работы каждого из них [3, л. 40]. По вопросу о текущей работе предметных комиссий предложить заведующему учебной частью товарищу Мейеру к следующему заседанию президиума Рабфака представить свои предложения по учебному плану на весенний семестр, исходя из опыта текущего семестра. Поставить в известность представителей предметных комиссий, что им предстоит сделать доклад на совете Рабфака о текущей работе каждого преподавателя.

Относительно добавления в учебный план военной подготовки было принято решение ввести с 27 ноября 1923 г. преподавание военных предметов по три часа в каждой группе за счет свободного времени, изъяв из учебного плана по одному часу из географии, арифметики и русского языка. Относительно организации первичной

регистрации в документе нет четкого пояснения, о чем идет речь. Сказано только о предложении товарища Залесского организовать первичную регистрацию и закончить эту работу в двухнедельный срок. По текущим делам Рабфака был заслушан вопрос об использовании двух стипендий, оставшихся свободными после увольнения двух студентов, Сиволобова и Ремизовой. Постановили: передать эти средства в ведение стипендиальной комиссии. Было заслушано ходатайство ячейки РКСК Рабфака о переводе студента Каплуна на госсчет ввиду его тяжелого материального положения. Постановили данное ходатайство направить в стипендиальную комиссию. Было заслушано заявление студентов Пронина и Маяровича о выдаче им на руки «столовых денег». «В чем обоим было отказано, бесплатное питание для них – возможность поддержки организмов ввиду всеобщего недостатка продуктов питания». По поводу заявления преподавателя географии товарища Кириченко было принято решение зачислить его для преподавания географии до конца семестра вместо товарища Митерева. Об организации переплетной мастерской было принято решение ассигновать пять червонцев на закупку самых необходимых инструментов и материалов для осуществления переплета книг и журналов.

Из доклада товарища Агеева видно, что многие студенты, живущие по частным квартирам, жалуются на тяжесть различных квартирных налогов. Ввиду этого они просят руководство Рабфака предоставить им место в общежитии. По этому вопросу было постановлено: поручить студкому выступить с ходатайством перед Губисполкомом об освобождении студентов, живущих на частных квартирах, от оплаты за коммунальные услуги. Далее в документе не сказано, кто должен платить за их проживание хозяевам частных квартир [19, л. 40 об.].

Из содержания протокола заседания президиума Рабфака от 18 декабря 1923 г. видно, как продвигалась в дальнейшем его работа. По вопросам итоговой аттестации по оценке успеваемости студентов были представлены сведения о результатах зачетных ведомостей. Выглядело это примерно так: докладчик называл фамилию студента, который имел средний уровень способностей. «В вопросах общей ориентации – кругозор узкий. В овладении знаниями текущего материала проявляет малую активность, надежд на исправление такого студента не имеется». После вынесения кандидатуры данного студента на всеобщее голосование членов педагогического совета большинство из них проголосовало не переводить этого студента на второй

семестр. Однако руководство Рабфака приняло постановление о переводе этого студента для обучения дальше во втором семестре. Данное решение объяснялось тем, «что посторонние моменты ее можно объяснить поповским происхождением, значит надо дать возможность этому студенту проявить себя во втором семестре, все указанные недочеты исправить» [19, л. 43]. Из другого представления мы видим резко противоположную характеристику на следующих студентов: «хороший товарищ, активна, просим перевести» или «хороший товарищ активен, способности выше среднего, просим перевести во второй семестр». Как видно из протокола заседания Рабфака от 3 декабря 1923 г., где присутствовали Р. Янковский, Мейер, Крупко, Котляров и Файбусович, было предложено обсудить следующие вопросы: 1. Об учебном плане на второй семестр. 2. О зачетах. 3. Об удовлетворении студентов содержанием за время отпуска. 4. О коллективном договоре. 5. Текущие дела. Из доклада заведующего учебной частью товарища Мейера о выполнении учебного плана за первый семестр известно следующее. Предмет естествознания необходимо продолжать изучать во втором семестре из-за незаконченности курса анатомии и физиологии человека, после чего можно перейти к изучению курса ботаники. В курс физики ввести раздел о механике, но только после того, как студентами будут усвоены знания по математике. Физику передать преподавателю Гройпинеру, а незавершенный курс «Неживая природа» для дальнейшего преподавания – Мейеру. Краткий курс географии оставить на один месяц во втором семестре по два часа в неделю. Обществоведение из-за малого объема курса переносилось на второй семестр. Из курса истории во втором семестре планировалось изучение только предмета «Германская революция». Предмет «Графическая грамота» включал две дисциплины: черчение и рисование, оставшиеся четыре часа перенести на второй семестр, по два часа – на каждую дисциплину. После обсуждения всех вопросов была принята на второй семестр по всем предметам детальная программа. Предлагалось разработать предметным комиссиям в период зимних каникул план работы на второй семестр, строго согласовав его с учебным планом.

На заседании педагогического бюро было принято решение завершить первый семестр 13 декабря 1923 г. Использовать последние две недели уходящего года для повторения пройденного материала с целью закрепления и выявления знаний студентов. Что касается оценки знаний, то товарищ Мейер сообщил следующее: «Со своей

стороны я полагаю, что для преподавателей опрос всех учащихся в эту неделю не обязателен, так как знания каждого студента будут достаточно выявлены на общих собраниях из отзывов преподавателей, работающих по группам».

По вопросу экономии финансовых средств в период зимних каникул выступил товарищ Р. Янковский. Он заявил о том, что в течение 17 дней столовая Рабфака функционировать не будет, следовательно, останутся значительные средства, которые желательно было бы сохранить для закупки на них учебных пособий. Студентам, уезжающим на каникулы, выдать в качестве пособия на дорожные расходы сумму, равную двухдневному содержанию, а остальные деньги оставить в кассе, используя их на вышеуказанные цели. Такая идея заведующего Рабфаком была поддержана другими преподавателями. Котляров отметил, что «эта идея правильная и ставить этот вопрос на общем собрании студентов не следует, решить его можно на заседании Президиума Рабфака». В итоге постановили: «выдать каждому студенту по одному рублю золотом, обратив остальную сумму на закупку и пополнение учебного инвентаря» [19, л. 41].

По вопросу о коллективном договоре также выступил товарищ Р. Янковский. Он заявил, что до недавнего времени определенных ставок для лиц административно-хозяйственного персонала Рабфака не имелось. Теперь для выплаты заработной платы выработан новый проект ставок для руководства и хозяйственного персонала в золотых рублях.

Из данных, приведенных в табл. 3.5, мы видим, чему равнялся месячный доход работников Рабфака в конце 1923 г.

Таблица 3.5

Месячный доход работников Рабфака

Должность	Сумма ставки
Заведующий Рабфаком	85 руб.
Заведующий учебной частью	85 руб.
Завхоз	57 руб.
Секретарь	50 руб.
Делопроизводитель	35 руб. 15 коп.
Комендант	30 руб.
Врач	61 руб.

Должность	Сумма ставки
Библиотекарь	22 руб. 90 коп.
Сторож	19 руб.
Уборщица	16 руб. 15 коп.
Сапожник	47 руб. 60 коп.
Парикмахер	30 руб. 50 коп.

По вопросу текущих дел на данном заседании было заслушано заявление члена РКП Москвина-Блюмина о принятии в Гомельский Рабфак его брата Исаака, слушателя вечерней школы при Оршанском Рабфаке. Постановили допустить этого гражданина к приемным испытаниям в начале второго семестра [58, л. 41 об.]. Было еще принято решение ходатайствовать перед «Центром» с требованием присвоить Гомельскому Рабфаку название «имени Ленина».

Материальное положение студентов было крайне затруднительным. Губисполком и союзные организации предоставили деньги на содержание 140 человек, остальные обучались за собственные средства. Хуже всего обстояло дело с обмундированием: люди ходили в истрепанной военной форме и поношенных гражданских костюмах. Изменить эту ситуацию было невозможно из-за отсутствия финансов [19, л. 48]. Преподавательский состав для работы с аудиторией подобран был весьма успешно. Однако улучшение педагогической работы тормозило то, что Рабфак почти для всех преподавателей не являлся местом основной работы, и на тот период устранить это было невозможно. Для улучшения восприятия студентами нового материала по естествознанию и математике вводился лабораторно-исследовательский метод. Была оборудована химическая лаборатория, имеющая реактивы на сумму 1500 руб., организована и оборудована чертежная аудитория, принимались меры к созданию математического кабинета [19, л. 49]. По другим предметам дела обстояли хуже вследствие отсутствия соответствующих пособий. При факультете по внеклассной работе была развернута кружковая работа. Среди множества разных кружков отметим следующие: два литературных, один хоровой, один драматический, один естественно-научный с подсекцией географической, живой и неживой природы и два общенаучных кружка. Вся кружковая работа велась достаточно успешно [19, л. 48 об.].

Учебная часть Рабфака включала четыре предметных комиссии: математическую, по русскому языку, общественно-научную и естественно-научных дисциплин. Усвоение учащимися учебного материала, по мнению преподавателей, идет достаточно хорошо. Преподаватель русского языка просил снизить темп занятий, так как преподаваемые студентам знания не могут быть ими своевременно усвоены из-за трудности материала. Успешно усваивалось естествознание, за исключением физики, что было связано как со сложностью самого предмета, так и с преподавателем, не сумевшим найти правильный подход к аудитории. В отношении преподавателя географии со стороны студентов и особенно II группы были незначительные претензии из-за обширной программы. Это замечание студентов было воспринято преподавателями, и объемный курс географии был сокращен с устранением бессистемности в изложении материала. По другим предметам жалоб на период занятий в 1923 г. не имелось [19, л. 49].

Данные об успеваемости студентов Рабфака представлены в табл. 3.6.

Таблица 3.6

Данные об успеваемости студентов Рабфака

Группы	I	II	III	IV	V	Всего
Успевающих	17	19	1	19	1	91
Неуспевающих по одному предмету	9	?	7	7	5	36
Неуспевающих по двум предметам	1	2	1	–	–	12
Неуспевающих по трем предметам	1	–	2	1	2	6
Неуспевающим по четырем предметам	1	3	1	–	1	6
<i>Всего</i>	29	32	29	31	30	151

Эта таблица явно была составлена с некоторыми неточностями. Но исходя даже из этих данных, мы понимаем, что большая половина студентов «оправдывала надежды властей вырастить новое поколение советских инженеров».

На заседании Совета Гомельского Рабочего факультета от 31 декабря 1923 г. было отмечено, что «первый месяц работы прошел в ознакомлении преподавателей с учащимися». За этот период существенных достижений в смысле продуктивного усвоения предметов достигнуто не было. В последующие два месяца произошла адапта-

ция студентов к учебному процессу, «и имело место улучшение восприятия ими учебного материала». В целом занятия проходили нормально, замечаний по поводу пропусков студентами уроков не было. Хуже дела обстояли с самим проведением занятий преподавателями по разным причинам. По вине преподавателей в первом семестре было пропущено 12 % учебных часов от их общего количества. А преподаватель по обществоведению вообще оказался для Рабфака «элементом нежелательным», так как пропустил 50 % уроков, поскольку был внешним совместителем в нескольких учебных заведениях. По этому поводу «было высказано единое мнение членов Совета Рабфака, что надежд на то, что из него может выйти хороший и полезный член общества, нет» [19, л. 50, 51 об.]. Исходя из высказываний преподавателей Рабфака мы видим, что его студенты – это взрослые люди, обладающие часто большим жизненным опытом, но за свою жизнь не закончившие никакой школы, «не прочитали многие из них ни одной книги, иногда с большим трудом могут разобрать печатный текст».

Перед преподавателями Рабфака стояла первостепенная задача: привить студентам необходимые им навыки, которые стали бы для них фундаментом для дальнейшей систематизированной и успешной учебы и работы. Потому на занятиях ставились ближайшие цели: развить у студентов механизм чтения, научить их бегло и сознательно читать книги с несложным содержанием. Воспитывать у них умение правильно, взаимосвязано и толково выражать свои мысли, прививать элементарные навыки, учить правильно писать орфографически, со всем этим постепенно дисциплинировать их мысли. Поэтому для чтения подбирались художественные произведения небольшого объема, несложные по содержанию, близкому восприятию слушателей, которые сами были из среды пролетариата и крестьянства. Основным источником для чтения была хрестоматия «Освобожденный труд». В течение семестра были прочитаны и проработаны в классах следующие произведения: М. Горький «Как я учился», А. Чехов «Ванька», Л. Толстой «После бала», Гончаров «Детство барченка», отрывки из романов и т. д. [19, л. 51 об.]. Работа по развитию речи проходила большей частью в связи с литературным чтением. Каждое произведение служило предметом совместного обсуждения, вызывая нередко весьма оживленные «прения». Занятия по грамматике ставились также по возможности в связи с литературным чтением. Эти занятия понимались, прежде всего, как наблюдение над языком, языком самих

слушателей и языком читаемых произведений. Преобладающим методом здесь был метод индивидуально-аналитический. В основу его были положены принципы современной научно-нормированной грамматики. При проведении письменных работ становилось несколько целей: а) развитие мысли; б) развитие речи, в) развитие навыков орфографически правильного письма. Из разных видов письменных работ практиковали преимущественно следующие: запись составленного плана прочитанной статьи, конспектирование прочитанного, составление письменных отчетов, например, о состоявшемся в группе литературном суде, коллективные сочинения по теме из жизни слушателей. Тексты таких сочинений подвергались коллективному обсуждению совместно со всеми слушателями и затем записывались одним из слушателей на доске, а остальными в тетрадях. Со студентами было выполнено большое количество упражнений грамматического и орфографического характера. Из доклада председателя предметной комиссии по математике Н. П. Гольдбурга видно, что работу по математике преподаватели согласовывали во всех группах и «держали курс на слабых», чем вызвали вначале недовольство некоторых более сильных студентов. Существенным тормозом в овладении математическими знаниями явилось полное отсутствие у многих студентов точных представлений об этой дисциплине. Намеченная предметной комиссией программа сводилась к следующему: проверка знаний; как работать с таблицей умножения и деления. «Деление целых чисел, округление делителя с недостатком и избытком. Сокращенная запись деления на однозначное число. Освоение приемов быстрого умственного счета. Понятие о дробях и запись ее. Сложение и вычитание дробей с одинаковыми знаменателями» [19, л. 52 об.].

Предмет «Неживая природа» преподавался по 2 ч в неделю и существенных замечаний по данной дисциплине не было. Трудности вызвал курс географии, с начала семестра студенты не знали карты мира, системы координат, о движении земли, об ориентировке на плане местности и т. д. Дисциплине «Механика» требовалось уделить особое внимание, так как студенты проявляли к ней значительный интерес и были активны и сознательны. В начале изучения обществоведения не было определенной программы. Приходилось руководствоваться указаниями агитпрома Губкома. В первый месяц занятия носили пропедевтический характер, начитывался предварительный вводный курс в сжатой форме. В рамках обществоведения начинали рассматривать раздел по истории первобытной культуры:

целиком выполнить задание за семестр не удалось из-за ненадлежащего посещения преподавателем уроков, особенно в третьей и пятой группах. Относительно методов прохождения курса обществоведения отмечалось, что в общем преподавание велось путем собеседований, которые иногда переходили в лекции, другие методики применять к этим категориям учащихся было нельзя. Несмотря на все усилия педагогов, как сказано в документе: «споять учащихся не удалось». Из плана на второй семестр в 1924 г. следовало, что нужно было пройти до конца темы периода империализма и эпохи мировой войны и только после этого выполнить предложение Главпрофобра о введении в учебный план предмета по истории Германской революции [19, л. 53 об.].

Данная информация свидетельствует о том, как совершенствовалась и реализовывалась на практике система высшего образования в Гомеле в первые годы советской власти.

3.7. Забота советской власти о детях и начало допризывной подготовки среди молодежи в 1920 году

В канун третьей годовщины Октябрьской революции, начиная с 6 ноября 1920 г., в Гомеле по инициативе Губкомиссии была учреждена «Неделя ребенка» и намечен план работ в субботники и воскресники. Важным Постановлением Губкомиссии было улучшение качества питания детей в период «Недели ребенка». На основании этого Губпродкому предписывалось усилить питание детей в указанный период, осуществлять отпуск продуктов по удвоенным нормам. Упродкомам в вежливой форме, но «под страхом суровой ответственности» предлагалось выполнять, в первую очередь, наряды на детское питание. Для выдачи дополнительной нормы продуктов по детским карточкам сотрудники Губкомиссии заранее составили обращение в Наркомпрос об увеличении норм выдачи детям сахара [71, л. 7]. Приурочить к «Неделе ребенка» выдачу детям манной крупы и сладостей. Упродкомам была дана установка выдавать детям питание и хлеб из муки лучшего качества. Ответственным работникам из Укомиссий принять меры к открытию новых детских столовых по возможности при школах. Губздрав нес ответственность за организацию санитарного надзора за детскими столовыми. Сотрудники Губотнаробразы занимались праздничным украшением детских столовых, чтобы у каждого ребенка было праздничное настроение.

Губернская комиссия по проведению «Недели ребенка» разработала план организации субботников и воскресников. Важной задачей на этот период был текущий ремонт оборудования и снабжение дровами школ и детских учреждений. В течение всей недели члены Укомиссий должны были «следить за проведением субботников, воскресников и вечеринок». Чтобы данная работа велась плодотворно, каждое из упомянутых мероприятий должно было проводиться по заранее строго составленному плану. Для участия в них привлекались все граждане, а представители профессиональных и партийных организаций должны были личным примером демонстрировать рвение к труду.

Городские и губерnsкие типографии получили инструкции из Губкомиссии по изготовлению достаточного количества печатной агитационно-пропагандистской информации, приуроченной к «Неделе ребенка». Тематическое содержание плакатов и листовок по своему содержанию должно было развивать у детей чувство патриотизма и любви к пролетарской революции и понимание того, что советская власть проявляет искреннюю заботу о детях, у которых война и разруха отняла родителей. Дети должны были понимать, что социалистическое воспитание есть основа построения социалистического общества, где дети должны учиться в школах. Новая власть в Советской России взяла под защиту всех малолетних детей и вела непримиримую борьбу с детской преступностью. Всю агитационную информацию размещали на самых видных местах, распространяли по клубам, читальням, профсоюзам. Большое количество печатного материала было направлено в сельскую местность для проведения агитационной работы среди крестьян. Информация о проведении «Недели ребенка» подробно была напечатана в гомельских газетах.

Работники отдела советской пропаганды на митингах и собраниях рабочих коллективов на предприятиях и в деревне, на сельских сходах проводили агитацию на следующие темы: «Что сделала советская власть для детей», «Детские сады, дома, ясли и единая трудовая школа», «Война, разруха и положение детей», «Охрана материнства, младенчества и раскрепощение трудящейся женщины» [71, л. 9].

Вся агитационная тематика должна была носить чисто деловой и практический характер, доклады по той или иной тематике должны были иллюстрировать значение проводимой работы, показывать в цифровом выражении, какие показатели достигнуты. С родителями детей и в особенности с матерями в стенах детских учреждений На-

робраза и Уздрава были проведены собеседования по широкому перечню вопросов, касающихся здоровья их детей [71, л. 9 об.].

На протяжении всей «Недели ребенка» в школах, детских домах, садах и в специальных помещениях как в Гомеле, так и в деревне устраивались детские праздники. На эти детские развлекательные мероприятия привлекались «домашние дети со своими родителями» или в сопровождении взрослых. В школах и детских домах были организованы выставки работ детского рисунка и художественных поделок. На этих выставках была представлена литература для детского чтения и учебно-воспитательные пособия. Для посетителей выставок «делались популярные объявления» широкой тематики, если было возможно, ставились небольшие концерты.

О развитии спорта, физической культуры и допризывной подготовки в Гомеле свидетельствует «обращение Гомельского Уездного комиссариата по военным делам в Гомельский уездный отдел здравоохранения от 3 апреля 1920 г. На основании предписания Губвоенкома Уездвсеобучу было предложено, согласно резолюции Всероссийского съезда по спорту и допризывной подготовке и инструкциям Управвсеобуча, организовать «Уездный Совет физической культуры». В состав этого совета должны были входить представители заинтересованных учреждений: представитель Уездотдела Всевобуча, Наробраза, Здравоохранения, Совета профсоюзов, Союза коммунистической молодежи, Гомельского спортивного объединения комитета. Ответ о создании Совета физической культуры должен был быть доставлен специальным представителем в отдел Всевобуча Уездвоенкома по адресу: Гомель, ул. Липовая, д. 3» [50, л. 53].

В разгар польской интервенции на территории Советской Беларуси и с началом контрнаступления войск Западного фронта Красной Армии в период с 4 июля по 1 августа 1920 г. от захватчиков была освобождена почти вся территория Беларуси. ЦКРКП (б) подготовило Инструкцию о допризывной подготовке среди девушек. Из содержания данного документа видно, что все женщины от 16 до 18 лет, являющиеся членами РКП, РКСМ, имеющие отношение к профсоюзам, обучающиеся в школах I и II ступени, работницы и крестьянки и безработные привлекаются к обязательной допризывной подготовке. Для проведения в жизнь этого партийного циркуляра ответственные работники советских органов власти начали широкую агитационную кампанию, чтобы в кратчайшие сроки довести эту информацию всему

трудящемуся населению. Для проведения агитаций привлекались начальники полковых округов, устанавливали договоренности с отделами по работе среди женщин с Губкомолом, с Губпрофсоветом и Губкомобразом. Для проведения в жизнь мероприятий по допризывной подготовке среди девушек органы Всеобуча брали на учет девушек допризывного возраста, проживающих в городах и крупных фабричных центрах.

Учебный курс допризывной подготовки был основан на учебной программе в 96 ч и проводился командирами из воинских частей. К Всеобучу в обязательном порядке привлекались коммунистки и кандидатки в РКП. Освобождение коммунисток от военного обучения могло быть только по состоянию здоровья через врачебно-контрольные комиссии. Освобождение коммунисток по семейным обстоятельствам производилось по согласованию с отделом местных Комитетов партии, где работали эти женщины [80, л. 8]. Освобожденные врачебной комиссией должны были в обязательном порядке обучаться при территориальных округах санитарному делу или службе связи и административно-хозяйственной службе. Все спортивные общества и кружки должны были состоять на учете в органах Всеобуча, участвовать на всех их выступлениях и состязаниях. Деятельностью женских групп и спортивных кружков руководили местные организаторы коммунистических ячеек по работе среди женщин. Инструкторский персонал до момента создания кадров опытных женских инструкторов предоставлялся местными территориальными органами допризывной подготовки. Спортивные кружки и площадки, не имеющие должного оборудования и помещений, присоединялись к ближайшему спортивному клубу Всеобуча. На спортивных состязаниях, слетах и праздниках руководители спортивных организаций должны были следить за изготовлением плакатов и лозунгов. Средства на содержание и оборудование спортивных кружков отпускались территориальными и спортивными организациями из кредитных сумм. Спортивный и военный контроль осуществлялся инспекторами и начальниками территориальных округов и участков. Отделы работы среди женщин организовывали совместно со Всеобучем периодические собрания матерей (родителей) девушек допризывников, разъясняя им значение и пользу начальной военной подготовки в условиях сложной военной обстановки. В этом направлении велась кропотливая устная и письменная агитация [80, л. 8 об.].

Забота о подрастающем поколении стала одной из первостепенных задач советских работников, которые стремились всячески поддерживать детей, хотя бы в праздничные дни наделить каждого ребенка дополнительным куском хлеба, и это в то время, когда страна была охвачена событиями гражданской войны, а для укрепления обороноспособности советской республики военную подготовку начали изучать совсем еще юные девушки.

Глава 4. ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКАЯ И САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ГОМЕЛЬСКИХ МЕДРАБОТНИКОВ В 1919–1924 годы

4.1. Эпидемическая обстановка в Гомеле в условиях гражданской войны в 1919–1921 годы

Зима 1918–1919 гг. надолго запомнилась гомельчанам не только холодом и голодом, но и началом вспышки тяжелых карантинных эпидемических заболеваний. Из фрагментарных архивных документов преимущественно различной формы отчетности и копий приказов по системе лечебных и профилактических учреждений Гомеля нам удалось установить, что в начале 1919 г. в Гомеле было создано Городское медико-санитарное Бюро с утвержденной сметой расходов на I полугодие [48, л. 32]. Городские власти развернули работу заразной больницы на 600 койкомест (местонахождение ее в документе не указано), отмечено только, что она находилась в восьми верстах от Гомеля, надо полагать, что в Новобелице [48, л. 28].

Уже 28 января 1919 г. был издан специальный Декрет Совета Народных Комиссаров о мероприятиях по борьбе с сыпным тифом. Из краткого содержания этого Декрета узнаем следующее. «Всем местным исполкомам немедленно обеспечить медико-санитарные отделы необходимыми транспортными средствами – санитарные автомобили, повозки и прочее». Для перевозки больных в лечебные заведения, а также для транспортировки санитарно-технических приспособлений и дезинфекционных средств в случае надобности допус-

тимо использовать другие транспортные средства несанитарного назначения. «Всем Советским, гражданским и военным организациям на местах вменяется в обязанность оказывать полное содействие врачебно-санитарным организациям в борьбе с сыпным тифом, удовлетворяя все их требования и запросы и устраняя все препятствия к быстрому их осуществлению». Требовалось создавать в срочном порядке особые «рабочие комиссии по борьбе за чистоту». Члены этих комиссий совместно с представителями местных санитарных надзоров должны были проводить осмотр всех жилых помещений в городе и селах. Особое внимание им следовало обратить на санитарное состояние бань, принимать ряд мер для правильной работы этих учреждений. Содействовать открытию новых и ремонту старых банных помещений, проводить меры для обеспечения беднейшего населения банным довольствием путем предоставления ему бесплатных билетов в бани, возложив соответствующие расходы на баневладельцев, или за счет противоэпидемических кредитов. Предусматривалось снабжение населения мылом, раздавая его через местные продовольственные организации, местным руководителям содействовать открытию мыловаренных заводов. Следить за увеличением времени работы местных прачечных, введением удешевленной расценки стоимости стирки белья для беднейших групп населения. Все местные парикмахерские должны были осуществлять бесплатную и дешевую стрижку для населения. Кроме этого оборудовались парикмахерские при банях, ночлежках, казармах [51, л. 60]. Комиссии должны были содействовать правильной работе местных дезинфекционных бюро и камер, организовывать бесплатную дезинфекцию и бесплатный вывоз вещей на дезинфекцию из инфекционных очагов.

В комплексе противоэпидемических мероприятий предусматривалось устраивать публичные беседы, лекции и митинги для пропаганды мер личной гигиены и борьбы с паразитами, которые являлись разносчиками тифозной заразы. В конце каждого месяца рабочие комиссии давали краткий письменный отчет о своей деятельности местному медико-санитарному отделу, а копия пересылалась в Народный Комиссариат здравоохранения [306, л. 60 об.].

«Всех виновных в неисполнении настоящего Декрета привлекать к ответственности по всей строгости революционного закона. Данный Декрет подписан председателем Совета Народных комиссаров: В. Ульянов-Ленин. Управляющий Делами Совета Народных комиссаров В. Бонч-Бруевич. Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотие-

ва. В Гомеле этот документ был заверен заведующим санитарно-эпидемическим подотделом» [48, л. 40].

В это время «Гомельский Уездно-Городской Отдел Народного Здравоохранения и его лечебный подотдел» издал инструкцию для медицинского персонала по оказанию бесплатной помощи на дому беднейшему и малоимущему населению Гомеля. Данная информация была изложена в содержании 43 п. [48, л. 42]. Три подотдела медико-санитарного бюро должны были осуществлять всю медико-санитарную работу на дому у гомельчан. Каждый подотдел выполнял строго определенные для него функции. Первый подотдел курировал работу по оказанию текущей медицинской помощи на дому у больных пациентов, второй подотдел осуществлял контроль за оказанием скорой медицинской помощи в дневное и ночное время, а третий подотдел контролировал весь комплекс мероприятий по проводимой в городе санитарно-эпидемической работе [48, л. 4]. Вся работа медико-санитарного бюро первоначально велась на общественных началах. В его состав входили: один врач – заведующий медико-санитарным бюро и одновременно представитель санитарно-эпидемического подотдела, два врача работали на скорой медицинской помощи в дневное и ночное время, и три врача, которые обслуживали дневные вызовы на дом. Такого количества врачебных кадров было крайне недостаточно для обеспечения заболевших врачебной помощью. Исходя из сложившейся обстановки, для организации более качественной работы санитарного бюро его руководство приняло решение пригласить трех врачей эпидемиологов, три врача для очередной работы на скорой помощи для оказания скорой медицинской помощи на дому. Все эти врачи должны работать на постоянной основе. В ночные часы количество дежурных врачей необходимо увеличить до 15 человек с оплатой за одно ночное дежурство в 200 руб. Подсобный штат санитарного бюро включал следующие должности: общий делопроизводитель, заведующий хозяйством, главный статистик, делопроизводитель, фельдшер и сестры милосердия [48, л. 4]. Зимой 1919 г. гомельские медработники провели большую работу по проведению прививок от оспы. Этому предшествовал специальный Декрет органов советской власти об обязательном оспопрививании в Гомеле. Работа по проведению прививок была развернута на четырех оспопрививочных пунктах, для ее проведения потребовалось восемь фельдшеров оспопрививателей, которые работали в отапливаемых помещениях. Из расходных материалов для проведения прививок бы-

ли использованы только спирт и вата. Все вышеперечисленные мероприятия были отражены в специальной смете по оспопрививанию за подписью заведующего Санэпподом Кононовичем и делопроизводителем Левиным [48, л. 11].

Весной 1919 г. в Гомеле произошла вспышка холеры, которая продолжалась три месяца. В качестве противохолерных мероприятий медицинские работники стали вести широкую просветительскую работу среди населения, направленную на соблюдение правил личной гигиены. Врачи и фельдшеры обследовали берега р. Сож и его протоков, стоянки лодок, пристани, стоки нечистот, места мойки белья, а также местные фабрики и заводы. В больнице для заразных расширилось количество койкомест до 75, были открыты холерные бараки в уезде. Для нужд лечебных учреждений были приобретены кипячильники, расширены бактериологические кабинеты. Были привлечены сотрудники частных лабораторий для выполнения анализов в экстренных случаях. Приобретались дезинфекционные средства для города и уезда, транспортные средства, покупались лошади, ремонтировались кареты скорой медицинской помощи. Широко распространялась медицинская литература, брошюры и листовки, плакаты и кинематографические фильмы противэпидемической направленности [48, л. 13]. Для эффективности работы Гомельской заразной больницы в I полугодии 1919 г. был увеличен штат медицинских работников. Во главе этого лечебного учреждения находился старший врач, штатных врачей было двое, временных совместителей – десять врачей, один врач бактериолог, 14 фельдшеров, 32 сестры мелосердия, шесть сестер хозяйек, 42 – санитары и сиделки, заведующий хозяйством – один работник, один счетовод, один садовник, один дезинфектор, один слесарь и один плотник. Продовольственное обеспечение больных стационара осуществлялось из расчета – на один месяц 126 000 руб., что по сути дела составляло исключительно «голодную порцию» и не могло способствовать скорому их выздоровлению. Было предусмотрено питание для персонала больницы, стоимость которого составляла 61 200 руб. в месяц, отопление больницы обходилось в 30 520 руб. в месяц [48, л. 28]. Содержание больничной бани – 800 руб. в месяц, изготовление и починка белья – 1700 руб., стирка белья – 5100 руб. в месяц. При больнице работала лаборатория, был погреб-ледник, содержались лошади и небольшое стадо коров.

Среди документов, характеризующих работу санитарно-эпидемического бюро, наше внимание привлек бланк индивидуальной ре-

гистрационной медицинской карты для регистрации детей дошкольного и школьного возраста с указанием «Гомельский Уездно-Городской отдел Народного Здравоохранения». Это типографский бланк, на котором были отмечены следующие данные: число, месяц, год, номер карты, школа, ступень школы, отделение, мальчик или девочка, фамилия, имя отчество, национальность, возраст, профессия родителей отца и матери. Отдельной графой отмечались успехи ребенка: хорошие, посредственные, слабые. Общее состояние здоровья и питания: хорошее, удовлетворительное, ослабленное. В следующей графе была указана наследственность, те болезни, которыми болели или от которых умерли их родители, например, туберкулез, сифилис и алкоголизм [48, л. 35]. На вопрос: был ли у ребенка рахит, стояли два варианта ответа: был; не был. Отмечалось вскармливание детей грудью или искусственно, цвет волос: светлый, рыжий, темный, черный. Особое внимание было уделено полости рта, определялся цвет зубов: белый, желтый, синий; небо – плоское, среднее, высокое; десны нормальные, кровоточили, воспалены, изъязвлены, свищи: десневой, щечный, подбородочный. В документе ничего не сказано, чем могли болеть эти дети. Остается только предполагать, какие страдания выпали на долю маленьких гомельчан в тяжелое послереволюционное время. Распространившаяся эпидемия уносила тысячи человеческих жизней. В числе заболевших оказались и врачи, и остальной медперсонал. Из документа за период с 15 января по 15 мая 1919 г. видно, кто из гомельских врачей болел, а кто находился в отпуске вследствие перенесенной болезни. А. К. Рахиль болела с 9 февраля по 27 апреля, после выздоровления получила отпуск на шесть недель. Санитарный врач Р. А. Ратнер-Гуревич болела с 26 апреля по 4 июня, фельдшер Т. Л. Шестоков – с 16 марта по 3 мая, санитар М. Балтрик болел с 19 марта по 10 апреля 1919 г. Всего за указанный период переболело (не сказано чем) 15 человек медперсонала, среди которых был отмечен студент медик С. Л. Рогачевский.

Для борьбы с инфекциями разрабатывались специальные инструкции, содержание которых гласило следующее: «1. По прибытию в неблагоприятные по заразным болезням «селения» необходимо установить число пораженных домов и число больных. 2. Принимать все меры по недопущению распространения болезни. 3. Давать указания личной профилактики, вести санитарно-просветительную работу в очагах. 4. В каждом селении установить время появления первых случаев заболевания, откуда болезнь была занесена, число умерших от

данной формы заразы, время окончания эпидемии». К этому периоду в городском эпидемическом бюро насчитывалось следующее количество специалистов: заведующий – один, помощники санитаров – пять человек, дезинфекторов – пять, санитаров – десять человек, один – ка-чегар, счетчик-статист, он же фельдшер – один, делопроизводитель – один, сторож и по совместительству курьер – один. Кроме этого в распоряжении санитарно-эпидемического бюро были лошади, которым требовалась регулярная ковка, а также починка збруи и экипажей, дезинфекционные аппараты, которым нужен ремонт, и камера [48, л. 18]. Все врачи получили заработную плату, согласно ставкам Всемедикасантруда, с прибавкой 50 %, как персонал, работающий на сыпном тифе – 3000 руб. в месяц. Как указано в документе, эта ставка – самая высокая в Советской России [48, л. 21]. Для перевозки больных в распоряжении санитарно-эпидемического бюро было четыре кучера. В помещении бюро – пять печей и одна кухня. Для отопления паровой рубнеровской камеры (как в документе) в месяц уходили одна, две сажени дров. Для освещения в ночное время использовались три лампы, одна – в канцелярии, другая – в кабинете врача, одна – в комнате кучеров, один фонарь – для осмотра лошадей в конюшне. Среди текущих расходов отмечены также расходы на покупку канцелярских принадлежностей, бумаги, чернил и карандашей. С увеличением числа зараженных потребовалось до восьми лошадей для перевозки паровой дезинфекционной камеры. На дезинфицирующие средства требовалось не менее 10 000 руб. в месяц. Из-за интенсивного использования кареток, телег, саней, которые имелись в санбюро, все они находятся в очень ветхом состоянии и требуют ремонта [48, л. 21 об.]. Паровая рубнеровская камера изнашивалась; гидропульты и фармалиновые аппараты также изнашивались и требуют частичной починки. Крыша конюшни во многих местах протекает и требует мелкого ремонта на сумму 6000 руб. К наступлению зимы надо приобрести двое крытых саней.

О рассаднике эпидемии в Гомеле свидетельствует описание одним из врачей барачков для беженцев, которые были расположены на конной площади. Увиденное им было представлено в виде обращения за помощью к председателю коллегии Пленбежа. Эта организация располагалась в Гомельской гостинице «Метрополь» по адресу: ул. Замковая, д. 107. Документ сообщает информацию о крайней нужде и антисанитарии беженцев, которые прибыли в Гомель из Бреста. «Лишенные всякой опеки, голодные, босые и почти голые люди влачат жизнь среди неподдающейся описанию грязи, прокопченные дымом самодельных печей покрытые своею же собственной грязью

и поедаемые насекомыми. Среди здоровых повсюду лежат больные и те, которые недавно выписались из больниц, главным образом из тифозной больницы в Белице. В этом же сыпном бараке среди беженцев довольно много живет бездомных местных жителей».

С целью исправления ситуации 28 января 1919 г. заведующий санитарно-эпидемическим подотделом обратился в коллегию Пленбеже с предложением само помещение барака привести в порядок и сделать его похожим на жилое помещение. Вставить окна, отремонтировать печи, установить нары, оборудовать отхожие места и помойную яму. Оказать нуждающимся материальную поддержку деньгами, продовольствием и бельем. Учредить административный и врачебный надзор. Избрать или нанять распорядительного человека из жильцов барака для наблюдением за внутренним порядком и здоровьем живущих в нем людей. И в конечном итоге посетить баню, прачечную и парикмахерскую [49, л. 2 об.].

В конце января 1919 г. врачи санитарно-эпидемического подотдела обследовали «японские бараки» в Гомеле, где содержались военнопленные разных национальностей. Составленное заключение было направлено Уполномоченному местного отделения Красного креста. «Лечебница при бараках не соответствует своему назначению, у обитателей этих помещений нет запаса белья, больничной одежды, нет приборов и средств для дезинфекции и дезинсекции. В таких условиях возникает опасность заражения сыпным тифом большого количества людей». Представители комиссии рекомендовали перевести лечебницу в более соответствующее ее назначению помещение бывшего сборного пункта Гомельского уездно-военного начальства [49, л. 5 об.].

На основании документа от 7 февраля 1919 г., поданного в Гомельскую коллегию Пленбежа представителем лечебного учреждения, установлено следующее. По железной дороге 5 февраля 1919 г. на линию около японских барак был подан железнодорожный состав из 18 вагонов – поезд № 434. Для осмотра прибывших людей в поезд был вызван старший врач врачебно-питательного пункта в японских бараках. Врач прибыл немедленно в сопровождении двух фельдшеров и двух санитаров. Для доставки больных в лазарет было подано две подводы. При осмотре первого же вагона и опросе находившихся в нем беженцев врачу удалось выяснить, что почти во всех вагонах есть больные сыпным тифом. При дальнейшем осмотре следующего вагона было обнаружено, что люди болеют целыми семьями; у всех заболевших сыпной тиф на разных стадиях. Таким образом, врачом было установлено, что больных сыпным тифом в поезде оказалось более 40

человек, из них четверо находились в наиболее тяжелом состоянии. Эти люди сразу же были помещены в сыпнотифозное отделение, которое находится при японских бараках. С поезда сняли одного умершего.

Врач позвонил по телефону председателю Пленбежа с просьбой о разгрузке поезда или об отправке его в Минск, где имеются специальные госпитали. На просьбу врача руководство Пленбежа приняло решение отправить поезд в Минск, дав в сопровождение несколько человек из медицинского персонала. Однако ни в тот, ни в последующие дни поезд в Минск отправлен не был. Тогда врач 11 февраля 1919 г. с этим вопросом лично обратился с просьбой к коменданту станции «Гомель» Либаво-Роменской железной дороги. К сожалению, нам не удалось установить, был ли вообще отправлен этот поезд [49, л. 9 об.]. Из обращений врача, который в разных сообщениях к городскому начальству описывал ситуацию с пассажирами этого поезда, известно, что за все время стоянки поезда медицинская помощь беженцам оказывалась медицинским персоналом врачебного питательного пункта в японских бараках. Пищу беженцы получали с указанного выше питательного пункта. За период с 7 по 11 февраля указанного года с поезда сняли десять умерших. Все беженцы находились в поезде около месяца, проживая в одних и тех же вагонах, в тяжелых санитарных условиях, «покрытые массой насекомых». Эти люди свободно выходили из вагонов, посещали городской рынок, находясь в постоянном контакте со здоровыми людьми, являясь очагом распространения «сыпно-тифозной заразы». Составителем этой информации указан заведующий медико-санитарной частью врач Бильдзюкевич (И. О. не указаны) и приложена печать с надписью «Общество Красного Креста Гомельского района» [49, л. 9 об.].

Продолжая знакомство с материалами о развитии эпидемии тифа в Гомеле, наше внимание привлек еще один документ, составленный 13 февраля 1919 г. тем же врачом Бильдзюкевичем для отправки его в Комиссариат Народного Здравоохранения. Из содержания этого послания видно следующее: в центре расположения питательного пункта для военнопленных в японских бараках находится огромный приют, густо населенный беженцами, многие проживают в этом приюте больше года. Живут люди целыми семьями, многие из них занимаются самыми разными видами деятельности: продажа военнопленным спиртных напитков по завышенным ценам, главным образом изготовленных на основе денатурата. Производится обмен иностранных денег, содержатся воровские притоны, где устраиваются «фор-

менные» публичные дома, в которых заражают клиентуру венерическими болезнями. Эти люди занимались разворовыванием имущества питательного пункта, особенно дров, на топливо были разобраны все заборы, происходило загрязнение территории. Самое главное, что проживая крайне скученно и грязно, эти люди являлись источником заражения инфекционными болезнями, особенно сыпным возвратным тифом. Военнопленные и беженцы, имеющими с ними, как указано выше, постоянный контакт, ухудшали эпидемиологическую обстановку в городе.

Составитель этого обращения считал необходимым немедленно выселить из приюта всех беженцев и перевести их в один из барачков, где проживают выздоравливающие люди. Освобожденные от беженцев бараки необходимо было тщательно продезинфицировать и расселить военнопленных в более просторное помещение. Если указанные предложения не будут претворены в жизнь в срочном порядке, то с наступлением весны эпидемия тифа на этом пункте будет сильно разрастаться. В такой обстановке Красному кресту придется ликвидировать все свои учреждения при пункте в японских бараках и, следовательно, прекратить помощь военнопленным и беженцам [49, л. 8–8 об.].

Перенаселение города и стремительное распространение эпидемии тифа в 1919 г. привело к тому, что беженцами были заняты гомельские санатории. Об этом заявил заведующий санитарно-эпидемиологическим подотделом Гомеля председателю коллегии Пленбежа 25 февраля 1919 г. Однако эта проблема не была решена, и заведующий санитарно-эпидподотделом пишет заведующему собезом и уполномоченному председателю Красного Креста, что «30 апреля 1919 г., в 7 часов вечера по новому времени в Гомельском Отделе Народного Здравоохранения по ул. Липовой 13, состоится совещание по вопросу выселения беженцев сыпного Гомеля» [2, л. 18].

Сделать выводы о развитии системы охраны здоровья гомельчан во второй половине 1919–1921 гг. можно на основании копий протоколов заседания коллегии Гомельского Губернского отдела народного здравоохранения. В этих документах отражены значимые события в истории медицины Гомеля. На заседании этого отдела 22 сентября 1919 г. под председательством Сенкевича (И. О. не указаны) обсуждалась командировка директора Губернской глазной лечебницы доктора Брука в Москву для закупки необходимых инструментов и аппаратов для лечебницы. Было решено выдать ему на эти надобности аванс в 10 000 руб. Также было поручено товарищу Хорасу подыскать

в бывших барских имениях подходящие помещения для размещения в них санаториев и колоний для беспризорных детей, и заняться составлением подробного описания этих зданий с прилегающими к ним территориями. На основании предложения Военного Совета Гомельского укрепленного района за № 452 было принято решение об открытии Губернского аптечного склада для обеспечения медикаментами жителей Гомеля и всей губернии. На заседании этой коллегии было принято решение отправить за медикаментами в Москву товарищей Едидовича и Хаскина (И. О. не указаны). Также был заслушан вопрос о принятии в ведение Гомельского Губздрава медицинского персонала Днепровской флотилии, прибывшей из Киева. Был поднят вопрос о постановке их на довольствие и установлении над ними административного надзора. Выяснение вопроса о положении санитарно-медицинского дела в этой флотилии было поручено товарищу Попову [47, л. 1].

Из воспоминаний товарища Ивина известно, что в августе 1919 г. в Гомель из Киева прибыли суда Днепровской военной флотилии, в составе которой были четыре канонерские лодки – «Малый», «Меткий», «Мудрый» и «Могучий», а также другие суда и грузовые пароходы. Среди военных моряков с канонерских лодок оказалось несколько человек, которые не хотели признавать никаких законов и никакой дисциплины и стали расхищать находившиеся на берегу дрова, захватывали крестьянские подводы, заставляя владельцев гужевого транспорта перевозить дрова на пристань для загрузки на свои пароходы. Некоторые моряки, полностью нарушая воинскую дисциплину, даже совершали налеты на кооперативные лавки частных торговцев. Парторганизация этой флотилии не проявила должного внимания, чтобы обуздать пыл своих моряков [82, л. 14]. Надо полагать, что подобные действия моряков были вызваны тем, что с марта 1919 г. Днепровская военная флотилия вела боевые действия на Полесье. Очевидно, некоторые моряки решили, что они имеют право взять себе все необходимое для дальнейшей борьбы с силами мировой контрреволюции.

Для организации отпора войскам Деникина 18 августа 1919 г. гомельские железнодорожные рабочие собрали и снарядили особый бронепоезд, дав ему название «Доброволец западных железных дорог» [82, л. 10]. К осени 1919 г. Гомель вновь стал военным лагерем, на станцию «Мена» в ста верстах с небольшим «к юго-востоку от Гомеля пришли воинские части генерала Деникина». К северо-западу от Гомеля в это время накапливались военные силы польского корпуса

генерала Довбор-Мусницкого, его аэропланы долетали до Жлобина и бомбили станционный узел железных дорог. В этих условиях штабное руководство Красной Армии из Гомеля переехало в Новозыбков. По реке Сож в сторону Пропойска потянулись караванные суда, буксируемые грузовыми пароходами. На них губернские учреждения вывозили в эвакуацию подальше от фронта свои склады: Губнаробраз – школьные принадлежности, Губпродком – муку, соль и другие продукты. В те дни в Гомеле находилось много фронтовых частей, одни уходили из города на передовую, другие возвращались с фронта на переформирование. Вместе с этими войсками в Гомеле проходил переформирование интернациональный полк, состоящий из пленных австрийцев и немцев, которые изъявили желание остаться в Советской России и вступили добровольцами в Красную Армию. Однако около Чернигова соединения этого полка понесли большие потери в боях с войсками Деникина и отступили в Гомель [82, л. 13–14]. Все это способствовало увеличению количества больных и раненых красноармейцев и размещению их в больницах и госпиталях г. Гомеля.

Из содержания копии протокола заседания коллегии Гомельского Губздрава от 20 октября 1919 г. видно, что наиболее актуальным вопросом была проблема наступающего продовольственного, топливного и материального кризиса. Для решения этого вопроса члены коллегии постановили командировать в Москву товарища Кагановича для уточнения по поводу получения кредитов в качестве ассигнаций из Центра, а пока этот вопрос был не урегулирован, решили обязать население губернии, которое приходит на лечение в больницы, приносить с собой в лечебницы хлеб, молоко, яйца и прочие продукты питания. Крестьяне, которые доставляли продукты оптом, должны были получать оплату по ценам, установленным на рынке. При этом следовало учитывать, что на 29 октября 1919 г. в Гомеле свыше 50 % больничных коек было развернуто для размещения раненых красноармейцев [47, л. 7]. Из устного выступления товарища Сенкевича стало понятно, что необходимо было подготовить две санитарные кареты: одну – для города, другую – для Новобелицы, чтобы оказание медицинской помощи было своевременным в экстренных случаях и при тяжелых заболеваниях. Кроме того, было указано, что на основании Постановления командования Гомельского укрепленного района к празднованию второй годовщины Октябрьской революции всем жителям Гомеля необходимо произвести очистку города от накопившегося мусора [47, л. 12 об.]. Еще по одному вопросу, который обсу-

дался на заседании этой коллегии от 29 октября 1919 г., было принято решение перевезти из Могилева в Гомель нефункционирующую там, но вполне оборудованную Пастеровскую станцию с оспопрививающим инструментом и ветеринарно-бактериологическую лабораторию, и просить Губисполком о перевозе указанных станции и лаборатории. Для закупки необходимой сыворотки (очевидно, антирабической) выделялось 100 000 руб. Закупку ее надо было производить в Москве за наличный расчет. Срочность такого дела можно объяснить увеличением количества случаев бешенства [47, л. 12]. Продолжая эту тему, следует отметить, что среди документов Гомельского Губздрава был обнаружен оборотный бланк, датируемый 3 марта 1901 г., который послужил оборотным листом для текущего делопроизводства. Этот документ представлен в виде удостоверения Гомельской уездной земской управы, где указывалось следующее: кто именно является его предъявителем, укушенным бешеным животным, для отправки в г. Киев, с последующей госпитализацией этого больного в Пастеровский бактериологический институт на время лечения от водобоязни [51, л. 23 об.].

Следует отметить что к годовщине Октябрьской революции – 3 ноября 1919 г., командование Гомельского укрепрайона подготовило подарки и сладости больным и раненым, находящимся в больницах города. Председатель коллегии Губздрава Сенкевич распорядился, чтобы 7 ноября – в день праздника – аптеки не закрывались, и в них работал как минимум один фармацевт. Также было подготовлено Постановление Губздрава – переименовать Гомельскую центральную глазную лечебницу «в лечебницу имени товарища Семашко». По этому поводу уже заведующему этой клиникой доктору Бруку было поручено заказать соответствующую вывеску. Тут среди общих вопросов, решаемых Губздравом, мы находим информацию о развитии сильнейших эпидемий сыпного тифа, скарлатины, оспы и других заболеваний. Борьба с этими невзгодами оказалась очень сложной, поскольку отсутствовали нужные медикаменты, спирт, формалин и многое другое, что требовалось, чтобы остановить распространение болезней [47, л. 13]. Примером тому является докладная записка доктора Александрова, заведующего 3-й Советской амбулаторией, в Губздрав. Из текста этого документа видно, «что при большом количестве больных работа по оказанию помощи может преждевременно прекратиться». Было принято решение расширить эту амбулаторию, в том числе и для приема детей с заразными болезнями [47, л. 15].

На заседании коллегии Губздрава от 30 ноября 1919 г. слушали устный доклад о поездке товарища Едидовича в Москву за медикаментами и инструментарием. Благодаря пребыванию в Москве, удалось приобрести заказанные медикаменты, хотя и не в полной мере. «Требования гомельских врачей были сильно сокращены, но московские начальники по линии здравоохранения пообещали дополнить его, если Гомельский Губздрав предоставит докладную записку о своих нуждах с перечислением того, что имелось на складах Губздрава». Был заслушан доклад заведующего фармацевтическим подотделом товарища Златкина (И. О. не указаны), который предлагал увеличить личный состав своего подотдела, сокращенного во время эвакуации в Гомеле, а также было заявлено о приглашении специального бухгалтера для ведения сложной отчетной работы подотдела. Предоставить коллегии Фарпода автономию в решении некоторых вопросов и выделить им хорошее помещение для продуктивной работы. Тем временем в меню столовых некоторых больниц Гомеля полностью отсутствовали жиры, а норма сахара составляла 6 золотников на человека. Из медицинского персонала «столом имели право пользоваться только дежурные», остальному медперсоналу это было недоступно. И в этих трудных условиях люди стремились повысить свой профессиональный уровень, что видно из заявления фельдшера Маркевича (И. О. не указаны), который просит предоставить ему возможность экзаменоваться на степень ротного фельдшера. В ответе на его прошение было сказано, что «при Гомельском военно-санитарном подотделе можно было пройти испытание на степень ротного фельдшера» [47, л. 17].

Членом коллегии Губздрава товарищем Поповым было предложено открыть в Гомеле оптическую мастерскую по изготовлению очков для обеспечения всех нуждающихся Гомеля и всей губернии, что стало возможно в виду поступлений в распоряжение Губздрава значительного количества оптических стекол. Попову было поручено подыскать для этой работы специалиста оптика и обеспечить оптическими стеклами население, «насколько это будет возможно в нынешних условиях». Заведующий санитарно-эпидемическим подотделом врач Лоссер в это время вернулся из Москвы и привез необходимые для работы сыворотки и вакцины. Коллегия Губздрава поручила Лоссеру подготовить доклад к следующему заседанию о размерах эпидемии в губернии. Было принято решение делегировать представителя Губздрава на ветеринарный завод возле Быхова. Решили отправить

туда работника Фарпода для закупки ветеринарной и аптечной стеклянной посуды. В завершение заседания этой коллегии заведующий Фарподом Златкин ввиду расширения фармацевтического подотдела заявил о необходимости созыва съезда фармацевтов губернии. Тут мы видим результаты проверки Губздравом Фарпода, где проверяющая инстанция требовала «добросовестно вести документацию, иначе за халатное отношение к работе с виновными будут поступать по законам военного времени, пока работа канцелярии Фарпода не наладится» [47, л. 17 об.]. Из выписки протокола заседания президиума Гомельского Губисполкома от 4 декабря 1919 г. за № 55/94 видно, что Губчека получило задание направлять свою работу на борьбу с эпидемией в Гомеле. Военизированные соединения этого аппарата способствовали поддержанию в городе общественного порядка, что понятно из Постановления Полесского комитета РКП: «Прошу срочно командировать согласно отношения уездвоенкома от 14 марта 1919 г. за № 409 37 человек во взвод особого назначения». Местом дислокации этого подразделения был дом бывшего владельца Стоша по ул. Фельдмаршальской [76, л. 89].

На заседании коллегии Губздрава от 16 декабря 1919 г. приняли решение Пастеровскую станцию «с оспенным телятником» передать в распоряжение Угорздрава с тем, чтобы работа велась в губернском масштабе. Пастеровской станцией на тот момент заведовал товарищ Ракузо (И. О. не указаны). Тут же упомянуто заседание фельдшерской школы, где было решено мобилизовать к январю 1920 г. 2-й фельдшерский класс для отправки в армию [47, л. 20].

Среди ходатайств гомельских врачей есть документы, свидетельствующие об освобождении их от призыва в действующую армию. Это зубные врачи из Уотсобеза и Финотдела. Гомельский губернский продовольственный комитет ходатайствовал о предоставлении отсрочки по призыву в армию зубному врачу Лемкиной (И. О. не указаны). В декабре 1919 г. проходил призыв врачей в воинские части, вследствие этого 16 декабря 1919 г. в санитарную часть 12-й армии был призван заведующий Гомельским губернским санитарно-эпидемиологическим подотделом врач Лоссер (И. О. не указаны). Вместо него на эту должность был назначен товарищ Сенкевич, а помощником ему назначили доктора Селютину. Однако 3 января 1920 г. Селютина представила заявление с просьбой освободить ее от фактического заведования санитарно-эпидемиологическим подотделом, на что коллегия Губздрава дала разрешение, назначив на вновь освободив-

шуюся должность доктора Кононовича, поручив ему к следующему заседанию коллегии представить докладную записку о постановке санитарно-эпидемиологического дела в губернском масштабе [47, л. 20, 24 об.]. Отправка многих зубных врачей из Гомеля в армию потребовала их замены, для этого из Могилевского Ревкома было отобрано около 20 человек – врачей зубной практики для работы в Гомеле.

Из содержания документа от 3 января 1920 г. видно, что в Гомеле и в пределах всей губернии было большое количество человек, страдающих венерическими заболеваниями, для лечения которых не было надлежащих условий: специальных помещений, постельного белья, инструментов и многого другого. Из-за этого невозможно было открыть венерологическую амбулаторию в Гомеле [47, л. 24 об.].

В начале января 1920 г. Гомельский Губздрав обратился в Губпродком с просьбой наладить снабжение продуктами питания больных, находящихся на лечении в домашних условиях. Для этого было необходимо обеспечить доставку продуктов из кооперативных лавок прямо на дом заболевшим. Отпуск продуктов производился по специально заведенным для этого врачебным талонам.

Из документов Губздрава от 3 января 1920 г. узнаем, что назначен новый председатель коллегии товарищ Гутман (И. О. не указаны). В этот период произошел рост численности заболевших инфекционными болезнями. Как было сказано в одном документе: «в местах, наиболее пораженных заразными болезнями, увеличилось количество коек». Было предложено всем врачам направлять в госпитали только тех больных, кто не может по причине антисанитарного состояния «данного места» оставаться дома, и тех, кому был установлен точный диагноз. В госпиталях и больницах для выздоравливающих были подготовлены специальные помещения. Губрабкоопу было предложено в связи с расширением госпитализации приготовить большее количество «доброкачественного мыла» для распределения его между банями и всеми пайщиками кооператива [47, л. 25].

Из Приказа № 5 Гомельского уездного военного комиссариата от 21 января 1920 г. следует, что необходимо со всей строгостью следить за заготовкой топлива, что понятно из текста очередного документа: «на основании Приказа Гомельской Губернской исполнительной Межведомственной Комиссии по заготовке топлива от 16 января 1920 г. за № 8 призываются: всем специалистам землемерам, лесоводам, находящимся на службе во всех Советских учреждениях, тыловых учреждений военного ведомства и войсковых частях быть моби-

лизованными на заготовку топлива. Все призываемые подлежат непосредственно командированию в распоряжение Губкомтопа в Гомеле по адресу: ул. Могилевская, дом 8 в течение 24 ч с момента объявления сего приказа в печати». «Ответственность» за «неисполнение сего приказа» возлагалась как на самих «призываемых», так и на учреждения, «в коих» находились «призываемые» на эту работу люди. При этом в приказе было указано то, что никаких ходатайств о незаменимости того или иного сотрудника не допускается [50, л. 9].

В начале февраля 1920 г. в Гомеле продолжался набор на курсы братьев и сестер милосердия. Записывали туда всех желающих, которые с момента зачисления считались мобилизованными в армию. Днем они были обязаны заниматься практикой в госпиталях и больницах, а вечером изучать теоретическую часть работы сестер милосердия. Размер содержания, выдаваемого курсантам, равнялся размеру содержания медицинских работников без стажа в период эпидемического времени [47, л. 28]. При курсах сестер и братьев милосердия были открыты курсы для обучения оспопрививочному делу. Для этого Губрабкооп обязался предоставить большее количество бумаги для печатания регистрационных карточек по оспопрививанию.

К 20 февраля 1920 г. произошло изменение кадрового состава коллегии Гомельского Губздрава. Председателем оставался товарищ Гутман, членами бюро стали: товарищи Каган, Кононович, Залкин, Цыринский, Златкин, Дворкин, председательница Отдела работниц товарищ Додина и представитель Всемедикосантруда товарищ Каганович [47, л. 25].

На основании Постановления Губсъезда Советов Гомельский Губисполком в середине февраля 1920 г. вынес Постановление о милитаризации всех лечебных учреждений, ведущих борьбу с эпидемией. Из содержания этого документа видно, что все служащие лечебных учреждений к дню создания этого положения являются милитаризованными. За самостоятельное оставление службы предусмотрены карательные меры как за злостное дезертирство. За всякое упущение по службе, за несвоевременный приход и уход со службы администрация налагает на служащего на первый раз штраф в размере однодневного заработка, во второй раз он передается суду Революционного трибунала. Весь медицинский хозяйственный персонал милитаризованных учреждений получал продовольственный паек в размере тылового красноармейского пайка без удержания его стоимости из получаемого оклада [50, л. 19].

На заседании обновленной коллегии Губздрава от 1 марта 1920 г. среди общих вопросов была затронута тема о том, «куда подевались грелки из Московско-Александровского госпиталя и другие предметы обихода». Товарищу Златкину было поручено разобраться в этом вопросе и попутно выяснить, что происходило в I заразном госпитале в Белице по вопросам пропажи разного имущества. Основным вопросом на этом заседании стало обсуждение новой вспышки холеры в Гомеле в конце февраля 1920 г. и мер по борьбе с ней. Действуя в этом направлении, Губздрав составил и разослал по уездам программу для борьбы с холерой. В действительности ситуация с этим заболеванием оказалась настолько чрезвычайной, что на 8 марта 1920 г. в Гомеле был назначен Губернский съезд врачей для отправки представителей на Всероссийский съезд заведующих здравотделами. Для надзора по борьбе с эпидемиями привлекалось сотрудники ГУБЧЕКА для осуществления контроля над распределением топлива и продовольствия [47, л. 25].

Из текста приказа Угорисполкома от 9 марта 1920 г. видно, что больницам и амбулаториям предписывалось ввиду бумажного кризиса минимально расходовать бумагу. За неисполнение данного приказа виновные должны были предаваться суду как за растрату народного имущества [47, л. 29].

В очередном документе без указания точной даты, составленном примерно между 23–29 мая 1920 г., написано, что Гомель и Новобелица подвергались налетам «польского аэроплана», над улицами и площадями в разные дни летало несколько аэропланов. В связи с жертвами «от хищнического налета» Гомельской уездно-городской отдел здравоохранения брал обязательство оказывать помощь всем пострадавшим [50, л. 73]. Из докладной записки заведующего отдела Угорздрава председателю Угорревкома от 29 мая 1920 г. становится понятно, что в городе были открыты специальные пункты для оказания помощи пострадавшим от налетов польских аэропланов и дано распоряжение напечатать об этом событии в газете «Известия» и расклеить на афишных столбах информацию по всему Гомелю [50, л. 72]. Немедленная медицинская помощь всем пострадавшим от бомбардировки была оказана в 1-й Советской больнице на ул. Комиссарова, во 2-й Советской больнице – по ул. Советской «бывшая Городская...», в 3-й Советской больнице – по ул. Крушевского, кроме этого в 1-й Советской амбулатории – по ул. Могилевской дом 74, во 2-й Советской амбулатории – угол Замковой и Красноармейской, в 4-й Советской амбулатории – (точный адрес не указан), в 5-й Советской амбулатории – в Новобелице на ул. Поперечная.

Новым испытанием для гомельских медработников и других служащих советских учреждений явилась эвакуация в г. Клинцы, о чем свидетельствует циркуляр Гомельского уездного отдела здравоохранения от 12 июня 1920 г. Гомельский Губздрав, находясь в эвакуации в Клинцах, продолжал руководить работой Уздравов. В отношении эвакуированных врачей было сказано, что они продолжают числиться в учреждениях, где работали до эвакуации. Но при этом они лишались продовольственного пайка и денежного довольствия, если не находились в ведении Гомельского Губздрава [50, л. 83–84].

Как видно из заявления абитуриента на поступление в Гомельский электротехнический техникум от 8 октября 1920 г., возвратный тиф летом 1920 г. гомельчане называли словами «вратный тиф». Тут мы видим, что этот молодой человек, по заключению врачей переболев возвратным тифом, уехал на оздоровление в деревню [36, л. 30].

О нормах усиленного питания для заболевших рабочих металлообрабатывающих предприятий написано в обращении заведующего Губметаллом в Уздрав на улице Липовой «в бывший дом Быловского» от 27 июля 1920 г. Ввиду того, что рабочие металлообрабатывающих предприятий стали подавать массовые заявления на отпуск в связи с заболеванием, заведующий Губметаллом просит в том числе и Упродком не занижать нормы усиленного питания для больных рабочих, так как сокращение норм выдачи этих продуктов незамедлительно скажется на их состоянии здоровья. Это может привести к массовому уходу рабочих с производства и весьма нежелательным результатам, поскольку других рабочих кадров нет [50, л. 114]. К трудовой деятельности в этот период привлекались инвалиды фронтовики, что способствовало их социальной адаптации.

Гомельский Губернский отдел здравоохранения 15 октября 1920 г. направляет в Угорздрав уведомление с просьбой передать помещение бывшего холерного барака по ул. Советской, д. 98 под Губернскую протезно-ортопедическую мастерскую. В содержании этого документа сказано, что к указанному времени эпидемия холеры пошла на убыль, но в городе появилось много инвалидов, солдат, вернувшихся с театров боевых действий и нуждавшихся в протезировании [50, л. 145].

В этих условиях Гомель продолжал оставаться стратегическим тылом Красной Армии. Из города на фронт постоянно уходили отряды добровольцев и мобилизованных. Для обеспечения здоровья красноармейцев в начале декабря 1920 г. в Гомеле продолжал функционировать запасной госпиталь. Размещался он в здании бывшей женской гимназии [69, л. 34].

Для отправки бойцов на Врангелевский фронт Гомельский Губком объявил мобилизацию 3 августа 1920 г. Секретарь Губкома направил предписание в Укомпарт «мобилизовать трех дисциплинированных товарищей». Всех мобилизованных снабдили обмундированием и продовольствием за счет Укома. От призыва в армию освобождались женщины-комиссары, железнодорожники, квалифицированные рабочие, работающие на оборону, завполитбюро, служащие Красной Армии военных учреждений [81, л. 20].

О мобилизации в Гомеле и проводимой мобилизационной работе написано в приказе № 131 Гомельского уездного военного комиссариата от 28 августа 1920 г. за подписями Председателя Угорревкома М. Седова, уездвоенкома Шершнева, военрука Титова, начмоба Утко (И. О. не указаны). Всю проверку мобилизационных мероприятий начали проводить после мобилизации на фронт тех, кто служил в кавалерийских частях. Проверкой было установлено, что «учет военнообязанных в личных столах учреждений не имел определенного порядка». Вследствие этого не было установлено число военнообязанных, их отношение к военной службе и категория службы. Исходя из этого, всем советским предприятиям, учреждениям и частным заведениям было приказано в недельный срок установить строгий учет всех мужчин с указанием их фамилии, имени, отчества, года рождения, рода оружия, бывшего воинского звания, частей войск, в которой они служили ранее. В отношении тех лиц, на которых не имелись упомянутые выше сведения, проводились мероприятия по отправке их в Уездвоенком (на дату 2 сентября 1920 г.) в мобилизационный отдел для выяснения их принадлежности к воинской повинности. Проведение настоящего приказа было возложено на лица, которые напрямую несли за это ответственность. «Все виновные в несоблюдении вышеизложенного безоговорочно должны были быть преданы суду Военно-Революционного Трибунала» [50, л. 148].

Всего, к 24 ноября 1920 г., из 60 врачей, обслуживающих 3897 детских учреждений в пределах Гомельской губернии, 31 врач был мобилизован в армию. Чтобы хоть как-то улучшить медико-санитарную работу в детских учреждениях, была предпринята попытка открыть курсы по гигиене и санитарии для подготовки работников в детские дома, садики и школы. Для повышения уровня знаний врачей в области санитарной гигиены, охраны материнства и младенчества научное бюро Гомельского Губздрава совместно с бюро секции Всемедикосантруда и Губпрофобром утвердили программу 6-месяч-

ных врачебных курсов, которые должны были открыться с 1 февраля 1921 г. Количество курсантов было установлено – 40 человек [47, л. 47]. Еще одни врачебные курсы проходили в Гомеле с 15 июня 1921 г. Всем приезжающим врачам предоставлялось общежитие. Местом проведения курсов был выбран санитарно-просветительный отдел Губздрави. Лекции читали выдающиеся гомельские врачи. Курсы по хирургии читал доктор Абрамович (И. О. не указаны), по внутренним болезням – доктор Лихачев, клиническому акушерству – доктор Бубличенко, гинекологии – доктор Слойчевский, глазным болезням и оперативной офтальмологии – доктор Брук. Часы по курсу «Ухо, горло, нос» вычитывал доктор Александров, курс «Методы лечения венерических болезней» читал доктор Николая, «Нервные болезни» – доктор Кожевников, «Детские болезни, «Охрана материнства и младенчества» – доктор Владынин [51, л. 65].

Для повышения уровня санитарной грамотности Гомельский Губздрав заявил о необходимости проведения Первого прифронтового съезда по охране здоровья трудящихся и ликвидации санитарной безграмотности путем пропаганды соблюдения норм санитарной гигиены. Причем санитарное просвещение должно было носить исключительно прикладной характер и стать частью большой пропагандистской работы среди рабочих и крестьян. Санпросвет должен был работать в тесном контакте с Политпросветом, используя в полной мере все его текущие возможности и организационные навыки [47, л. 58].

Здоровье людей зависело от полноценного и правильного питания. Для этого требовалось восстановление разрушенного войной народного хозяйства, а это было возможно только при условии соблюдения всех мер революционной дисциплины. Это могло позволить организованно провести посевную кампанию 1921 г., для осуществления которой в Гомельский Уком РКП из Москвы от ЦК РКП 23 января 1921 г. было прислано предписание о проведении этих мероприятий. Из текста этого документа видно, что Гомельский Губком РКП должен требовать от представителей партийных организаций огромного напряжения сил и выдвижения на эту работу значительного количества сознательных и ответственных товарищей. Эти люди заблаговременно должны были проводить предварительную подготовку к началу посевных работ. Поэтому требовалась немедленная мобилизация среди коммунистов для успешного начала и завершения земледельческих работ. В послании из ЦК РКП требовалось призвать на эту работу 300 человек рядовых членов партии, в том числе 120 – для

работы в совхозах и 8 ответственных работников – для усиления Зем-отделов и управления совхозами [81, л. 31].

В апреле 1921 г. в Гомельский Губздрав из Комиссариата здравоохранения пришло уведомление о запрете абортот: «агитация против абортот должна была стать морально обязательной для каждого врача» [51, л. 9].

О необходимости санаторного лечения для больных туберкулезом сказано в Постановлении Гомельского Губздрава для Уздрава от 1 февраля 1921 г. В первую очередь, в санатории направлялись трудящиеся, перенесшие острые тяжелые формы заболеваний, и, в последнюю очередь, – трудящиеся в порядке отпуска согласно Кодексу о труде [51, л. 10]. О продолжении эпидемий брюшного, сыпного и возвратного тифа написано в документах Гомельского Губздрава от 25 февраля 1921 г. По этому поводу там было сказано о направлении этих больных в заразные госпитали [51, л. 15], и о том, чтобы подчинить гражданские больницы внутреннему порядку военных госпиталей, использовать до 50 коек в Александровском госпитале для хирургических больных. Следует отметить, что в конце зимы 1921 г. в Гомеле эпидемическая обстановка стала меняться в лучшую сторону. Об этом свидетельствует освобождение от заразных больных Советской больницы, проведение в ее помещениях текущего ремонта и приспособление ее для открытия терапевтических, хирургических и гинекологического отделений. В помещении 3-й Советской больницы был открыт родильный дом, в 5-й Советской больнице обустроена постоянная детская больница. Вопрос об организации стационарной помощи венерическим больным с надлежащим для этого помещением был передан на разрешение специальным консультативным органам. Такое же решение было принято в отношении организации заразного отделения детской больницы [51, л. 15].

Гомельский Горздрав 19 марта 1921 г. направил в Уздрав лечподу предписание об оказании первой медицинской помощи, которая должна была стать первоочередной функцией врачебной амбулатории и не может больше быть возложенной на больницы. Точно так же скорая медицинская помощь должна была стать самостоятельной врачебной организацией [47, л. 21].

Из Народного Комиссариата здравоохранения от 21 марта 1921 г. в Гомельский Губздравотдел поступил специальный циркуляр, в котором было сказано следующее: «В лечебный Отдел Н.К.З. поступает много заявлений от лиц, страдающих заиканием и другими расстрой-

ствами речи». Люди просили об оказании им помощи с этим недугом, о госпитализации в больницу или помещении в санаторий. Они интересовались в Наркомздраве, каким способом могут быть излечены от тех или иных недугов. На эти просьбы лечебный отдел Наркомздрава сообщал Гомельскому Губздраву, что ни в Москве, ни в других городах «в настоящее время не имеется стационарных лечебных учреждений, куда страдающие заиканием могли быть госпитализированы». Все лечение производилось амбулаторным путем и требовало очень продолжительного времени. В связи с этим Наркомздрав предлагал «организовать Гомельскому Губздраву оказание помощи лицам, страдающим расстройством речи, на местах с привлечением для этой работы на базе амбулаторий врачей невропатологов. Не допускать отправки больных с этими явлениями в столицу, где имелись тяжелые условия с транспортом и проживанием, что может поставить этих больных в безвыходное положение». Документ подписан заведующим лечебным отделом Наркомздрава Кулешовым [51, л. 26].

Чтобы лучше понять, что происходило в то время, читателю предложен хронометраж событий с приведением фактов, наиболее полно передающих ту атмосферу, в которой жили и трудились гомельские медработники в 1921 г. Среди должностей по детской больнице от 12 мая 1921 г. упомянут рентген-техник. Во 2-й Советской амбулатории работал регистратор. Из детской больницы 1 мая 1921 г. уволилась сестра милосердия для продолжения образования в Киевском университете. Доктор Александров 12 мая 1921 г. отбыл в двухнедельный отпуск. Извозчик И. Ковалев был зачислен в штат извозчиков бесплатной медицинской помощи на дому «для обслуживания капли молока за линией железной дороги» с назначением ему всех видов довольствия. Р. Этлина из 3-й Советской больницы 20 мая 1921 г. была назначена на должность патронажной сестры для работы в родильном отделении по уходу за новорожденными детьми. Ц. Фишман 27 апреля 1921 г. зачислена на должность судомойки. По бесплатной медицинской помощи на дому М. Штильман был зачислен на должность курьера с 13 мая [51, л. 46–47].

В документе от 1 июля 1921 г. можно узнать о том, что в Гомеле произошла очередная вспышка холеры. На это указывает информация о том, что к указанному периоду был закрыт плавучий барак водного транспорта. В связи с этим все стационарные лечебные учреждения города были обязаны принимать работников водного транспорта вне очереди [51, л. 69].

В начале июля 1921 г. Гомельский Губздравотдел издал распоряжение для Уздрава о проведении мер для привлечения студентов медиков, начиная с 4-го курса, для работы в качестве лекпомов, а с 3-го курса – в качестве дезинфекторов, а также братьев и сестер милосердия [51, л. 79]. Кроме того, Гомельский Губернский исполнительный комитет издал приказ, касающийся всех школьных, ротных и войсковых фельдшеров, фельдшерниц-акушерок, акушерок и повитальных бабок I и II разрядов, массажистов и массажисток, имеющих свидетельства о своем медицинском звании. Все эти специалисты должны были прибыть в лечебные подотделы местных уздравов для прохождения перерегистрации, представив дореволюционные и послереволюционные документы, подтверждающие их медицинское образование [51, л. 79].

Из протокола заседания Губернского отдела здравоохранения от 30 июля 1921 г. можно увидеть, что доктор Каган (И. О. не указаны) заявил о необходимости взять на учет всех медицинских специалистов для привлечения к работе в советских лечебных учреждениях, несмотря на то, что они достигли пожилого возраста и в силу этого занимаются только частной врачебной практикой. Такое решение возникло на основании циркуляра Наркомздрава от 8 мая 1921 г., где было сказано о необходимости соблюдать учет рецептов частнопрактикующих врачей. Этими действиями планировалось сократить выписку спиртовых растворов и не допустить безконтрольного назначения усиленного питания и предоставления отпуска по болезни [51, л. 131].

Подводя итоги по этой теме, следует признать заслуги советской социальной системы, которая в указанный период была направлена на оказание любой медицинской помощи всем, кто в ней нуждался, и, в первую очередь, была адресована детям. Подтверждением этому стал документ Гомельского уездно-городского отдела от 2 августа 1921 г., где сказано, что все заболевшие пациенты из городских детских амбулаторий, больниц, детских домов, яслей, домов ребенка и других детских учреждений, находящихся в ведении Уздрава, могут быть направлены в 5-ю Советскую детскую больницу на улице Госпитальной [51, л. 102].

И это далеко не все факты, относящиеся ко времени героической борьбы гомельских врачей и всего медперсонала с эпидемиями. В этот период была начата интенсивная работа лечебных учреждений, что позволило в течение двух лет не только остановить распространение особо опасных инфекций, но и вылечить заболевших людей. Эта тема, как в истории медицины Гомеля, так и всей Беларуси, может иметь дальнейшее продолжение в трудах последующих исследователей.

4.2. Деятельность Гомельского Дома санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова в 1920–1924 годы

Распространение инфекционных заболеваний в условиях полной антисанитарии, крайней нужды и отсутствия у людей самого необходимого для нормальной жизнедеятельности привело к тому, что наиболее ответственные врачи Гомеля зимой 1919 г. решили открыть Дом санитарного просвещения. Как свидетельствуют скудные сведения из дел, собранных из разных архивных документов, в начале 1919 г. была составлена смета на обеспечение этого санитарно-просветительского учреждения всем необходимым. Начался сбор мебели, оборудования, плакатов, диаграмм и прочего инвентаря, необходимого для работы. Был сформирован коллектив штатных работников. Заведующим Домом был назначен врач (фамилия не указана) с окладом 4020 руб. в месяц, а также в штат включили делопроизводителя, конторщика, лектора, который должен был использовать в своих лекциях различные пособия, демонстрировать диапозитивы. В помещениях насчитывались три печки, освещение осуществлялось с помощью керосиновых ламп. Стоимость одной лекции составляла 200 руб. В месяц лектор должен был прочесть шесть лекций по разным темам [48, л. 3]. Однако в 1919 г. из-за массовой заболеваемости среди медработников Дом санитарного просвещения свою работу так и не начал.

О месте нахождения Дома санитарного просвещения в этот период можно судить на основании пометки в местной газете от 11 октября 1920 г., где указан адрес: ул. Ленина, д. 10 и фамилия заведующего Домом доктора А. Б. Рабинерзона [43, л. 2 об.]. В списке гомельских врачей, составленном для организации лекторской работы 3 августа 1920 г., указаны их фамилии. Это Цейтлин, Едидович, Манц, Кононович, Александров, Е. Ратнер, А. Б. Рабинерзон, Берлин, Брандина, Певзнер, Карасик, Т. Каган, Балицкий, Янковский, Навяжский, Хавин, Н. Любин, Рафалькес, Маневич, Цыринский [43, л. 2]. Из текста газетной статьи от 20 августа 1920 г. видно, что при Доме санитарного просвещения Губздрава организовано издательство, печатающее популярную медицинскую литературу, брошюры, листовки и статьи.

В газете «Полесская правда» отводилась страница для размещения раз в неделю информации под названием «Листок санитарного просвещения». А издательством популярной медицинской литературы занимался Гомельский Госиздат [43, л. 2 об.]. Заведующий Домом санитарного просвещения А. Б. Рабинерзон обращался к гомельским

врачам, чтобы они присылали ему свои статьи по понедельникам, и после предварительной редакции в течение недели их отправляли в печать. Из документа от 17 сентября 1920 г. узнаем, что в газете «Полесская правда» в воскресном номере на одной странице доктор А. Б. Рабинерзон напечатал статью об опасности холеры, доктор Кононович – о возвратном тифе, доктор Маневич – о роли воды в распространении заразных болезней. В октябрьские дни 1920 г. гомельские врачи выступили с воззванием к городским властям и жителям о необходимости очистки города и объявлении трудовой повинности для всех без исключения граждан, поскольку грязь и микробы в кварталах и дворах – это источник рассады болезней [48, л. 7].

Официально открытие в Гомеле Дома санитарного просвещения состоялось 1 января 1921 г. при Губздравотделе [42, л. 5]. Данное учреждение было открыто благодаря настойчивости целой группы молодых врачей во главе с доктором А. Б. Рабинерзоном. В феврале 1922 г. Дом санитарного просвещения был переименован в музей санитарного просвещения [45, л. 96]. Как было указано, первоначально в 1921 г. помещение Дома находилось в Гомеле по адресу: ул. Ленина, д. 10 [43, л. 2 об.]. Затем Дом был переведен в новое здание, расположенное по ул. Крестьянской, д. № 27. Однако еще один документ без даты сообщает информацию о заседании лекторского кружка при Доме санитарного просвещения по адресу: ул. Первомайская, дом № 25, квартира доктора Александрова, время 7 ч вечера; подпись заведующего Домом с пометкой: «просьба не опаздывать». Сбоку на документе еще одна приписка: «Воскресение 8-го». Далее приведен список гомельских врачей: доктора Цейтлин, Едидович, Манц, Кононович, Александров, Ратнер, Штейнбак, Берлин, Навяжский, Н. Любин, Рафильнес, Штейнер, Брандина, Пашейтиц, Певзнер, Фельдгун, Карасик, Каган, Роза Ратнер, Янковский [42, л. 4, 6].

Заведующий Домом санитарного просвещения обратился в редакцию газеты «Полесская правда» с просьбой опубликовать в рубрике «Хроника событий» заметку о том, что доктор Александров 16 и 17 марта 1921 г. будет читать лекции на тему «Туберкулез» для среднего медицинского персонала во всех госпиталях. Вход для медицинского персонала – свободный [42, л. 61].

В музее санитарного просвещения были собраны следующие коллекции: анатомическая, патологоанатомическая, инфекционных болезней, санитарной гигиены, социальных болезней, охраны материнства и младенчества. При музее функционировала библиотека медицинских изданий. С целью пропаганды медицинских знаний со-

трудники музея читали лекции на тему санитарного просвещения в учреждениях и организациях города. В 1921 г. в Дом санитарного просвещения были приобретены экспонаты медицинской коллекции (путем вскрытия трупов) – это легкие, почки, печень, глаза и другие внутренние органы человека. Кроме того, в библиотеку Дома было приобретено 200 книг на сумму 2000 руб. и закуплена разная мебель на сумму 100 000 руб. Для отопления Дома было заготовлено три сажени дров на сумму 150 000 руб.

С января по апрель 1921 г. в Доме санитарного просвещения были подготовлены информационные сообщения для оформления выставок по профилактике и диагностике следующих заболеваний: «Заразные болезни», «Гигиена (все отрасли)», «Охрана материнства и младенчества», «Венерические болезни», «Социальные болезни и уход за больными» [42, л. 2]. Активно велась работа по представлению диапозитивов к темам: «Туберкулез», «Алкоголизм», «Наследственность», «Сифилис», «По эмбриологии и микробиологии». Было изготовлено семь плакатов по анатомии в цвете, десять оригинальных плакатов – о здоровом образе жизни, три плаката – о сифилисе и один – о туберкулезе.

В области библиотечного дела была создана медицинская библиотека для врачей и лекторов с количеством 665 книг по всем отраслям медицины. В библиотеке имелись современные издания периодической печати: журналы и популярная медицинская литература. Как отмечалось в документах, лекторское дело в указанный период (с января по апрель 1921 г.) развивалось достаточно успешно; было прочитано 34 лекции, при этом слушателями были 1870 человек. Состав посетителей был самый разнообразный: это члены профсоюзов, красноармейцы, сотрудники жилотдела, медперсонал гражданских больниц и военных госпиталей, курсистки и курсанты школ, школьники школ первой и второй ступени. В 1921 г. личный состав Дома был представлен следующим образом: заведующий – врач, завхоз, библиотекарь, делопроизводитель, фотограф-демонстратор, два художника, один фотограф, курьер и уборщица. Из копии удостоверения, выданного 12 февраля 1921 г. за № 62, видно, что товарищ Диментман Израель «действительно состоит в Доме санитарного просвещения на службе в качестве фотографа-демонстратора». В обязанности фотографа входило изготовление фотографических снимков, демонстрируемых во время лекции [42, л. 16]. Кроме этого И. Диментман занимался изготовлением медицинских плакатов. По ходатайству

заведующего Домом перед райкомом И. Диментман, несмотря на жилищный кризис в городе, получил ордер на комнату в доме № 8 по ул. Замковой «как ценный и нужный специалист» [48, л. 52].

При Доме был организован лекторский кружок, который состоял из 20 врачей. Плакаты «модели человеческих органов» приобретались в Москве, Смоленске и Медицинском обществе Гомеля. Всего на тот период в Доме насчитывалось 23 анатомических экспоната, 345 плакатов, 236 диапозитивов, 665 медицинских книг. Среди книг, находящихся в библиотеке Дома санитарного просвещения, можно назвать следующие: 1. Гетнер «Анатомия человека». 2. Бир «Лечение застойной гонорей». 3. Шаутер «Учебник Акушерства». 4. Бобров «Лечение соляной кислотой». 5. Тильманс «Частная хирургия» Т. I, II, III. 6. Дьяконов «Хирургия». 7. Д'Эсмарх «Хирургическая техника». 8. Книга «IX съезд Российских хирургов». 9. Бильрот «Атлас общей и частной хирургии». 10. Дьяконов «Хирургия», Т. XXVIII. 11. Форги Реклюс «Курс хирургический архив». 13. Книга «Польская хирургия». 14. Бобров «Оперативная хирургия», вып. I. 15. Раубер «Немецкая анатомия». 17. Чаусов «Топографическая анатомия человека». Общий список составил 59 книг (все названия приведены на языке первоисточников [42, л. 67]). Для музея охраны народного здоровья изготавливалась под заказ специальная мебель [42, л. 6].

Из записи, составленной доктором А. Б. Рабинерзоном в Губздрав, видно, что он сильно переживал за то дело, которым ему доверено было руководить. Из записей, сделанных им 8 мая 1921 г., следует, что Дом санитарного просвещения больше не может размещаться в трех комнатах, так как собранный материал и «все наглядности» требуют просторного помещения. «Всякий музей в своей основе, в частности музей медицинский, требует строгой классификации, абсолютно невозможно, чтобы плакаты находились в шкафах. Мастерские по изготовлению плакатов и диапозитивов находятся в крайне ограниченном пространстве, я бы сказал, не имеют своего угла. Посему ставлю руководство Губздрава в известность, что если мы не используем летнее время, чтобы подыскать подходящее помещение и для усиленного изготовления наглядного материала, то дальнейшая организация Музея по охране народного здоровья не закончится к осени, что равносильно тому, что она будет отложена на потом. Из-за отсутствия мест приходится отказывать в приеме посетителям» [42, л. 6 об.].

Как указано в документе, с 1 по 3 февраля 1921 г. в Доме санитарного просвещения состоялся съезд врачей гомельского Горздрава. Дополнительных сведений об этом мероприятии нет [42, л. 19].

Из документа от 9 апреля 1921 г. следует, что в понедельник 11 апреля в 7 ч вечера в Доме с тематическими докладами выступали участники Всероссийского съезда по Санпросвету, который проходил в Москве [42, л. 30]. Из документов можно узнать о лекциях, прочитанных в марте–апреле 1921 г. лекторами Дома; например о том, что доктор Навяжский 4 марта в 6 ч вечера читал лекцию в агитпункте на вокзале на тему «Гонорея и ее течение», по времени – один час [42, л. 21–21 об.]. В документе без числа, очевидно, подготовленного А. Б. Рабинерзоном в августе 1921 г. для направления в Губздрав, он категорически выступает против того, чтобы в Дом перевести отдел просвета и отдел статистики Губздрава [42, л. 36].

В вопросе о поиске нового помещения для Дома из текста документов мы узнали о предложении Губздрава от 4 августа 1921 г.: «в ходе заседания Агитпома Губкома РКП решили выселить всех жильцов из помещения центрального рабочего научно-технического клуба, чтобы развернуть там в дальнейшем музей санитарного просвещения по охране народного здоровья» [42, л. 37]. Из документов хозяйственной отчетности от 5 сентября 1921 г. составленных заведующим А. Б. Рабинерзоном, известно, что «всякого имущества в Доме было 2 ведра, 8 плевательниц жестяных, 4 ванночки 18 x 24 см, 2 умывальника рукомойника, 2 графина, 12 стаканов, 12 блюдец, 6 полотенец, 1 чайник фарфоровый, 1 пара ножниц, 1 бочёк жестяной для керосина в $\frac{1}{2}$ пуда, 1 лейка, 4 аршина настольной клеенки, 1 топор, 6 листов стекла» [42, л. 40].

В 1922 г. в Гомеле продолжается санитарно-просветительская работа. Как свидетельствуют документы за период второго полугодия, 11 июля 1922 г. доктор Жилин читал лекции на медицинскую тематику в театре имени Свердлова. Тема лекции не указана, но, как понятно из других документов, в те июльские дни гомельские врачи активно выступали перед слушателями с беседами по вопросам, относительно того, как избежать холеры [43, л. 37]. Очевидно, это было связано со вспышкой холеры в Гомеле.

Документы финансовой отчетности за июль–август 1922 г. показывают, как выглядела система оплаты труда работников музея санитарного просвещения. Из докладной записки от 24 июля 1922 г., составленной доктором А. Б. Рабинерзоном в Союз Всемедикосантруда, понятно, что его месячный оклад составлял 150 000 000 руб. Оклад завхоза и фотографа за этот период был 60 000 000 руб., и такие высокие суммы свидетельствовали о высоком уровне инфляции в экономике [43, л. 40]. Однако уже в августе 1922 г. суммы платежей в

документах авансовой отчетности, направляемых музеем в Губздрав, представлены достаточно низкими цифрами. Это видно из записей от 1 сентября 1922 г.: «препровождается авансовый отчет № 6 в сумме 6 372 рублей 50 копеек и № 8 в 5100 рублей» [43, л. 41]. Такие изменения в системе финансовых начислений связаны с проведением денежной реформы в советской экономике и заменой денежных средств. Однако это не привело к экономической стабильности, полному благополучию людей и снижению числа заразных заболеваний; требовалось время и напряженная работа медицинских работников.

Как свидетельствуют источники, осенью 1922 г. гомельские врачи продолжают выступать с беседами и лекциями об опасности венерических заболеваний. Так, например, 22 ноября 1922 г. доктор Жилин в клубе райкома прочитал лекцию на тему «Венерические болезни с туманными картинками». Чтобы улучшить восприятие тематического содержания лекций, руководство музеем направило телеграмму 18 ноября 1922 г. в Государственный музей социальной гигиены г. Москвы по адресу: Воздвиженка, 14, с просьбой прислать модели и муляжи различных органов человека, пораженных теми или иными заболеваниями: «При сем препровождается переводной билет Госбанка № 0515442/541 на сумму 63 026 рублей. Квитанцию на адрес музея прошу тщательно запаковать [43, л. 50]». Борьба с венерическими заболеваниями предполагала искоренение источника их распространения – женщин легкого поведения. Чтобы обсудить эту проблему, администрация Дома и музея санитарного просвещения 25 января 1923 г. составила обращение к заведующему Губздравом товарищу Златкину следующего содержания: «Многоуважаемый коллега! Соблаговолите прибыть на совещание врачей, работающих в Доме 28 января 1923 г. в 6 часов». На повестку дня были вынесены следующие вопросы: борьба с проституцией, доклад о туберкулезе и прочие текущие дела [44, л. 20]. В документе перечислены фамилии врачей, которые должны были быть на совещании: доктора Скороходов, Хейфиц, Каган, Итина, Певзнер, Брук, Шапиро, Переплетчиков, Козакевич, В. Л. Оранский, Миндель, Штейнер, Кононович [44, л. 20 об.]. Для расширения антивенерической пропаганды В. Л. Оранский направил в редакцию газеты «Полесская правда» для опубликования объявление следующего содержания: «В виду предстоящей венерической компании музей санитарного просвещения просит представителей клубов Нарпита, клубов Печатников, клуба Водников, клуба Совработников придти в музей к 9 ч вечера в течение недели с 4 по 10

сего февраля 1923 г. для переговоров и времени устройства в соответствующих клубах лекций по проблеме венерических болезней и проституции» [44, л. 32].

Санитарно-просветительская работа оказывала большое влияние на осознание гражданами необходимости заботиться о своем здоровье и своевременно предупреждать развитие заболеваний. Подтверждением этому является переписка Гомельского Губкома с Губздравотделом об отправке коммунистов на лечение летом 1921 г. В одном из заявлений, составленном в Гомельский Губком кандидатом в члены РКП большевиков Гомельской организации и сотрудником Реввоентрибунала товарищем Б. Пивоваровым, указано, что «по ходатайству своей коммунистической ячейки он был направлен в Крым на лечение». Однако «Губздрав при освидетельствовании его состояния здоровья, нашел, что в Крым ему ехать нельзя до августа месяца по причине большой жары, что могло навредить его здоровью». Взамен было предложено «отправить нуждающегося в санаторном оздоровлении в санаторий города Клинцы с 10 июня 1921 г.». Однако «6-месячное лечение из-за длительности заболевания его органов дыхания в местном санатории желаемого результата не принесли. Больной по-прежнему чувствовал себя плохо», и поэтому он «продолжал просить Губком отправить его в Крым на курорт для дальнейшего лечения, где он мог бы восстановить свое здоровье». «Излечившись от болезни», Б. Пивоваров «желает продолжить свою работу в органах советской власти», заявление составлено 19 июля 1921 г. [75, л. 1].

В начале 1923 г. гомельские врачи продолжали вести борьбу с туберкулезом. Музей санитарного просвещения объявил 15 января проведение туберкулезного трехдневника для военнослужащих санитарной части кавалерийской дивизии и штаба 4-го полка. Проведение этой работы было доверено доктору Фейгину, откомандированному врачебной секцией Семемедикасантруда Губбюро [43, л. 59 об.]. Следует отметить, что работа врачей пропагандистов требовала повышения их профессиональных знаний. С этой целью 29 января 1923 г. музей направил в Губздрав просьбу отпустить 645 руб. для приобретения медицинских книг [43, л. 62]. Наглядные материалы просветительного содержания безвозмездно предоставил музею доктор Темкин, о чем свидетельствует напечатанная заметка в газете «Полесская правда» от 7 марта 1923 г., где сказано, что «музей благодарит Темкина за подаренные им 20 таблиц по биологии» [43, л. 66 об.]. В объявлении от 10 февраля 1923 г. на странице «Полесская правда» «музей сани-

тарного просвещения выражает свою благодарность доктору Савинскому, врачу 6-й амбулатории за передачу им в музей 61 медицинской книги» [44, л. 37]. И это при том, что врачи испытывали недостаток средств.

В списке сотрудников музея от 16 апреля 1923 г. отмечено: доктор Оранский Вениамин Львович, 1890 г. рождения, врач по внутренним болезням, ранее работал заведующим подотделом Губздрав, женат, жена работала зубным врачом, место жительства указано: г. Гомель, ул. Могилевская, д. 7. В должность заведующего музеем вступил 10 января 1923 г., заменил командированного в Петроград доктора А. Б. Рабинерзона, 1887 г. рождения, врача хирургической практики, в анкете указано, что у него неработающая жена и дочь и адрес служебной квартиры: ул. Ленина, д. 10 [44, л. 22 об., 23]. В. Л. Оранский просит Губздрав отпустить ему продукты на апрель в кредит на сумму 150 руб. Однако в этой просьбе ему было отказано и уже 18 апреля В. Л. Оранский просит Губздрав уволить его со службы в виду того, что «при таких материальных и моральных условиях он не может работать», в чем ему тоже было отказано [43, л. 59 об.].

С 8 по 15 марта 1923 г. в музее проходила «Неделя охраны материнства и младенчества». В. Л. Оранский разослал эту информацию в учреждения с просьбой явиться в эти дни на лекцию по адресу ул. Крестьянская, д. 25, всех работающих матерей [44, л. 49]. Об интенсивности лекторской работы сотрудниками Дома и музея санитарного просвещения в Гомеле за январь 1923 г. свидетельствует следующая информация. Прочитано за период с 1 января по 1 февраля текущего года 63 лекции, что составило 173 ч по темам: «Туберкулез», «Рахит», «Золотуха», «Анатомия и физиология человека». Состоялись съезды врачей и текущие собрания работников музея. За этот период музей посетило 18 651 человек, из них: 6 724 – мужчины, 8230 – женщины и 3697 – красноармейцы. В музее числилось совместителями лекторами 18 врачей [44, л. 52]. В феврале 1923 г. лекторские кружки посетило 7600 человек, что видно из отчета, отправленного в Губздрав 1 апреля 1923 г. В. Л. Оранским. За этот период с тематическими докладами выступил врачи: Мендель – «История сифилиса», «Пути заражения сифилисом женщин», «Сифилис – болезнь излечимая», Фейгин – «Венерические болезни и армия», Хейфиц – «Венерические болезни и брак», Брандина-Герман – «Венерические болезни у женщин», Шер-Рубин – «Сифилис у детей», Савинская – «Проституция и венерические болезни» [44, л. 67–67 об.].

В июне 1923 г. в Дом и музей санитарного просвещения была направлена литература по санитарно-просветительной работе следующего содержания: «Беседа о чесотке», «Комнатная муха – разносчик заразы», «Как действуют спиртные напитки», «Об охране питьевой воды», «Острозаразные заболевания в школе», «Применение серы в дезинфекции», «Здоровые и больные зубы», «Натуральная оспа и борьба с ней», «О возвратном и сыпном тифе», «Как уберечься от холеры», «Очерк о микробиологии» [44, л. 111].

Из имеющихся в нашем распоряжении документов видно, что работники музея имели возможность получить отпуск. Заведующий В. Л. Оранский пишет в Губздрав сообщение, что уборщица музея Микульская получила отпуск с 1 по 15 июня 1923 г. [43, л. 70 об.]. Сам В. Л. Оранский в заявлении, написанном им в Губздрав от 13 июля 1923 г., просит отпустить его в отпуск по болезни, а вместо себя он просит оставить доктора Фридкина [43, л. 74 об.].

Стала известна фамилия еще одного гомельского доктора – Шемболдаев, выявленная среди списка книг, который был отправлен вдовой врача в Губздрав 4 августа 1923 г. [43, л. 76]. Среди активных читателей библиотеки Дома и музея санитарного просвещения указаны фамилии гомельских врачей: Пейльместер, Гинзбург, Вайчихович, Мандельбаум, Дергун, Нейман, Горн, Б. И. Качан, Штейнер, Лакситанова, Шапиро, Плоткина и др. [43, л. 76 об.]. Наиболее добросовестной читательницей книг в библиотеке была доктор Плоткина (И. О. не указаны).

В январе 1924 г. представители лекторского кружка обновили тематическое содержание своих выступлений, так, например, появились темы «Гигиена зубов», «Об уродстве и уродах». Местом для чтения стал клуб транспорта [45, л. 14 об.]. В Гомельский Рабфак было отправлено пять билетов для входа на платную лекцию по теме «Уродство» [43, л. 87].

В период с 11 по 31 января 1924 г. врачами Хейфиц и Марголин были прочитаны лекции для широкой аудитории слушателей на тему: «Туберкулез, зубы и их лечение», «Об аборте», «Молодость, старость и смерть», «Борьба с заразными болезнями» [45, л. 15]. В феврале 1924 г. в Музее начала работать система денежной помощи сотрудникам, и завхоз А. Я. Майдель получил помощь 20 руб. [43, л. 87]. В этот период заведующим оставался В. Л. Оранский, а фотографом продолжал работать И. Диментман [45, л. 22, 22 об.].

Из копии письма от 13 февраля 1924 г. видно, что руководство Дома санитарного просвещения направило в универсальный книжный

магазин г. Москвы Л. Д. Френкеля. Был составлен запрос о высылке книг на тему: «Триппер у мужчин и женщин и его лечение», «Сифилис и его лечение», «Когда сифилитик может вступать в брак». Тематическое содержание этой литературы свидетельствует о том, что советское общество накрыла первая волна венерических заболеваний. Это было связано с последствиями Первой мировой войны, революции и гражданской войны [45, л. 23]. А 31 марта 1924 г. музей обратился в фотокиномастерскую Центрального института труда в г. Москве по ул. Петровка, 24 с просьбой выслать прејскурант цен на диапозитивы по медицинской тематике для улучшения качества санитарно-просветительской работы в массах [43, л. 88].

С 15 по 21 февраля 1924 г. врачи Гинзбург и Кузьмин прочитали лекции на темы «Ветряная и натуральная оспа», «Гонорея у женщин». В. Л. Оранский прочитал целый цикл лекций разнообразной тематики: «Проституция и буржуазное общество», «Малярия», «Как борется советская власть с туберкулезом», «Гигиена девичества», «Профессиональная болезнь гонорея» [45, л. 23]. В 1924 г. Гомельский санитарно-просветительский музей стал получать издания периодической печати из Москвы, о чем свидетельствует обращение его руководства в Московскую редакцию «Вопросы Труда» по адресу: Москва, Старая площадь, дом 6, 3 этаж, комната 65. В обращении было указано: «Просим выслать журнал «Гигиена труда» за 1924 г.» [43, л. 90 об.].

По поводу стоимости одной лекции 15 февраля 1924 есть следующая информация: доктор Гинзбург прочитал одночасовую лекцию на тему «Ветряная и натуральная оспа» стоимостью 1 руб. 50 коп. Доктор Переплетчиков 3, 13, 17, 24 февраля 1924 г. вычитал 4 часа лекций, заработав 6 руб. Тематика его выступлений была посвящена сифилису и туберкулезу. Доктор Плоткина выступала 3, 10, 11, 24 февраля в клубе партии по одному часу, каждый раз с темами «Малярия» и «Гигиена девичества» [45, л. 36 об.]. Как свидетельствует еще один документ, на лекцию доктора В. Л. Оранского по теме «Уродства» на 22 марта 1924 г. билеты по крайне низкой цене были не проданы. Эта тема, вероятно, была не востребована населением из-за ее неактуальности. В этом документе указана еще одна фамилия – доктора Шер-Рубина, который недополучил 4 руб. за прочитанные им лекции в марте 1924 г. [45, л. 45].

В документе от 18 апреля 1924 г. указано два адреса Дома санитарного просвещения в Гомеле: на улице Крестьянской, д. 27 и ул. Первомайской, д. 25 [45, л. 48 об.]. В апреле 1924 г. выплата зара-

ботной платы сотрудникам лекторских кружков и другим работникам осуществлялась в соответствии с имеющимся у них разрядом и окладом. Так, например, доктор В. Л. Оранский, он же заведующий, имел 14 разряд и оклад в 50 руб. Завхоз и делопроизводитель – 10 разряд и оклад в 21 руб., уборщица – 7 разряд и оклад в 14 руб. [45, л. 50, 50 об.]. В мае 1924 г. доктор В. Л. Оранский вычитал 9 ч лекций по разнообразной проблематике: «Сифилис и половой инстинкт», «Половое развитие детства», «Половая жизнь современной молодежи», «Гигиена грудного возраста», «Менструация и профессия», «Глисты и селитер», «Школьные инфекции» [45, л. 61]. Как свидетельствуют статистические данные, собранные медицинскими работниками, в мае 1924 г. в Гомеле сложилась неблагоприятная ситуация с ростом и распространением венерических заболеваний среди лиц мужского пола. Мы не можем до конца дать характеристику этой ситуации из-за отсутствия в источнике точных данных. Но на основании того, что оказалось доступно, можно сделать выводы исходя из данных таблицы с вновь заболевшими, где перечислены три основных венерических заболевания: сифилис, триппер и мягкий шанкр. Указан возраст заболевших: в одной графе перечислены заболевшие, не достигшие 18 лет, а в другой графе представлены данные на заболевших в возрасте с 18 до 22 лет [45, л. 63]. В конце июля 1924 г. Дом санитарного просвещения начал проведение курсов для учителей один день в неделю, тематика лекций и беседа на которых была посвящена социальным болезням [45, л. 78].

Выступления с лекциями о вреде венерических заболеваний доктора В. Л. Оранского в итоге вышли на уровень широких обсуждений. Так, после его выступления перед членами Союза Нарпита 30 октября 1924 г. была принята резолюция для представления ее в Губздравотдел. Содержание ее отражало следующее: 1. Венерические болезни являются страшным социальным злом, ведущим к вымиранию и вырождению населения. 2. Главным рассадником венерических болезней является проституция. 3. Больные венерическими болезнями, особенно сифилисом, часто не знают о своей болезни, являясь невольно переносчиками и распространителями венерических болезней. 4. Больные венерическими болезнями в силу понятных причин открыто не заявляют о своих нуждах, как это делают больные другими болезнями, например, туберкулезом. 5. Свежие случаи венерических болезней при правильном лечении быстрее поддаются излечению. 6. В завершение всего сказанного члены Союза Нарпита в числе 80 человек постановили: просить Губздрав принять некоторые меры.

Увеличить количество лекций об опасности венерических заболеваний. На предприятиях вывешивать специальные листовки, плакаты, правила. Организовать диспансер с целью успешной борьбы с венерическими болезнями, что даст возможность находить источники венерической заразы и вести за ними наблюдение, а больным – получать необходимые советы, как себя излечить, а других не заразить. Организовать периодический осмотр рабочих и служащих с целью установления больных венерическими болезнями, для чего оборудовать венерический кабинет центральной амбулатории и снабдить его необходимыми инструкциями и лекарственными средствами. Организовать губернскую венерическую лечебницу с достаточным количеством коек для больных мужского и женского пола, а также санитарные кружки и поручить товарищу В. Л. Оранскому выработать устав по борьбе с венерическими заболеваниями. В конце было поставлена дата: 30 октября 1924 г. и подпись заведующего клубом Нарпита товарища Горелик [45, л. 120].

В завершение данной темы следует отметить, что сотрудники дома и музея санитарного просвещения проводили героическую медико-санитарную и просветительскую работу среди гомельчан в тяжелейших условиях массовых эпидемий. В то время, когда здоровье и жизнь каждого человека всецело зависели от их внутренней культуры и уровня знаний в области личной и общей гигиены, именно эта просветительская работа позволяла в итоге горожанам уберечь себя от инфекции и сохранить свою жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных научных исследований архивных источников на основе отдельных исторических документов рассмотрена деятельность данных советских органов власти на разных уровнях управления, показана работа ученых и краеведов. Описаны повседневная жизнь и профессиональная деятельность учителей, врачей и простых горожан. Изучение ряда актуальных вопросов по истории Гомеля позволило автору сделать следующие принципиальные выводы:

1. Архивные документы первых лет советской власти наиболее ярко представили события, связанные с жизнью и рабочей деятельностью многих гомельчан, которые поддерживали большевиков и стремились отдать максимум своих сил и знаний, чтобы построить новое общество свободных граждан, находясь при этом в тяжелейших условиях гражданской войны, голода, холода и разрухи.

2. Специалисты из разных областей научных знаний, несмотря на сложное время становления советского государства, со всей долей ответственности стремились сберечь историческое и культурное наследие своей страны, тем самым формируя у советских граждан сознательность и ответственность в деле сохранения великого наследия прошлого, в том числе истории своего края.

3. Стремительно шло развитие библиотечного дела как в Гомеле, так и во всей губернии. Также была организована фотокиносекция, работа которой внесла весомый вклад в развитие города и стала началом культурных преобразований советской власти.

4. В Гомеле активно развивалась поисковая историко-краеведческая деятельность, велась тщательная и кропотливая работа по поиску, сбору, учету и описи найденных и возвращенных культурно-исторических ценностей, что способствовало изучению и сохранению памятников прошлого.

5. В течение длительного времени в сложных условиях и с переменным успехом проводились реставрационно-восстановительные работы в полуразрушенном дворце Паскевичей.

6. Достаточно долгое время, не глядя на тяжелое материальное положение и многочисленные трудности, осуществлялось благоустройство парка имени А. В. Луначарского. Успешно выполняли свои задачи по просвещению и ознакомлению народных масс с богатейшим историческим наследием своей страны и родного края художественно-исторический и педагогический музеи в Гомеле.

7. Ни трагические события гражданской войны, ни трудное время послевоенной разрухи не помешали функционированию системы народного образования в Гомеле. Продолжали работать старые и открывались новые образовательные учреждения в городе, такие, как Гомельские курсы продовольственных работников, Гомельский электротехнический техникум, фармацевтическая школа, курсы аптечных работников, школа-студия имени М. А. Врубеля. Советские образовательные учреждения начали проведение мероприятий, направленных на ликвидацию неграмотности. Пролетарский университет осуществлял подготовку партийных работников. Позволял получить высшее образование Гомельский Рабочий факультет (Рабфак) Минского политехнического института. Принимались меры по организации мероприятий, направленных на охрану детства и оказание помощи детям. Также начала организовываться допризывная подготовка молодежи в Гомеле.

8. Невзирая на все лишения и трудности военного и послевоенного времени, в Гомеле не только была сохранена система здравоохранения, но и происходила ее реорганизация, совершенствование и развитие. Было создано Городское медико-санитарное бюро для борьбы с тяжелыми карантинными эпидемическими заболеваниями. Насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах, достаточно эффективно функционировали больницы Гомеля. В 1-й Советской больнице после ремонта открыты новые отделения, в 3-й больнице – родильный дом, в 5-й – обустроена детская больница. В Гомеле начали работать: Губернский аптечный склад, оптическая мастерская по изготовлению очков. Для борьбы с оспой открывались оспопрививочные пункты и кабинеты, успешно работали врачебные лаборатории, которые стали оказывать в том числе и первую медицинскую помощь. Организовывались и проводились различные врачебные курсы, в том числе и курсы по обучению оспопрививочному делу. Скорая медицинская помощь в это время выделилась в самостоятельную врачебную организацию. Складывалась новая система оказания бесплатной медицинской помощи.

9. В это же время был открыт Дом санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова, а впоследствии и музей. Деятельность Дома была связана с большой санитарно-просветительской работой, проводимой среди населения города. Был создан лекторский кружок, на предприятиях и заводах, в школах и учреждениях читались лекции на актуальные в то время темы защиты от инфекционных и заразных бо-

лезней, личной гигиены, пропаганды здорового образа жизни, профилактики социальных заболеваний, охраны материнства и младенчества. Организовывались различные просветительские мероприятия, направленные на борьбу с туберкулезом, венерическими заболеваниями, с применением плакатов, наглядных пособий, показом диапозитивов. Проводились разнообразные выставки в музее санитарного просвещения, демонстрирующие находящиеся там, анатомические и другие медицинские коллекции. При Доме санитарного просвещения работала библиотека медицинских изданий, было организовано издательство, печатающее популярную медицинскую литературу, брошюры, листовки, статьи. Все это позволило гомельским медицинским работникам в период крайне тяжелой эпидемической обстановки, проявляя небывалую храбрость и отвагу в борьбе за сохранение человеческих жизней, осуществлять проведение массовых противоэпидемических мероприятий.

Таким образом, можно утверждать, что материал, содержащийся в данном исследовании, существенно расширит представления современных гомельчан об истории родного города в нелегкие послереволюционные годы становления системы советской власти и формирования нового мировоззрения и менталитета советских людей.

Литература

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Фонд 40. Оп. 1. Д. 2. Циркуляры и инструкции губпрофобра, протоколы заседаний педсовета и отчет о работе школы за 1922/23 и 1923/24 учебные годы. Начато 1 ноября 1922 г. Окончено 8 октября 1924 г.

2. ГАГО. Фонд 40. Оп. 1. Д. 3. Циркуляры Гавпрофобра и губоно, сведения о штатах школы и учебных планах. Начато 30 декабря 1922 г. Окончено 6 февраля 1924 г.

3. ГАГО. Фонд 40. Оп. 1. Д. 4. Приходно-расходная книга Гомельской фармацевтической школы. Начато 16 августа 1922 г. Окончено 8 октября 1924 г.

4. ГАГО. Фонд 40. Оп. 2. Д. 1. Заявления граждан о зачислении в школу; справки, выданные учащимся о получении свидетельств об окончании школы; экзаменационные ведомости. Начато 12 декабря 1920 г. Окончено 20 мая 1924 г.

5. ГАГО. Фонд 40. Оп. 2. Д. 2. Ведомости на выдачу заработной платы преподавателям и административно-техническому персоналу и стипендии учащимся школы за декабрь 1922 г. – октябрь 1924 г.

6. ГАГО. Фонд 40. Оп. 2. Д. 3. Удостоверения и списки преподавателей и учащихся. Начато 3 января 1922. Окончено 9 октября 1924 г.

7. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 94. Выписки из протоколов Губпросвета, художественной секции коллегии Губпрофобра, коллегии Губоно и коллегии сектора соцвоспитания. Начато 26 мая 1921 г. Окончено 7 июля 1921 г.

8. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 95. Протоколы заседания коллегии фотокиносекции и доклад о деятельности 24 января – 26 октября 1921 г.

9. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 116. Списки сотрудников художественной школы-студии имени Врубеля, театра имени Калинина и кинотеатра «Красная звезда». 1921 г.

10. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 168. Список сотрудников книжного магазина Губоно; переписка о снабжении канцелярскими принадлежностями. 1922 г.

11. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 192. Циркулярные указания всем губоно и губкоммунотделам; протоколы комиссии по приемке парка имени А. В. Луначарского и заседания президиума ГИКа; акт приема парка и сооружений, находящихся на его территории 12 февраля – 27 октября 1923 г.

12. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 210. Личные дела служащих учреждений, подведомственных Губоно. Начато 5 сентября 1923 г. Окончено 31 января 1924 г.

13. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 303. Гомельский губернский отдел народного образования. Месячный отчет о деятельности педагогического музея. Начато 14 марта 1920 г. Окончено 29 июня 1921 г.

14. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 325. Отчет и сведения о работе музея имени А. В. Луначарского, протоколы заседания музейной коллегии и школьных советов. Протоколы заседания школьного совета Первой вечерней школы; месячный отчет о работе педагогического музея. Начато 24 июня 1921 г. Окончено 15 марта 1922 г.

15. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 575. Тезисы к докладу о работе по ликвидации неграмотности и о состоянии библиотечного дела в губернии. Начато в апреле 1923 г. Окончено 31 августа 1923 г.

16. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 711. Дело Гомельского Губсоцвоса. Переписка о постановке краеведческой работы в школах соцвоса. Краткий отчет о работе губбюро краеведения. Начато 5 февраля 1925 г. – Окончено 5 декабря 1925 г.

17. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 975. Доклад о деятельности Губпрофобра; списки сотрудников музея имени А. В. Луначарского и преподавателей музыкальной школы. Начато 23 января 1921 г. Окончено в мае 1921 г.

18. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 976. Положение о слиянии железнодорожных культурно-просветительных организаций с органами народного комиссариата по просвещению и смета художественной школы-студии имени М. А. Врубеля на 1922 г. Начато и окончено в 1921 г.

19. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1079. Протоколы заседания президиума Гомельского рабочего факультета; списки желающих поступить на Рабфак. Начато 16 марта 1923. Окончено 23 августа 1924 г.

20. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1254. Протоколы заседаний пленума коллегии Губоно и список членов коллегии губернского комитета научных библиотек. Начато 1 июня 1919 г. Окончено 22 декабря 1919 г.

21. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1256. Протоколы заседаний коллегии Губоно; мандаты сотрудников отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Начато 17 ноября 1919 г. Окончено 27 августа 1920 г.

22. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1257. Дела по реставрации монументальных памятников в губернии. Протокол заседания Временной

комиссии по реставрации Гомельского народного замка; проект реставрации замка и пояснительная записка к протоколу. Начато 15 июня 1919 г. Окончено 20 октября 1919 г.

23. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1258. Протокол объединенного собрания представителей губернских учреждений и циркуляр подотдела об учете памятников искусства и старины от 24 мая 1919 г.

24. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1260. Сметы по содержанию и расходам на охрану памятников старины искусства на 1919–1920 гг.

25. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1304. Дело областного художественно-исторического музея имени А. В. Луначарского; акты передачи вещей из дворца Паскевича в музей и выписки из протоколов Гомельского Губисполкома. Начато 21 ноября 1921 г. Окончено 3 августа 1922 г.

26. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1390. Циркуляры Губполитпросвета; статистические сведения и производственный план Губернской центральной библиотеки на 1925–1926 гг.; месячные отчеты центральной библиотеки. Начато 4 января 1925 г. Окончено 31 декабря 1925 г.

27. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1427. Сведения о книжной торговле; анкеты работников печати и библиотек. Начато 28 июня 1923 г. Окончено 22 декабря 1923 г.

28. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1574. Сведения о состоянии школ II ступени г. Гомеля на 23 августа 1919 г. – 20 апреля 1920 г.

29. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1812. Смета на содержание народного замка и бывшего дворца Паскевичей на 1919 г. и требовательные ведомости на выдачу заработной платы служащим.

30. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1822. Отчет о состоянии подотдела по делам музеев охраны памятников искусства и старины за 1919 г.; смета на содержание подотдела. Начато в 1919 г.

31. ГАГО. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1852. Требовательные ведомости на выдачу заработной платы работникам гимназии общества триединства; смета на оборудование мастерских Гомельского Пролетарского университета. Начато 4 сентября 1919 г.

32. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 434. Дело по ходатайству Георгия Семеновича Мигая о зачислении его в число слушателей техникума на архитектурно-строительное отделение. Начато 17 октября 1918 г.

33. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 497. Дело по ходатайству А. Е. Перельмана о зачислении его слушателем техникума на архитектурно-строительное отделение 13 декабря 1918 г.

34. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 767^a. Сведения о составе факультетов и переписка о проведении практических занятий.

35. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 768. Список слушателей Гомельского техникума.

36. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 769. Заявления с приложением документов, поступающих в Гомельский электротехнический техникум. 26 марта 1920 г. – 30 ноября 1920 г.

37. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 770. Заявления с приложением документов, поступающих в Гомельский электротехнический техникум. 29 июня 1920 г. – 1921 г.

38. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 771. Документы и заявления слушателей Гомельского электротехнического техникума. Январь 1920 г. – сентябрь 1921 г.

39. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 772. Дело о ходатайстве Абрама Давидовича Бинкина о зачислении его слушателем подготовительного отделения. Начато 12 июля 1920 г. Окончено 11 февраля 1921 г.

40. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 773. Ведомости на выдачу заработной платы преподавателям и слушателям Гомельского техникума. Июнь 1920 г. – июль 1920 г.

41. ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 774. Требовательные ведомости на выдачу стипендий слушателям Гомельского Пролетарского техникума. 1920 г.

42. ГАГО. Фонд 149. Оп. 1. Д. 1. Музей санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова, г. Гомель. Смета расходов на 1921 г.; отчет о работе за январь–апрель 1921 г. и переписка с губздравотделом по организационным и хозяйственным вопросам. Начато 30 августа 1920 г. Окончено 4 ноября 1921 г.

43. ГАГО. Фонд 149. Оп. 1. Д. 2. Музей санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова, г. Гомель. Журнал регистрации исходящих документов за 1920–1924 гг.

44. ГАГО. Фонд 149. Оп. 1. Д. 3. Музей санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова, г. Гомель. Протоколы заседаний лекторского кружка; отчеты о работе; переписка с губздравотдеом и требовательные ведомости на оплату прочитанных лекций сотрудникам музея за декабрь 1922 г. – ноябрь 1923 г.

45. ГАГО. Фонд 149. Оп. 1. Д. 4. Музей санитарного просвещения имени Н. И. Пирогова, г. Гомель. Переписка с Губздравотделом по разным вопросам, требовательные ведомости на оплату прочитанных лекций сотрудникам музея за декабрь 1923 г. – декабрь 1924 г.

46. ГАГО. Фонд 167. Оп. 1. Д. 4. Протоколы заседаний педсовета курсов и коллегии Гомельского губпрофобра, сметы расходов на

содержание на 1924/1925 учебного года и отчеты о работе курсов; статистические карточки по учету труда. Начато 14 июня 1924 г. Окончено 31 сентября 1926 г.

47. ГАГО. Фонд 306. Оп. 1. Д. 1. Протоколы заседаний коллегии Губздрави. Начато 22 сентября 1919 г. Окончено 26 декабря 1920 г.

48. ГАГО. Фонд 306. Оп. 1. Д. 3. Смета на содержание санитарно-эпидемических учреждений на 1919 г.

49. ГАГО. Фонд 306. Оп. 1. Д. 11. Переписка об организации санитарного обслуживания «беженцев». Начато 1 января 1919 г. Окончено 26 декабря 1919 г.

50. ГАГО. Фонд 306. Оп. 1. Д. 15. Приказы, циркуляры и распоряжения Наркомздрави РСФСР, Губисполкома, Губздравикома и Губздрави. Начато 5 января 1920 г. Окончено 31 декабря 1920 г.

51. ГАГО. Фонд 306. Оп. 1. Д. 17. Циркуляры, сведения и переписка о состоянии и развитии здравоохранения; приказы по личному составу медицинских учреждений. Начато 23 декабря 1920 г. Окончено 9 января 1922 г.

52. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 17. Материалы о разрешении строительства здания в Гомеле. План улиц г. Гомеля на 1 августа 1922 г. Начато 11 июля 1922 г. Окончено 25 декабря 1922 г.

53. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 96. Резолюция пленума Гомельского горсовета от 9.09.1924 г. об итогах строительной кампании 1923/24 г.; выписки из протоколов заседаний президиумов Губисполкома, горсовета и коммунальной секции; списки городских земель и муниципальных домов г. Гомеля. Начато 25 сентября 1924 г. Окончено 5 октября 1925 г.

54. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 147. Исполнительные чертежи по реставрации сгоревшей части бывшего замка в парке имени А. В. Луначарского. Работы произведены в первой очереди строительного сезона 1925 г. Начато и окончено в 1925 г.

55. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 159. Список домовладельцев г. Гомеля. Начато и окончено в 1925 г.

56. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 160. Список домовладельцев г. Гомеля. Начато и окончено в 1925 г.

57. ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 163. Список домовладельцев г. Гомеля.

58. ГАГО. Фонд 478. Оп. 1. Д. 1. Гомельский вечерний рабочий факультет Народного комиссариата просвещения БССР. Постановления, циркуляры, инструкции Совнаркома, Наркомпроса, Наркомфина БССР. Начато 3 октября 1927 г. Окончено 26 октября 1928 г.

59. ГАГО. Фонд 478. Оп. 1. Д. 10. Звесткі аб наведваньні студэнтаў вячерняга Рабфаку [сведения о посещаемости занятий за 1927/28 учебный год Гомельского рабочего факультета Минского политехнического института, г. Гомель]. Начато в 1927 г.

60. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 1. Акты на приемку строительных материалов, инвентаря и хозяйственным вопросам. Начато 18 февраля 1920 г. Окончено 2 сентября 1921 г.

61. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 3. Переписка с Губернским губсовхозом по хозяйственным вопросам. Начато 16 мая 1921 г. Окончено 24 мая 1921 г.

62. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 4. Дело входящих бумаг парка имени А. В. Луначарского. Переписка с совхозом Прудок по хозяйственным вопросам. Начато 7 декабря 1921 г. Окончено 11 апреля 1922 г.

63. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 5. Переписка с Гомельским Губсовхозом и Губземотделом по вопросам труда (заявления о приеме и увольнении). Начато 25 ноября 1921 г. Окончено 4 апреля 1922 г.

64. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 6. Дела исходящих бумаг из народного парка имени А. В. Луначарского на 1921 г. Начато 13 января 1921 г. Окончено 3 июля 1921 г.

65. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 7. Управление Гомельского парка имени А. В. Луначарского. Копии актов на приемку строительных материалов и инвентаря. Начато 11 января 1921 г. Окончено 18 апреля 1921 г.

66. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 9. Управление Гомельского парка имени А. В. Луначарского. Журнал регистрации входящих документов. Начато 5 января 1921 г. Окончено 26 сентября 1921 г.

67. ГАГО. Фонд 555. Оп. 1. Д. 10. Управление Гомельского парка имени А. В. Луначарского. Расходные документы за январь и февраль месяцы. Начато 9 января 1922 г. Окончено 15 апреля 1922 г.

68. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Фонд 1. Оп. 1. Д. 131. Протоколы собраний, доклады и другие документы Гомельского Пролетарского университета. Начато 24 ноября 1919 г. Окончено 5 февраля 1920 г.

69. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. д. 209. Протоколы III конференции по ликвидации безграмотности, заседаний президиума и письма ГУБОНО. Начато 25 февраля 1920 г. Окончено 23 декабря 1920 г.

70. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 482. Протоколы заседаний испартии и комиссии по составлению истории партии. Начато 9 декабря 1920 г. Окончено 25 декабря 1923 г.

71. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 483. Протоколы и отчеты комиссий по проведению 3-й годовщины Октябрьской революции, «Неделя помощи фронту», «Неделя ребенка», 100-летие со дня рождения Энгельса. Начато 20 октября 1920 г. Окончено 29 декабря 1920 г.

72. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 491. Переписка с партийными и советскими организациями по вопросам агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы. Начато в 1920 г. Окончено в 1922 г.

73. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 512. Отчеты и доклады о ликвидации безграмотности, списки ячеек по уездам, списки и анкеты членов Губкома РКП (б) и документы на исключенных из партии. Начато 1 января 1920 г. Окончено 10 августа 1920 г.

74. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 651. Списки предприятий Губернии. Начато 1920 г. Окончено 1920 г.

75. ГАООГО. Фонд 1. Оп. 1. Д. 808. Переписка Губкома с Губздравотделом о посылке коммунистов на лечение. Начато в мае 1921 г. Окончено в июне 1921 г.

76. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 5. Циркуляры ЦКРК (б) о проведении перерегистрации коммунистов; радиотелеграммы и оперсводки о положении на фронтах; выписки из протоколов губкома и укома РКП (б); доклады ответственных работников о состоянии волкомов; удостоверения и заявления коммунистов. Начато 3 апреля 1919 г. Окончено 12 июня 1919 г.

77. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 11. Удостоверения, заявления коммунистов, расходные ордера и переписка о коммунистах. Начато 1 октября 1919 г. Окончено 1 августа 1929 г.

78. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 114. Регистрационные карточки, удостоверения, рекомендации и заявления коммунистов ячейки РКП (б). Начато 16 февраля 1920 г. Окончено 16 февраля 1921 г.

79. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 131. Инструкции и положения о приеме в партшколы; организации и проведение субботников; о работе профсоюзов. Тезисы по текущему моменту; сводки о проведении агитационных компаний в уезде. Начато 17 апреля 1920 г. Окончено 31 декабря 1920 г.

80. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 134. Инструкции и циркуляры ЦКРП (б), губкома РКП (б) об организации работы среди женщин. Начато 5 июня 1920 г. Окончено 27 декабря 1920 г.

81. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 149. Списки коммунистов, мобилизованных на фронт, для проведения посевной, топливной и про-

довольственной кампаний. Начато 3 августа 1920 г. Окончено 1 мая 1921 г.

82. ГАООГО. Фонд 2. Оп. 1. Д. 36. Статьи, опубликованные в периодической печати; воспоминания членов партии о революционных событиях 1917–1918 гг.; телеграммы.

23/2 1925 г.

ГОМКНИГА

Удобровенше
одн

Счет № 261
на отпущенные Вам товары на
Руб. 12 к. 19
каковую сумму _____

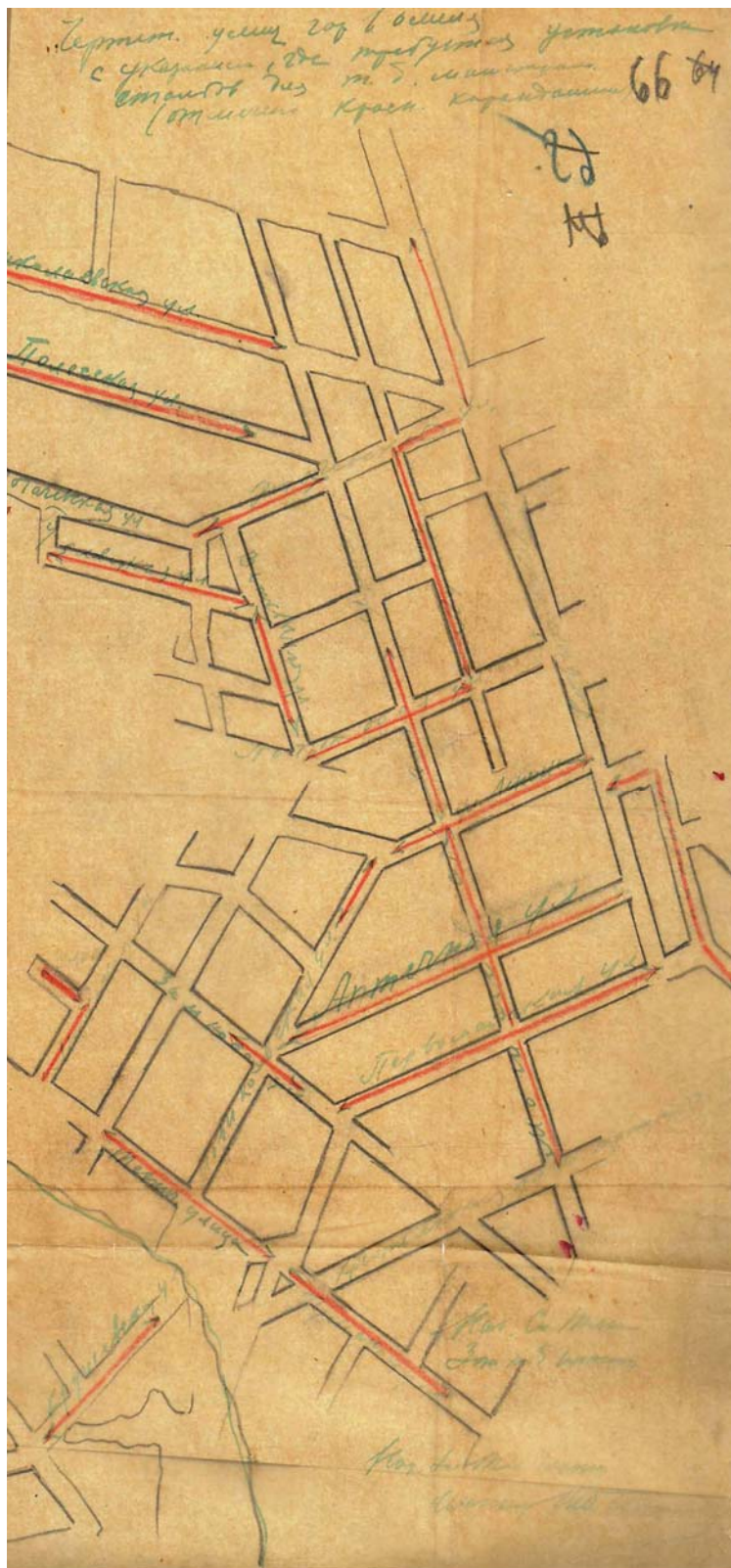
пол. магазином **ПОЛУЧЕНО**
Кассир _____ Счетовод _____

Наименование товаров	Колич.	ЦЕНА		СУММА	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Блок-Нотов	50	-	30	15	-
Календарь перм.	50	-	07	3	50
Бум. 1 м.	39	-	20	-	60
				19	10к
скидка 10%				1р 91к	
				12р 19к	
				Семьдесят руб и 19к	

„Полеспечатать“, Гомель. Зак. № 175-1000 экз.

Платежная квитанция гомельского книжного магазина
от 23 февраля 1925 г.
ГАГО. Фонд 1376. Оп. 1. Д. 31. Л. 6

План г. Гомеля, выполненный в августе 1922 г. с указанием проведения установки столбов линий электропередач ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 17. Л. 66

Р. С. Ф. С. Р.

В. К. П. С.

ЛЕНИН ЗЕМЛЯНИК

УЖБА ТЯГЕ

1922 г.

№ 100341

г. Гомель

Гомель, Коммунистич. н. р. № 48.

Иск семьи Дрепцова о предоставлении плана улиц
 города с указанием проводки, где требуется
 установка столбов. - 3/11/22

Т. Д. Дрепцова

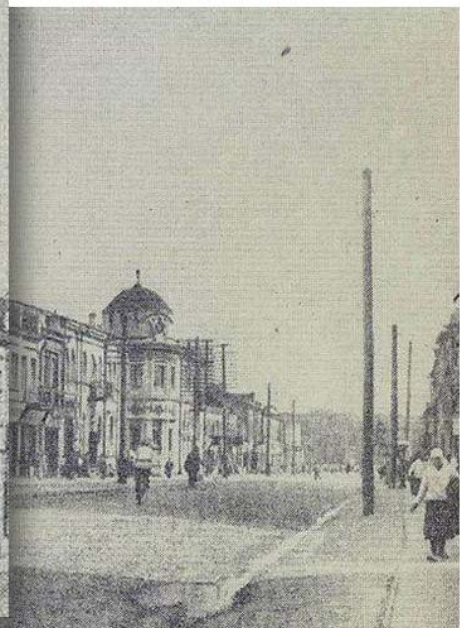
№ 66

Т. Д. Дрепцова

Докладная записка о проведении электрификации центральных улиц г. Гомеля, 1922 г.
ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 17. Л. 63

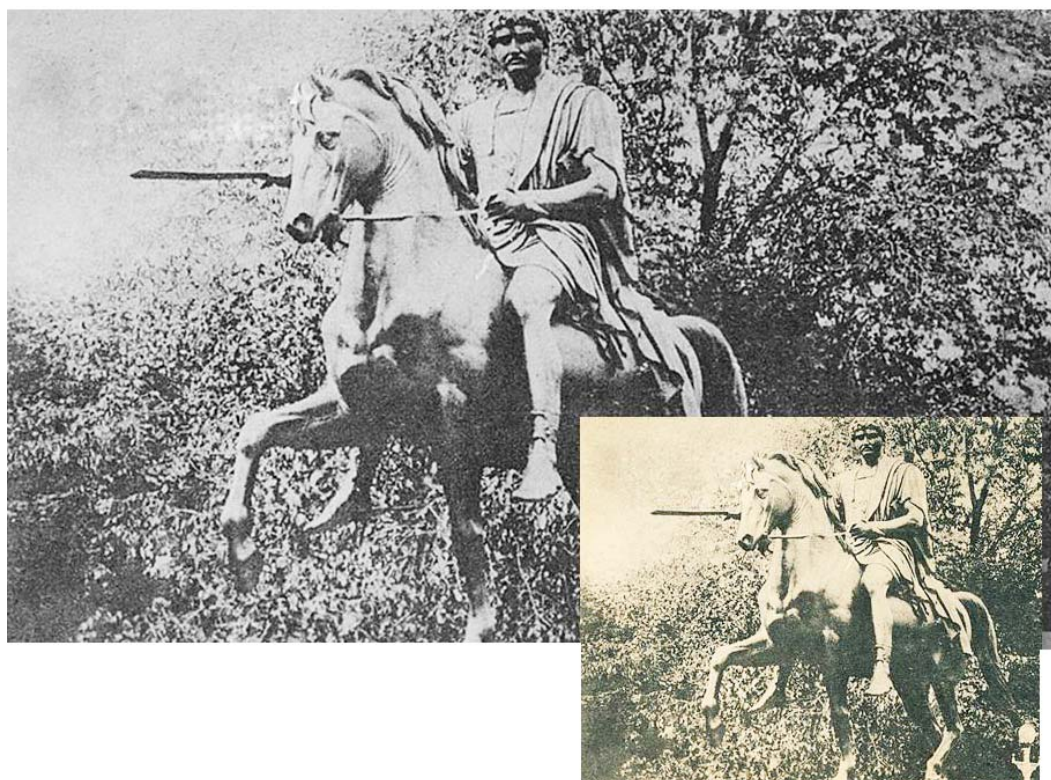
Румянцевская улица (до революции). В настоящее время – улица Советская

Улица Советская, 1920-е гг.

Аптечная улица (до революции). В настоящее время – улица Жарковского

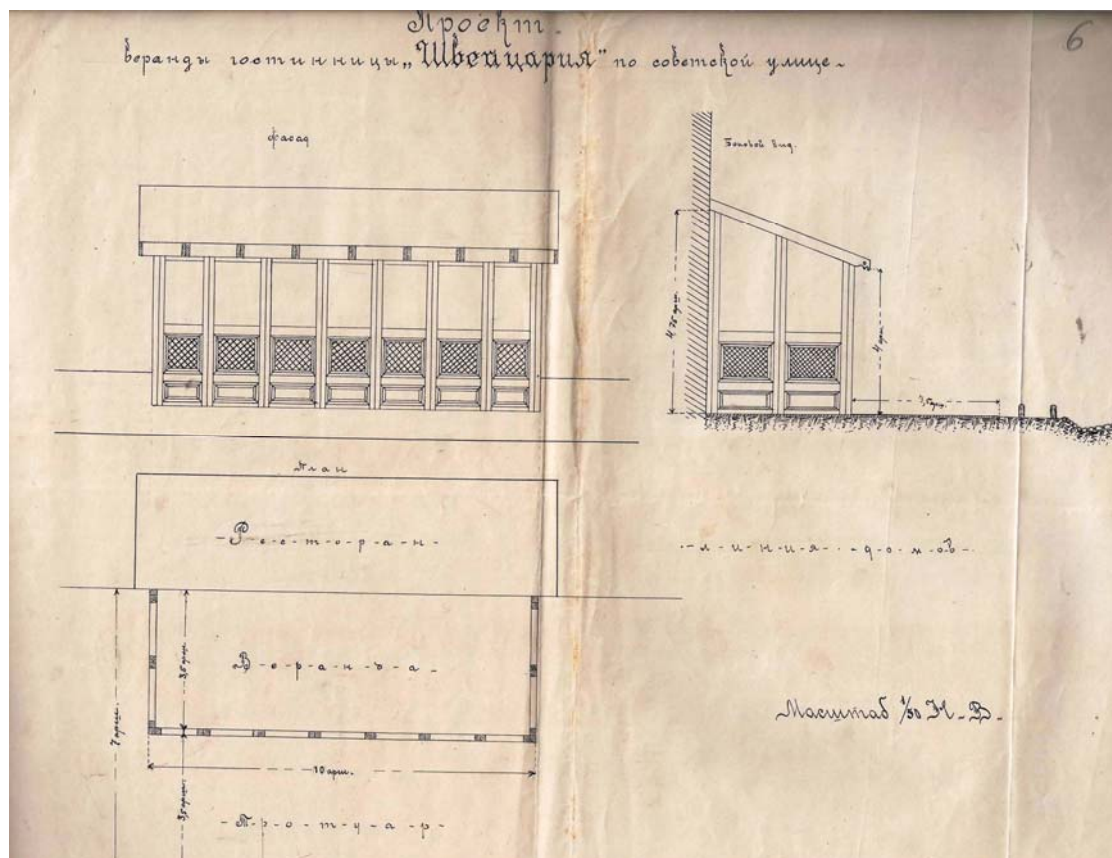
Памятник Ю. Понятовскому в парке им. А. В. Луначарского.
В 1922 г. вывезен в Польшу

Трудовой коллектив строительной организации «Полесстрой», 1923 г.
ГАГО. Фонд. 228. Оп. 1 Д. 34

Работники «Полесстроя», участвовавшие
в ремонте объектов военного назначения, 1923 г.
ГАГО. Фонд. 228. Оп. 1 Д. 34

Проект веранды гостиницы «Швейцария» по улице Советской,
начало 20-х гг. XX в.
ГАГО. Фонд 314. Оп. 1. Д. 17. Л. 6

Глазная лечебница на углу Замковой и Ирининской улиц,
начало XX в.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

228

Воспитанникъ Гомельскаго Духовнаго Училища Курекъ Иванъ,
сынъ Михаила п. Гомеля, Могилев-
ской губернии, Ивана Курека
Родился въ п е р в о й день ноября мѣсяца
восемьсотъ девятноу десяти года поступилъ въ августа
мѣсяцъ 1911 года въ п е р в о й классъ Гомель-

Духовнаго училища и при поведеніи отличнымъ оказалъ успѣхи:

По Священной исторіи	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Катихизису	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Писанию Богослуженія съ Церкови. уставомъ	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Историю русской церковной и гражданской исторіи	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
Языкамъ:	Русскому съ церковнославянскимъ	<u>отлично</u> <u>13/1</u>
	Греческому	<u>отлично</u> <u>13/1</u>
	Латинскому	<u>отлично</u> <u>13/1</u>
По Арифметикѣ	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Географіи	<u>отлично</u>	<u>14/1</u>
„ Природовѣдѣнію	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Числосчисанію	<u>отлично</u>	<u>14/1</u>
„ Черченію	<u>отлично</u>	<u>13/1</u>
„ Церковному пѣнію		<u>13/1</u>

По окончаніи полного курса ученія въ Духовномъ училищѣ Курекъ
Иванъ причисленъ Училищнымъ Правленіемъ къ второму разряду воспитанниковъ училища съ преимуществами, присвоенными окончившимъ полный курсъ ученія въ Духовномъ училищѣ § 124 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 22 Августа 1884 года устава Духовныхъ и удостоенныхъ перевода въ 1 классъ
духовной семинаріи

При отбываніи воинской повинности онъ пользуется льготами, предоставленными воспитанниками учебныхъ заведеній 2-го разряда, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 61 уст. о воин. по прод. 1912 г. (Уст. о воин. повин. св. Зак. т. IV, по прод. 1912 г. ст. 64, п. 1-ый и 77).

Въ удостовѣреніе чего и дано ему, Куреку Ивану
свидѣтельство отъ Правленія Гомельскаго Духовнаго Училища за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ печати Правленія.
Г. Гомель 1918 года мая 17/30 дня.

Смотритель училища Предъ. Влад. Суворова
Помощникъ Смотрителя М. Адамъ
Членъ Правленія Фр. Т. Суворова
Дѣлопроизводитель И. Семидановъ

Свидетельство выпускника Гомельскаго Духовнаго училища, май 1918 г.
ГАГО. Фонд 96. Оп. 1. Д. 771. Л. 228

Гимназистка, г. Гомель, 1918 г.

Бурченко К. Ф. (1905 г. р.),
батальонный писарь Гомельского горнизона, 1921 г.
Фото из личного архива автора

Научное издание

Уваров Игорь Юрьевич

**ГОМЕЛЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
(1918–1925 годы)**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка И. П. Минина
Художник обложки А. И. Уваров

Подписано в печать 30.12.21.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 13,11.
Тираж 100 экз. Заказ № 713/20.

Издатель и полиграфическое исполнение
Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого.
Свидетельство о гос. регистрации в качестве издателя
печатных изданий за № 1/273 от 04.04.2014 г.
пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель

ISBN 978-985-535-479-7

